

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования «Государственный институт
русского языка им. А. С. Пушкина»

На правах рукописи

Каличкина Тамара Игоревна

**Ирония как способ экспликации лингвокультурных особенностей
современной политической коммуникации**

5.9.5. Русский язык. Языки народов России

Диссертация
на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель:
Боженкова Наталья Александровна,
доктор филологических наук, профессор

Москва – 2022

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3-15
Глава 1. ФЕНОМЕН ИРОНИИ В СОВРЕМЕННОМ НАУЧНОМ ОСВЕЩЕНИИ	16-68
1.1. Ирония как объект гуманитарных наук: диахроническое описание ..	16-29
1.2. Ирония как конституент парадигмы комического: семасиологические основания разграничения	30-49
1.3. Категориальные признаки иронии и способы таксономизации.....	50-64
Выводы по главе 1	66-69
Глава 2. ФЕНОМЕН ИРОНИИ В ФОКУСЕ ПОЛИТИЧЕСКОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ.....	71-135
2.1. Политический дискурс в современных реалиях: прагматико-семасиологическая характеристика.....	71-88
2.2. Механизмы формирования/рецепции иронического кода высказывания: общие положения	90-100
2.3. Механизмы формирования/рецепции иронического кода высказывания в политических интеракциях	103-129
Выводы по главе 2	133-135
Глава 3. ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ СПОСОБОВ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ИРОНИИ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОЯЗЫЧНОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ.....	139-197
3.1. Экспликация иронического кода в системном виде политического дискурса	139-146
3.2. Экспликация иронического кода в политическом дискурсе каузальной атрибуции.....	149-169
3.3. Система лингвистических средств и способов выражения иронического кода в русскоязычных политических интеракциях	173-195
Выводы по главе 3	200-197
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	203-202
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ	208-214
Приложение А (обязательное). Основные источники исследования	220-217
Приложение Б (справочное). Интервью с М. В. Захаровой	223-219
Приложение В (справочное). Опрос Рейтинг узнаваемости политиков	225
Приложение Г (справочное). Скриншоты публикаций М.В. Захаровой в Facebook с графическими символами и реакциями читателей	226-233

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность и степень разработанности темы исследования

Феномен *иронии*, несмотря на многовековое его изучение, до настоящего времени сохраняет статус исследовательской лакуны. Вместе с тем в условиях современного поликультурного мира именно *ирония* оказывается важнейшим и одним из частотных способов дискурсивной репрезентации отношения коммуникантов к действительности. Активное «включение» иронического модуса в широкое социокоммуникативное пространство становится стимулом для её исследования как маркера институционального взаимодействия: можно утверждать, что иронический контекст в последнее десятилетие «окутывает» практически все типы/виды институционального дискурса. Ирония, «обрамляющая» институциональное общение, детерминирует рождение новые смысловых оттенков коммуникации, тем самым возникает необходимость в поиске новых векторов анализа столь многогранного явления.

Так, феномен иронии рассматривается через призму большинства общественных наук – философии¹, психологии², социологии³, политологии⁴, культурологии⁵, эстетики⁶ и др.; ирония является значимым параметром для классических видов искусства – литературы, театра, живописи. Вербально закреплённое «ироническое отношение» к реальности, приобретающее всеобъемлющий характер в контексте новой интегративной среды, обуславливает новый виток лингвистического интереса к определению фонетико-фонологических, лексических, синтаксических и – шире – текстуальных средств выражения иронии и тенденций развития этого феномена⁷, особенно в тех сферах коммуникации, которые исторически и «канонически» не должны

¹ См. работы Н. С. Бандурина, С. Г. Биченко, С. Ф. Денисова, Ю. А. Кирюхина, А. А. Серебрякова и др.

² См. работы М. В. Борденко, Е. Чурсиной, М. Штейна, З. Фрейда, О'Коннелла и др.

³ См. работы Д. К. Андерсона, Т. Веблена, А. В. Дмитриева, Д. Раскова, У. У. Шеррока и др.

⁴ См. работы Р. Водак, В. А. Глухих, М. Р. Желтухиной, В. И. Карасика, В. И. Шаховского и др.

⁵ См. работы Р. И. Александрова, О. А. Коноваловой, А. В. Михайлова, И. А. Семёнова, А. А. Сычева и др.

⁶ См. работы М. М. Бахтина, Н. Я. Берковского, А. Ф. Лосева, В. М. Пивоева, В. П. Шестакова и др.

⁷ См. работы И. В. Арнольд, Н. Д. Арутюновой, Ю. В. Архангельской, А. Н. Баранова, Р. М. Блакара, Г. Вайнрайха, Б. А. Гомлешко, Г. П. Грайса, О. П. Ермаковой, Ю. В. Каменской, Е. С. Кубряковой, Д. Мюкке, О. Я. Палкевича, М. В. Пивоева, С. И. Походни, Н. К. Салиховой, М. А. Слепцовой, А. С. Смирнова, Ж. Е. Фомичевой, И. Б. Шатуновского и др.

демонстрировать иронический модус и ироническую рефлексию происходящего и к числу которых, бесспорно, относится сфера политического взаимодействия.

Важно отметить, что политический дискурс как публичная коммуникативная сфера и «политический язык» как его базис обладают рядом отличительных особенностей. Наиболее точно языковой компонент политики охарактеризовала Р. Водак: «Он находится как бы между двумя полюсами – функционально-обусловленным специальным языком и жаргоном определенной группы со свойственной ей идеологией. И должен выполнять противоречивые функции, в частности должен быть доступен для понимания (в соответствии с задачами пропаганды) и ориентированным на определенную группу (по историческим и социально-психологическим причинам)» [Водак, 1998, с. 24]. Несомненно, что вербальные средства передачи информации специфичны для каждого политика: они зависят от культурно-исторического контекста, политической ситуации, целей и методов ее достижения и др., однако, как утверждал П. Б. Паршин, «для политического текста речевое воздействие является основной целью коммуникации, на достижение которой ориентируется выбор лингвистических средств» [Паршин, 1987, с. 401].

В этой связи естественным оказывается тот факт, что выступления современных политиков экспрессивно и эмоционально окрашены. Неслучайно В. И. Шаховский писал: «Народу важен не столько смысл сказанного, сколько эмоции, рожденные сказанным, манипулирование общественным сознанием власть осуществляет при помощи языка» [Шейгал, 2000, с. 265].

Соответственно, ирония, будучи неотъемлемой частью идиоэтнической организации универсума, оказывается значимым компонентом политических интеракций, при этом способы языковой экспликации иронического кода высказывания характеризуются определенной спецификой. Так, вербальные знаки политического дискурса имеют ряд отличий от языка повседневного: нередко языковые единицы политического поля «приобретают» нетипичную для них интерпретацию и наполняются противоположным смыслом, поскольку в политическом тексте содержится не только и не столько эксплицитно выраженный

смысл, сколько прямо противоположный ему, зачастую являющийся единственно истинным (что в понимании античных философов и есть суть *иронии*). Представляется, что синергетический анализ различных видов современного русского политического дискурса, направленный на выявление и характеристику способов создания и рефлексии иронического модуса коммуникативных практик, объединенных определенными идеологическими установками, позволит вычленивать, описать и систематизировать не только принципы трансляции ценностных ориентиров определенного общества, но и систему языковых средств, эксплицирующих лингвокультурную устроенность русскоязычного универсума, что в совокупности свидетельствует об актуальности темы данной диссертационной работы.

Целью настоящего исследования является комплексное лингвокультурологическое описание системы знаковых единиц, экземплифицирующих категорию иронии, как конвергентных конститuentов современного русского политического дискурса.

Достижение поставленной цели предполагает решение **следующих задач**:

- рассмотреть понятие иронии в свете мультидисциплинарных подходов; проанализировать современные тенденции изучения иронии через призму лингвистического, этнокультурного и социального векторов исследования;
- описать категориальные признаки иронии с характеристикой ее отличительных свойств от других феноменов комического (остроумия, юмора, парадокса, пародии, сатиры, сарказма и гротеска);
- изучить лингвокогнитивные и лингвопрагматические механизмы формирования иронического кода высказывания у автора и восприятия его реципиентом;
- рассмотреть принципы и базисные механизмы организации и реализации политических дискурсивных практик как важнейшей разновидности институционально-персональной коммуникации;

- провести комплексный анализ текстовых единиц российского политического дискурса в свете трансформации современного коммуникативного пространства с выявлением новых прагматико-семасиологических характеристик;
- осуществить компонентный и контекстуальный анализ знаковых средств выражения иронии в различных политических интеракциях;
- описать алгоритмы употребления вербальных и невербальных единиц, эксплицирующих категорию иронии в политических дискурсивных практиках, с последующей их таксономизацией;
- систематизировать лингвокультурные маркеры реализации иронии в сфере политического взаимодействия и проанализировать причины неправильного декодирования вербальных конструктов, детерминирующих коммуникативные риски политических интеракций.

Объектом исследования является совокупность вербальных средств и композиционно-языковых конструктов, принадлежащих к различным ярусам русской языковой системы и являющихся маркерами иронического контекста современных политических интеракций.

Предметом исследования выступают лингвокогнитивные, лингвосемасиологические, лингвопрагматические механизмы экспликации иронического кода в российском политическом дискурсе, манифестирующих специфику лингвокультурной организации русскоязычной логосферы.

Материалом исследования послужили скрипты выступлений политических деятелей РФ (В. В. Путина, С. В. Лаврова, М. В. Захаровой, В. В. Жириновского, Д. А. Медведева, М. М. Касьянова и др.) и представителей СМИ (И. А. Варламова, М. С. Симоньян, И. А. Урганта, К. А. Собчак) в период с 2018 г. по 2022 г., размещенные на сайте Администрации Президента РФ, Министерства иностранных дел РФ, официальной группе «МИД России» в социальной сети «ВКонтакте» (расшифровки интервью, протоколы заседаний, прямые линии с Президентом, дебаты, записи выступлений), а также авторские тексты политического содержания (комментарии, блоги, посты, мемы), представленные на верифицированных страницах различных интернет-ресурсов – социальных сетей,

телеграм- и youtube-каналов, СМИ и др. (общее число – более 4500 текстовых единиц).

Методологической и теоретической основой работы послужили исследования в области лингвистического описания феномена иронии (М. М. Бахтина, Ю. Н. Варзониной, И. Б. Голуб, Ж. Дюбуа, М. Н. Кожиной, М. П. Котюровой, С. О. Къркегора, И. А. Мельчука, М. А. Паниной, С. И. Походни, Р. Рорти, В. А. Серковой, И. Б. Шатуновского, К. М. Шилихиной и др.); по различным вопросам теории дискурса (Р. Водак, В. И. Карасика, О. С. Кубряковой, Е. И. Шейгал), включая описание политического дискурса и политической коммуникации (Э. М. Афанасьевой, Н. А. Боженковой, Ю. В. Богоявленской, Э. В. Булатовой, И. Т. Вепревой, Д. Б. Гудкова, М. Р. Желтухиной, Н. Д. Голева, П. А. Катышева, О. Н. Кондратьевой, Э. А. Китаниной, С. В. Ионовой, Е. В. Кишиной, Н. В. Мельник и др.); лингвокультурологии и лингвосемиотики (Г. А. Агеевой, Р. К. Боженковой, Н. Ю. Ивойловой, В. Г. Костомарова, Ю. М. Лотмана, Ю. С. Степанова, И. А. Стернина, А. Т. Хроленко, В. М. Шаклеина, В. И. Шаховского).

Отметим, что последние десятилетия представлено широким спектром работ, посвящённых способам выражения иронии в политическом дискурсе: см. работы С. Г. Биченко (2012 г.), Н. А. Боженковой (2016–2021 гг.), Р. Водак (2011 г.), К. А. Воробьевой (2007 г.), Н. А. Глазовой (2016 г.), Л. Б. Гнездиловой (2014 г.), С. С. Гурьевой (2001 г.), С. Ф. Денисова (2016 г.), О. П. Ермаковой (2006 г.), В. И. Карасика (2002–2020 гг.), И. Г. Катеневой (2008 г.), Л. А. Комарницкой (2016 г.), Е. В. Мартемьяновой (2007 г.), Ю. Н. Мухиной (2012 г.), И. А. Осинской (2007 г.), О. Я. Палкевич (2001 г.), О. Г. Петровой (2011 г.), М. С. Потеминой (2010 г.), И. А. Семенова (2007 г.), М. А. Слепцовой (2008 г.), И. В. Черданцевой (2014 г.), К. М. Шилихиной (2014 г.) и др.

В основу работы положена **гипотеза** о том, что ирония, будучи особым лингвокогнитивным феноменом универсума, в настоящее время приобретает статус лингвокультурного маркера современной российской политической логосферы, что не только существенным образом изменяет «классическую»

ритуальную устроенность политических интеракций, но и формирует особую систему вербальных и композиционно-языковых средств выражения иронического кода, которые можно типизировать и таксономизировать на основании их доминантности и частотности представленности в актах политического взаимодействия.

На защиту выносятся следующие положения

1. Ирония есть мультисмысловая рефлексивная фиксация вариативности действительности, передающая мелиоративно-критический взгляд на мир и экземплифицирующаяся в акте коммуникации этноспецифичными вербальными/невербальными средствами. Являясь важнейшим компонентом парадигмы комического, ирония имеет особые категориальные признаки, обусловленные асинхроническими парадигматическими отношениями между планом содержания и планом выражения, которые отграничивают ее от иных смежных явлений, при этом сама ирония представляет собой средоточие и одновременно центр прагматического разграничения двух глобальных типов комического (сатирического и юмористического).

2. Современный российский политический дискурс конституируется как особый тип институционально-персонального взаимодействия, где одновременно функционируют разнохарактерные дискурсивные практики, критерием разграничения которых оказывается продуктивность (первичность) / репродуктивность (вторичность) политической деятельности в целом. На этом основании выделяются *системный политический дискурс*, включающий *трафаретный политический дискурс* и *дискурс политической пропаганды*, и *политический дискурс каузальной атрибуции*, подразделяющийся на основании степени персонифицированности актора на *дискурс идиомедийной рефлексии политической повестки* и *дискурс коллективной рефлексии политической повестки* (как ответную реакцию общества на определенное политическое действие / событие / высказывание и системный политический дискурс в целом).

3. В основе лингвокогнитивных, лингвосемасиологических и лингвопрагматических механизмов создания и функционирования иронии лежит амбивалентная связь этнокультурного контекста интеракции и авторской иллюкутивной цели высказывания, создающая специфический лингвокультурный фон восприятия текстового поля, что в условиях дискурсивного (в том числе политического) взаимодействия (знаемости участниками пресуппозиционных

параметров и статусно-ролевой рамки) генерирует не только новые имплицитные смыслы, но и иронический код.

4. Иронический код является многоуровневым семасиологическим ядром иронии как лингвокогнитивного феномена, вербальная репрезентация которого обуславливается конвергентным характером соединения знаковых единиц, принадлежащих к различным ярусам русской языковой системы. Лингвистические средства экспликации иронического кода организуют особый кластер, при этом сама ирония имеет разную силу воздействия, а способы ее оформления – различные прагматические характеристики. Рецепция иронического кода адресатом ограничивается / расширяется многочисленными дискурсивными и этнолингвокультурными параметрами (пропозициональными, хронотопическими, аксиологическими), однако адекватность рефлексии иронического кода возможна только в интерактивном (дискурсивном) взаимодействии.

5. Ирония как особое когнитивно-вербальное явление, семасиологически организованная изменением смежности смыслов или форм (вплоть до их несовместимости), имеющая многочисленные варианты репрезентации и представленная широчайшей палитрой языковых средств, «задает» вектор отношений между партиципантами интеракции с ироническим модусом и является средством определенной манипуляции общественным сознанием. Полифункциональность иронии как явления вызывает необходимую автору, *единственно истинную* в определенной дискурсивной практике реакцию, тем самым оказывается не только коммуникативно-ценностной рамкой современного политического дискурса, но и неким культурным кодом взаимодействия властных структур и общества.

В процессе решения задач научного исследования использовались следующие **методы и приемы**:

- описательный метод, используемый для прагматико-семасиологической характеристики политического дискурса;
- функциональный и стилистический анализ русскоязычных политических текстов, выявляющий особенности жанровой специфики политических практик;

– метод контекстуального анализа, состоящий в выделении прагматических «установок», заложенных в русскоязычных политических дискурсивных практиках, и характеристики когнитивных механизмов создания/восприятия иронического модуля высказывания;

– приемы критического и культурологического дискурс-анализа, предполагающие рассмотрение языковых компонентов политических текстов, формирующих рефлексию иронического кода высказываний;

– метод прагмалингвистического анализа коммуникативных актов, направленный на выявление кластера вербальных приемов и языковых средств, репрезентирующих иронический код высказывания на разных уровнях языковой системы;

– метод лингвокультурологических истолкований и описательно-логические приемы сопоставления вербальных единиц как репрезентантов иронического кода высказывания с их последующей таксономизацией.

Сочетание названных методов позволило осуществить изучение феномена иронии как особого лингвопрагматического инструмента современных русскоязычных политических дискурсивных практик.

Научная новизна исследования заключается в полиаспектном изучении механизмов, способов и приёмов репрезентации иронии как конститутивной составляющей русскоязычных политических дискурсивных практик и определяется следующими результатами:

– выявлены и описаны категориальные признаки иронии как мультисмыслового вербально-когнитивного явления, актуализирующегося в высказывании/тексте вследствие неконгруэнтности содержательного и функционального планов и одновременного их «слияния» под воздействием ряда дискурсивных факторов;

– определено место иронии в общей парадигме комического и охарактеризованы способы ее сопряжения с другими языковыми феноменами (от юмора до сатиры);

– предложена таксономия дискурсивных практик русскоязычного политического пространства, базирующаяся на первичности / вторичности

интеракции, выявлены функциональные параметры видов/подвидов политического взаимодействия как институционально-персонального типа коммуникации и описаны отношения их взаимообусловленности и корреляции;

– охарактеризованы лингвокогнитивные, лингвосемасиологические и лингвопрагматические механизмы создания и рефлексии иронии, основой которых является как асинхрония между смыслом текста и его формой, так и амбивалентная связь культуроспецифичных и аксиологических компонентов акта коммуникации и латентного авторского замысла, что в совокупности определяет иронический код высказывания;

– описана категориальная сущность иронического кода высказывания как семасиологического ядра, экземплифицирующегося в акте коммуникации путем конвергентного «наложения» вербальных единиц, принадлежащих к разным уровням русской языковой системы, адекватная рецепция которого возможна только в интерактивном (дискурсивном) взаимодействии с учетом множественных лингвосоциальных и этнокультурных факторов;

– проведен комплексный компонентный и контекстуальный анализ политических высказываний / текстов с ироническим модусом, на основании чего классифицирована и охарактеризована система вербальных средств и композиционно-языковых приемов репрезентации иронического кода, при актуализации которых в дискурсивной политической интеракции создается сложноорганизованный композит, включающий разноуровневые языковые единицы и имеющий тем самым высокий воздействующе-манипулятивный потенциал;

– выделена и описана как самостоятельная категория поликодовая ирония, являющаяся ярким маркером дискурса коллективной рефлексии политической повестки, наглядно демонстрирующая совпадение оценочных позиций гражданского общества и, как следствие, оказывающаяся существенным инструментом современной российской политики;

– охарактеризованы и систематизированы лингвокультурные маркеры реализации иронии в рамках политического института современного

русскоязычного пространства, адекватная рефлексия которых детерминирует алгоритмы дальнейшего коммуникативного поведения членов социума.

Теоретическая значимость диссертации определяется синергией исследовательских позиций лингвокультурологии, прагмалингвистики, когнитивной лингвистики, дискурсологии и ряда других научных дисциплин, что позволило выработать комплексный подход к анализу, систематизации и оценке лингвоаксиологической значимости семантически амбивалентных разноуровневых вербальных конструкторов, маркирующих иронический модус русскоязычных политических текстов. Изучение и выявление способов организации и трансляции языковых (и иных знаковых) средств, эксплицирующих иронический контекст современного политического взаимодействия, и полученные результаты формируют системное представление о лингвокультурных характеристиках российского политического дискурса и расширяют научное представление о его функциональной устроенности в целом. Выявленные и систематизированные в исследовании данные и эмпирический материал исследования могут быть включены в общую парадигму описания лингвистических особенностей русскоязычных политических интеракций и служить базой для дальнейшего изучения когнитивно-коммуникативной устроенности политической логосферы.

Практическая ценность исследования обусловлена возможностью интегрирования его материалов и выводов в преподавание вузовских курсов по лингвокультурологии, прагмалингвистике, социолингвистике, семантике, общей теории дискурса, когнитивной лингвистике, в спецкурсы по проблемам политической коммуникации, теории речевого воздействия, а также в практические занятия по культуре межнационального речевого общения.

Достоверность результатов и выводов исследования подтверждается исходными методологическими позициями; широкой исследовательской и теоретической базой, учитывающей данные, накопленные отечественными и зарубежными учёными; использованием терминологического аппарата и научных методов, соответствующих целям, задачам и предмету исследования;

последовательной аргументацией; репрезентативным объемом исследуемого языкового материала.

Апробация работы

Основные положения диссертации были изложены на 10 конференциях, в том числе на Международной научной конференции «Русский язык как основа межкультурного диалога славянских народов на территории приграничных с Россией государств» (Брянск-Новозыбков, 2017); на Международной научно-практической конференции «Пересекая границы: межкультурная коммуникация в глобальном контексте» (Гос. ИРЯ им. А. С. Пушкина, Москва, 2018); на III Международной научно-практической конференции «Учитель создает нацию» (Грозный, 2018); на XIV Международном фестивале «Великое русское слово» (Ялта, 2020); на VIII Международной научно-практической конференции «Гуманитарные технологии в современном мире» (Калининград, 2020); на Международном «Кирилло-Мефодиевский фестивале славянских языков и культур» (Гос. ИРЯ им. А. С. Пушкина, Москва, 2020); на Международном научном форуме «Вопросы современной лингвистики и изучения иностранных языков в эпоху искусственного интеллекта» (РУДН, Москва, 2020); на Международной научной конференции «Русский язык в современном научном и образовательном пространстве», посвященной 90-летию профессора С. А. Хаврониной (РУДН, Москва, 2020), на Международной научной конференции «Политика и культура: пространство игры» (Будапешт, 2020), Международной научно-практической конференции «XXXI Пушкинские чтения» (Гос. ИРЯ им. А.С. Пушкина, Москва, 2021).

Результаты исследовательской работы поддержаны РФФИ (проект № 19-312-90069, 2019–2021 гг.).

В процессе научной работы создана и зарегистрирована Федеральной службой по интеллектуальной собственности база данных «Политические дискурсивные практики в пространстве русскоязычной коммуникации» (Свидетельство о государственной регистрации № 2019622121 от 20 ноября 2019 г.; авторы Боженкова Н. А., Афанасьева Э. М., Каличкина Т. И., Катышев П. А.,

Котова Е. О., Пантелеева А. П.), представляющая собой систематизированный корпус научных, научно-исследовательских, энциклопедических публикаций на русском языке, посвященных современным подходам в исследовании политического дискурса и включающая в себя 1098 источников. Отдельные положения диссертации нашли отражение в научных отчетах по проекту РФФИ № 18-12-00574 «Лингвокультурные доминанты легитимных/ нелегитимных политических дискурсивных практик в пространстве русскоязычной коммуникации: типологическое исследование» (науч. рук. проф. Н. А. Боженкова, 2018–2020 гг.).

По результатам исследования опубликовано 23 статьи, в том числе 3 – в научных рецензируемых журналах, рекомендованных ВАК РФ, 5 – в изданиях, индексируемых в БД «Web of Science», и раздел коллективной монографии «Семиотико-семасиологическое измерение политического дискурса» (под науч. ред. Н. А. Боженковой, П. А. Катышева. М., 2020).

Объем и структура диссертации. Диссертационное исследование общим объемом 233 страницы включает введение, три главы, заключение, список использованной литературы и 4 приложения.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

Глава 1. ФЕНОМЕН ИРОНИИ В СОВРЕМЕННОМ НАУЧНОМ ОСВЕЩЕНИИ

Описание современных научных воззрений на столь сложный лингвофилософский феномен, как *ирония*, требует выделения определенных этапов в общеисторической канве изучения данного явления, что может послужить основанием для характеристики сущностных признаков иронии и ее дальнейшей категоризации.

1.1. Ирония как объект гуманитарных наук: диахроническое описание

Явление иронии, отражающее одну из сущностных категорий человеческого бытия, изучается с разных позиций – эстетической, риторической, литературоведческой, лингвистической, искусствоведческой – с древнейших времен.

Термин «ирония» этимологически восходит к древнегреческому слову *eironeia* и буквально переводится как «притворщик», «хитрец». Впоследствии слово «ирония» стало обозначать «притворное незнание», «притворное самоуничижение». Считается, что ирония произошла из специфического коммуникативного приема, используемого в античности: древние греки так определяли модель поведения человека, языковая игра которого была направлена на обман аудитории, где цель – показаться глупее, чем он есть на самом деле. Людей, в совершенстве владевших такой игрой, называли *ирониками*: они могли доказывать истину через ложь, которую понимали как «притворную похвалу» или «ложное уничижение».

Соответственно, «классическое» понимание иронии можно определить следующим образом: это способ передачи информации, вносящий (*вкладывающий*) в смысл высказывания противоположенный, относительно сказанному, смысл, т. е.

ирония придает тексту двойственность¹, где истинное суждение будет сокрыто неоднозначностью сказанного.

Первые научные теории можно встретить в работах античных философов – Сократа, Платона [Лосев, 1996] и Аристотеля [Аристотель, 1983]: «Ирония, будучи направлена на выявления противоречия между личиной и существом, между словами, делами и сущностью, ирония предполагает определенную жизненную позицию, сопоставимую с позицией греческого киника и русского юродивого» [Ермакова: эл. р.]. Можно предположить, что, с точки зрения античных философов, одна из основных целей иронии – это переубедить собеседника в истинности знаний, которыми он обладает, и доказать его неправоту. Следовательно, будет верным предположить, что Сократ оперировал иронией как одним из риторических и дидактических приёмов: с помощью иронии Сократ старался помочь «сбившемуся, заблудившемуся» собеседнику осознать, что тот сошел с истинного пути. Сам Сократ владеет истинным знанием, но, применяя иронию, делает вид, что истина ему неизвестна. Это подтверждает сказанное нами выше: цель иронии – дать понять собеседнику, что он в данный момент неправ. Только после того, как сам сбившийся признает правоту Сократа и сделает выводы, можно продолжать движение к истинному и совершенному [Лосев, 1969].

Стоит обратить внимание, что, согласно сократовской трактовке иронии, она уместна исключительно в случае несовершенного, неистинного бытия. Идеальное, высшее, истинное бытие ограждается от ироничного осмысления. Из этого можно предположить, что ирония – это несерьезное, шуточное отношение к неистинному бытию; с помощью ироничного модуса отношения к несовершенному бытию достигается истинное и совершенное знание, в сторону которого употребление иронии недопустимо.

Близкую к сократовской позицию мы встречаем у Платона, который определял иронию следующим образом: «Самоуничужение Сократа, его “неведение” переходит в свою противоположность, позволяя обнаружить чужое

¹ Русской классической литературе известны художественные произведения, например, «Русские ночи» В. Ф. Одоевского, являющие собой текстовую реализацию иронического кода.

“незнание” как иронический момент и подойти к высшему, истинному знанию» [Степин: эл. р.]. До наших дней сохранился диалог Платона «Пир», где он описывает разговор Сократа с оппонентом. Сократ, соглашаясь с собеседником и маскируясь под единомышленника, культивировал (доводил) его мнения до абсурда.

Аристотель писал об иронии следующим образом: «Извращение правды в сторону умаления и противопоставляет иронию хвастовству» [Степин: эл. р.]. Гомер же, в отличие от Платона и Сократа, трактовал иронию иным образом. См: «Идеальная жизнь (жизнь небожителей) по Гомеру – это жизнь в веселье, подогреваемом нескончаемыми шутками, интрижками и божественными шалостями. В отличие от неё жизнь людей (героев эпических поэм) сопряжена с трудностями, опасностями, гибелью, и здесь, как правило, не до шуток и юмора» [Бычков, 2004, с. 66].

Иронию понимали и как эмоциональную оценку, скрывающую насмешливо-критическое чувство к предмету под мнимой серьезностью или одобрением¹: иначе, ирония – это «благородное унижение», поскольку, иронизируя, автор показывает свое превосходство над адресатом. Так, по словам Цицерона, хороший оратор – это виртуоз иронии, он умеет поучать *нескучно*. Такое понимание сути иронии сопрягает ее с одним из тропов – антифразисом² (употреблением слов в значении, прямо противоположном буквальному – например, при оценивании поступка как предосудительного: *молодец, ничего не скажешь!*)³, и определяет ее как один из видов комического.

В рамках философского подхода комическое осмысливается как преодоление негативного путем противопоставления самого негативного и смеха: «Противоречие, лежащее в основе всякого комизма, есть не что иное, как совмещение при восприятии двух противостоящих логико-семантических полей,

¹ Аристофан и Филемон рассуждают об иронике-обманщике, а Аристотель причисляет иронию к притворному хвастовству.

² Отметим, что ирония в литературе выражается не только антифразисом, сейчас этот стилистический приём относится скорее к повседневному речевому общению и транслированию тривиального юмора, например: «*Едва ли кто польстится на такую красавицу!*»

³ Неслучайно с V в. до н.э. (и по XIX в.) в пиитике иронию толковали как риторический приём, именующий вещи антонимично.

которые определяются через оппозицию своих репрезентантов, например, “высокое – низкое”, “форма – содержание”, “реальное – нереальное” и т. д.» [Панина, 1996, с. 119]. Так, в истории философской мысли комическое трактуется как следствие явных противоречий: Аристотель противопоставлял *безобразное – прекрасному* [Аристотель, 1983]; Ф. Гегель *ложное* ставил в противоборство со *значимым* [Гегель, 1932]; Т. Липпс сталкивал в оппозициях *ничтожное* и *великое* и т. д. [Липпс, 2006]. В результате в древнегреческой философии сформировалось разделение категории комического на жанры, с помощью которых достигается комический эффект (*юмор, сатира и ирония*)¹.

Исходя из этого можно предположить, что цель иронии – приблизить свою жизнь к идеальной, божественной: взглянуть на мир «с лукавой улыбкой», преобразуя тем самым трагические стороны человеческого бытия в комедийные; мыслить иронически, т. е. рассказывать о бедах и проблемах полушутя. Ирония в античности, имплицитно указывая на истинный путь знаний и направляя оппонента к совершенному бытию, «создает иллюзию незнания» [Горяинова: эл. р.].

Суммируя вышесказанное, ирония в философском осмыслении – это восприятие ситуации с положительной стороны, оно переключается со спасительным смехом, помогающим «не впасть в депрессию»². Выстраивая коммуникативную практику в ироническом ключе, мы не унижаем собеседника, а, нагружая дискурсивные компоненты имплицитными мелиоративными коннотациями, пытаемся создать оптимистический фон взаимодействия. Конечно, содержательный план иронии, как правило, драматичен, а ироничные высказывания семантически обнаруживают отрицательную сущность, но внешнее их выражение и способы реализации всегда комедийны. Такое понимание иронии граничит с определением смешного: комическое создано для того, чтобы через смех найти некую опору для преобразования своего взгляда на жизнь.

¹ Категория смешного, безусловно, специфична для любого культурного универсума. Более того, она обусловлена личностным восприятием мира: «жизнь идеальна, если она устраивает меня». Соответственно, механизмы преобразования несовершенного бытия в идеал (понимаемого нами в философском смысле – как иной способ смотреть на мир) определяет именно культуросообразность.

² И в этом главное отличие иронии от сарказма.

В XVII–XIX вв. происходит многоступенчатое переосмысление сущностных признаков иронии: в эпоху Просвещения иронию понимают как «средство выражения субъективности идеального мира художника» [Кирюхин, 2011, с. 88], она становится самостоятельной эстетико-философской категорией.

Так, в период Классицизма¹ появляется идиома «ирония судьбы», означающая фатальное расхождение человеческих ожиданий с его действительной судьбой [Shoentjes, 1993]. Представители периода Романтизма, отождествив иронию с самопознанием, вернули иронии глубокий философский смысл: они перестали воспринимать иронию исключительно как один из приемов комического, обнаружив в ней еще и трагический эффект.

Наивысшей ценностью Романтизма являлась абсолютная истина, которую можно было достичь лишь посредством иронии, когда автор подвергал сомнению не только сторонние предметы и явления, но и собственные воззрения на них. Постепенно такой способ достижения истины породил категориальное понятие «игры» – творчество и жизнь автора объединялись в игре иронической: «все священные игры искусства суть не что иное, как отдельное воспроизведение бесконечной игры мироздания, этого произведения искусства, находящегося в вечном становлении» [Лазарева, 2005, с. 21].

Наибольший вклад в развитие теории иронии в XVIII–XIX вв. внесла немецкая литература. Так, А. Шлегель писал: «...в иронии все должно быть шуткой, – и все должно быть всерьез, все простодушно-откровенным и все глубоко серьезным. Ирония есть форма парадоксального» [Борев, 1970, с. 73], – тем самым заявлялась и доказывалась невозможность решить жизненные противоречия.

В работах Ф. Шлегеля встречаем иное определение иронии: «Ирония есть ясное сознание вечной подвижности, бесконечно-полного хаоса/ настроение, которое даёт сознание обзор целого, поднимается над всем условным» [Степин: эл. р.]. К числу признаков, которые обозначил еще Сократ, Ф. Шлегель добавляет субъективизм / проявление сомнения и вольности в иронии. Им разрабатывается

¹ Отметим вместе с тем, что в рамках этого течения ирония рассматривается как один из приемов сатиры и, соответственно, относится к низкому стилю.

теория романтической иронии, трактующая ее как рефлексию автора над действительностью [Шлегель, 1983].

Романтическая ирония предполагает трагическую картину мира: «Ирония считалась в романтическом русле особым даром творческой личности и поэтому становилась “сплавом” смешного и серьезного, комедии и трагедии» [Боженкова, Борко, 2016, с. 8]. Согласно Ф. Шлегелю, ироническое восприятие действительности становится «принципом мирозерцания» [Шлегель, 1983], а истоки иронии, с его точки зрения, берут начало исключительно в философии. Соответственно, Ф. Шлегель выработал следующий подход к иронии: «Ирония – форма парадоксального, парадоксально всё хорошее и великое одновременно» [Шлегель, 1983, с. 283] – и утверждал, что ирония может пониматься только как средство философско-художественного проявления контрадикторной окружающей действительности: смысл искусства способна выразить лишь романтическая ирония¹.

К. В. Ф. Зольгер² определял иронию следующим образом: «Средоточие искусства, где достигается совершенное единство созерцания и остроумия и которое состоит в снятии идеи самой же идеей, мы называем художественной иронией. Ирония составляет сущность искусства, его внутреннее значение, поскольку она есть такое состояние души, при котором мы сознаём, что нашей действительности не было бы, не будь она откровением идеи, но что именно поэтому идея вместе с действительностью становится чем-то ничтожным и гибнет. Реальность необходима, чтобы существовала идея, но именно этим извечно связано снятие идеи» [Шлегель, 1983, с. 421]. Согласно данному определению, ироничным должен быть, в первую очередь, автор художественного произведения, осознавая, что идея, воплощённая в тексте, становясь материальной, теряет философско-эстетическую ценность. Следовательно, автор всегда должен быть выше своего творения.

¹ Тогда как риторическая (в понимании ученого) ирония не способна стать базисом подлинной поэзии.

² Позднее мысль К. В. Ф. Зольгера развил М. М. Бахтин, предложив термин «двуголосое слово», обозначающий раскрытие ироничного начала литературного произведения путём синергии нескольких мотивов-идеологем автора через речь героя [11].

Другим основоположником теории иронии можно считать Г. Гейне. Советский академик Ю. Б. Борев писал: «В его произведениях имеется обычно нарастающая лирическая сентиментальная тема, глубоко и серьезно разрабатываемая поэтом, и вдруг неожиданно художник ломает этот сентиментальный эмоциональный строй произведения, и его развязкой выступает иронический финал» [Борев, 2002, с. 73].

Во второй половине XIX века «романтическая» ирония становится «универсальной» и затрудняет, а не помогает раскрыть истинное понимание предмета. Здесь принципиальным оказывается понимание того, чем романтическое осознание действительности отличается от античного: тогда как предметом античной иронии является область индивидуального, субъективного знания, в романтической иронии ключевым предметом становится применение иронии в искусстве. Вместе с тем романтическая ирония сохранила цель античной – направить человека на истинный путь, оградить от опасности. Однако главной отличительной чертой античной и романтической ироний становится способ их проявления. Сократовская ирония не уничижала оппонента, так как ироник и его собеседник были равны друг другу: тот, кто обладал истинным знанием, не оскорбляя оппонента, помогал ему постичь истину и отказаться от своих ложных идей [Лосев, 1996]. Способ проявления романтической иронии совсем иной: ироник в борьбе за истинное бытие бескомпромиссен; он высмеивает, издевается над оппонентом. Неслучайно романтическую иронию называют трагической (по определению А. Ф. Лосева – «сатанинская»), несмотря на то что в ней сохраняется оптимистичный взгляд на мир [Лосев, 1996].

На смену эпохе Романтизма приходит постромантическое искусство, ставившее целью создать *объективную* иронию, получившую название «эпическая ирония». Ее суть определил Т. Манн: «Ирония нужна искусству как свободный взгляд на действительность, не обремененный моралью, правилами и нормами» [Лазарева, 2005, с. 22].

Подробно изучил и представил результаты исследования иронии Д. Вустер в книге «The Art of Satire», представив, как менялось понимание иронии на протяжении веков: «Писатели ранних эпох использовали иронию для добавления

образности к своим повествованиям. Ирония же современного персонажа служит исключительно для внутренних целей и никак не отражает творческую мысль автора. Это ирония сама для себя, манера поведения, используемая героем для того чтобы скрыть свою асоциальность и невротичность» [Wuster, 1982, с. 21]. См. также утверждение С. Кьеркегора: «Субъект в иронии освобождается от той связанности, в которой его держит последовательная цепь жизненных ситуаций» [Кожевников, 1987, с. 25].

В этот период все чаще звучит мнение, что ирония – не только категория комического или стилистический прием, но и исключительный взгляд на мир, особое мироощущение. Приведем слова Р. Тернера: «С давних пор человек интересуется и восхищается иронией. Это не только видение, но и особое мировоззрение. Это способ увидеть взаимоотношения между человеком и окружающим на грани между деструктивным и конструктивным, разрывающим и соединяющим течением жизни» [Лазарева, 2005, с. 25].

Резюмируя исследовательский вектор описания иронии, процитируем работу Ч. Гликсберга: «В ходе развития литературы, ирония принимала многие формы: риторическая ирония, ирония остроумия, ирония ситуации, ирония судьбы или, иначе, метафизическая ирония. К двадцатому веку ирония становится явной и легко узнаваемой формой оценки, характерной чертой сложного, лишенного иллюзий, взгляда современного человека на его место во Вселенной» [Там же]. Неслучайно в XX веке ключом к пониманию иронии становится теория Т. Манна¹, рассматривающая данное явление с точки зрения объективной реальности: с одной стороны, ирония является одним из принципов искусства, с другой – оказывается неотъемлемой частью понятия действительности, доступной любому человеку, а не только творческой личности. Иронический модус Т. Манн воспринимает как способ выражения позиции современных писателей: ирония «резвится между контрастами и не спешит встать на чью-либо сторону и принять решение: ибо она полна предчувствия, что в больших вопросах, в вопросах, где дело идёт о человеке,

¹ Вероятно, на позицию Т. Манна оказала влияние сама эпоха, отрицающая двусмысленность и требующая однозначности убеждений.

любое решение может оказаться преждевременным и несостоятельным, и что не решение является целью, а гармония, которая, поскольку дело идёт о вечных противоречиях, быть может, лежит где-то в вечности, но которую уже несёт в себе шаловливая оговорка по имени “Ирония”...» [Безелянский: эл. р.].

На протяжении всего XX века феномен иронии изучали с позиции психологии, логики, семиотики и теории коммуникации. Так, психологи пробовали установить степень сознательного и бессознательного при положительной реакции на ироническое высказывание. Логика установила, что воспринимать и создавать иронию могут люди, обладающие остроумием и эрудированностью, а также выявили интересный факт: ирония может придать высказыванию как логичность, так и алогичность, но в любом случае будет способствовать созданию смысла. Исследование иронии в разрезе семиотики позволило понять, с помощью каких приемов можно «закодировать» и «раскодировать» иронический смысл высказывания¹. Благодаря исследованиям иронии в области теории коммуникации удалось выявить диалогическую сущность иронии и проанализировать отношения между автором и адресатом иронического высказывания.

Вторая половина XX века стала началом информационного общества. Стремительно развивались средства массовой информации. Резкое увеличение потоков информации, развитие образования приводят к переосмыслению понимания мироустройства и роли в нём человека. Из каузального осмысления мира происходит синергетика. На место линейному детерминизму приходит контекстуальность, komponуются все сферы жизни, начинают взаимодействовать различные дискурсы: художественный, политический, научный и т. д. Постепенно все сферы жизни начинают погружаться в интра- и интердискурс.

Одновременно вторая половина XX века – эпоха постмодернизма, одна из фундаментальных структур которого, согласно мнению М. Фуко, – философская субъективность, которая растворилась в языке. Ирония проникает во все виды человеческой деятельности, она становится общеупотребительной, что приводит к

¹ Этому, например, посвящены труды Ю. М. Лотмана на примере художественных текстов А. С. Пушкина, Н. В. Гоголя.

восприятию иронии как стилистического приема. Возникает определение постмодернистской иронии, объектом которой становится все человеческое бытие: она определяется как способ абстрагирования от внешнего мира, погружение в иррациональное сознание. Отличительной чертой модернистской иронии является неприятие мировых ценностей, в которых существует человек. Иронию начинают ставить в один ряд с цинизмом, пародией, гротеском, «черным юмором» и фарсом. Возникает нигилистская ирония, что приводит к возникновению искусства абсурда, цель которого – высмеять, все современное бытие. С помощью иронии ставятся под сомнения давно устоявшиеся принципы, правила и нормы. Ирония рождается из шутки и переходит в парадокс. Ирония базируется на двойном кодировании, сопоставлении нескольких текстуальных стилей, цитировании, сравнении, применении прецедентных текстов, окказионализмов, пародий, что не только предоставляет возможность истолковывать вариативно иронический код¹, но и порождает множество трактовок в рамках собственно лингвистической науки, в том числе и на «русской почве».

В отечественном языкознании наиболее распространенной позицией, категоризирующей феномен иронии, является ее описание как стилистического приема, основанного на антитезе. Включение иронии в группу тропеических средств восходит к работам М. В. Ломоносова [Клименко: эл. р.]. Его теория звучит следующим образом: «Ирония состоит иногда в одном слове, когда малого человека Атлантом или гигантом, бессильного Самсоном, скаредного Авессаломом или Иосифом называем, и посему надлежит она до тропов речений» [Клименко: эл. р.]. Такое понимание лежит в основе многих словарных статей: например, в словаре В. И. Даля – «Речь, которой смысл или значение противоположно буквальному смыслу слов; насмешливая похвала, одобрение, выражающая порицание» [Даль: эл. р.]; в словаре Д. М. Ушакова – «Риторическая фигура, в которой слова употребляются в смысле, обратном буквальному, с целью насмешки» [Ушаков: эл. р.]; в словаре С. И. Ожегова, Н. Ю. Шведовой – «Тонкая, скрытая насмешка» [Ожегов: эл. р.] и др.

¹ Большинство современных исследователей утверждает, что успешная ироническая коммуникация возможна, только если все коммуниканты обладают примерно равными интеллектуальными способностями и фоновыми знаниями.

В связи с тем, что такой точки зрения придерживаются многие современные ученые (О. С. Ахманова, И. Р. Гальперин, М. Н. Кожина, В. А. Кухаренко, Н. К. Салихова и др.) – «троп, состоящий в употреблении слова в смысле, обратном буквальному, с целью тонкой или скрытой насмешки» [Розенталь: эл. р.] – можно утверждать, что понимание иронии как вида тропа является для русистики традиционным.

Иной точки зрения придерживался А. А. Потебня, утверждавший, что ирония способна «обходиться вовсе без тропов, но может заключать в себе троп. В частности, ирония может заключить в себе другие тропы, например, ироническую антономасию, аллюзию» [Потебня: эл. р.]. Думается, что эти идеи¹, экстраполированные на различный языковой материал, а также многочисленные работы, связанные с историческими, культурными и национальными особенностями языковой картины мира, обусловили появление нового вектора русской филологии: более подробно начали изучать логико-структурные, семасиологические и собственно знаковые особенности, находящиеся в основе творчества и мышления. В результате ученые стали исследовать полифункциональность иронии, её неоднородность и возможность объединения множества различных функций высказывания. Безусловно, потребовалось аккумулировать достигнутые ранее знания в области других наук и многие современные выводы об сущностных признаках иронии «держатся» на выводах психологии, психолингвистики, социолингвистики, прагмалингвистики, лингвокогнитологии и др.

В этой связи отметим, что до сегодняшнего дня многие исследователи солидарны в вопросе невозможности «узаконить» единую дефиницию иронии – ирония вариативна, и можно встретить различные определение её как одного из средств комизма и как языковой мистификации.

Так, эстетики А. Ф. Лосев и В. П. Шестаков утверждали, что ирония – способ мировосприятия, хотя и относится к одному из элементов комического. Однако при изучения столь многогранного феномена, как ирония, односторонний подход не

¹ Отметим в этой связи, что иронию и любое тропеическое средство «связывает» только один явный параметр – неоднозначность и многослойность, тогда как чаще они «накладываются» друг на друга: например, ирония может строиться на метафорическом значении, а метафора может реализовывать иронический код.

оправдывает себя, поэтому к точке зрения эстетиков прибавим исследования С. И. Походни, Ж. Е. Фомичевой и А. В. Сергиенко, в которых исследователи сочетали лингвистические и эстетические подходы изучения иронии: «При таком подходе мировоззренческая категория иронии выпадает из поля зрения филологов. Восприятие же иронии как элемента мировоззрения автора дает исследователю возможность выйти на более высокий уровень анализа художественного текста, который позволяет рассматривать иронию как текстовую категорию, индуцирующую в тексте произведения имплицитные смыслы, связанные со способностью личности/ автора/ осмыслять явления действительности» [Сергиенко: эл. р.].

По определению С. И. Походни, который объясняет возросший интерес к иронии как к новому способу осмыслению действительности через эмоционально-оценочные и критические формы, ирония – это «смысл такого предложения, высказывания, сверхфразового единства, предикативно-релятивного комплекса, текста в целом, в котором субъективно-оценочная модальность отрицательного характера содержится в подтексте и находится в отношениях противоречия, противопоставления с поверхностно выраженным содержанием, которое, в свою очередь, создается несоответствием традиционно и ситуативно обозначающего» [Походня, 1989, с. 60]. Это значит, что с помощью иронии можно создавать различные образные ассоциации.

Явление иронии сложное и многогранное: есть ирония, зависящая от контекста, а есть «самодостаточная» ирония, смысл которой понятен даже вне контекста фразы. Эта мысль хорошо выражена С. И. Походней: «Ирония есть явление вторичной номинации не только лексического, но и пропозитивного, а также дискурсивного типа. Она представляет собой контекстно обусловленное явление, причем во внимание следует принимать контексты всех объемов (от микроконтекстов до мегаконтекстов) и видов (как линейный, так и вертикальный), т. е. исследование иронии строится на принципах контекстной семантики, наиболее продуктивными методами являются категории лингвистики текста» [Походня: эл. р.]. В целом в работе С. И. Походни «Языковые виды и средства

реализации иронии» прослеживается мысль о том, иронию нельзя рассматривать исключительно как стилистический прием, так как порой для её создания необходимо использование нескольких стилистических приёмов. По мнению Ж. Е. Фомичевой, ирония – это «концептуальная категория художественного текста, позволяющая автору имплицитно выразить его эмоционально оценочные позиции, отношение к изображаемой действительности» [Бадминова: эл. р.]. На этом основании автор описывает основные критерии: 1) существование иронической семантики; 2) имплицитность; 3) эмоциональная окраска; 4) контрастность¹.

Ю. А. Кирюхин трактует иронию как явление, включающее в себя «и субъективную ценностную ориентацию, и литературный прием-троп, и форму комического» [Кирюхин: эл. р.]. Важнейшим качеством иронии исследователь считал ее ценностную ориентацию. Ирония, с точки зрения Ю. А. Кирюхина, помогает отстраниться от непосредственного значения текста. Смысл ироничного высказывания состоит из «предельно большого количества порождающих его компонентов (смыслов)» [Кирюхин, 2011, с. 13].

О. П. Ермакова понимает иронию как один из способов манипуляции: «которая заключается в употреблении слова, выражения или целого высказывания (в том числе и текста большого объема) в смысле, противоречащем буквальному (чаще всего в противоположном), с целью насмешки» [Ушакова: эл. р.].

И. Б. Шатуновский понимает иронию как дефицит «понятий и слов, достаточно общих для того, чтобы схватить и отразить то интуитивно ясно ощущаемое общее, что имеет место в различных видах иронии» [Шатуновский, 2007, с. 340]. С точки зрения исследователя, ирония является двусмысленным, так как имеет два противоположных друг другу «слоя», которые составляют оппозицию по «истинности/ложности». И. Б. Шатуновский полагает, что в обоих смыслах заложены «основания во внеязыковой действительности и или дискурсе» [Шатуновский, 2007, с. 341].

¹ Именно данные критерии послужили основанием для выделения языковых конструкций с ироническим кодом в настоящей диссертации.

Нередко с целью фиксирования на ироническом модусе высказывания адресант прибегает к эвфемизации речи. Исходя из этого можно сделать вывод, что ирония включает эмоционально-оценочное отношение к ситуации, которое передается посредством определенных языковых средств и контекстов. Иначе – с помощью стилистических приемов ирония имплицитно проявляется в смысле высказывания и является одним из способов критически-юмористической оценки действительности. Д. Э. Розенталь: «Эмоционально-экспрессивная окраска расширяет изобразительность, способствует выявлению авторской оценки: выражение мыслей сопровождается выражением чувств» [Смирнов: эл. р.]. Следовательно, можно предположить, что стилистический регистр является одним из важнейших способов выражения иронического модуса: когда к денотативному значению прибавляются коннотативные, оттеночные – например, «шуточное», «ироничное», «шуточно-ироничное», «юмористическое», «несерьезное» и др. В свою очередь, перечисленные оттенки значений восходят к модально-оценочным отношениям говорящего. См. также И. Б. Голуб: «При стилистической характеристике слова учитывается, во-первых, его принадлежность к одному из функциональных стилей или отсутствие функционально-стилевой закреплённости, во-вторых, эмоциональная окраска слова, его экспрессивные возможности» [Голуб: эл. р.].

Стоит отметить, что транслировать иронический код могут любые единицы языка – фонетические, лексические, морфологические и синтаксические, сконцентрированные в одном небольшом по объему тексте. В этой связи отметим труды Н. Д. Арутюновой [5], которая акцентировала внимание на просодических явлениях, сопровождающих иронические высказывания (интонация, ударение, произношение), благодаря которым имплицитный смысл актуализируется и выходит на первый план. Уместно вспомнить определение иронии И. А. Бродского – «нисходящая метафора», так как объединяет в себе неоднозначность, фигуральность, аксиологичность и особое звучание. Как отмечают исследователи, «отзвук» выстраивает фразу, являющуюся логическим продолжением высказывания, подверженного иронической оценке. Таким образом, «отзвук»

может относиться не только к уже озвученной мысли, но и к скрытому смыслу фразы что уже перемещает нас в плоскость лингвопрагматики – в теорию импликации, которая выявляет уровень имплицитности речи и квалифицирует вариации латентных смыслов речевых конструкций, к которым мы смело можем отнести иронический код.

Таким образом, сложность определения сути и границ описания феномена иронии связана как с многоаспектностью данного явления, являющегося точкой пересечения совершенно разных по методологическим «посылам» наук (от философии, поэтики, лингвистики, до эстетики, когнитологии и психологии), так и с доминантностью различных научных интересов во многовековом процессе его изучения. Суммируя проанализированные подходы, считаем возможным предложить следующую дефиницию иронии: *ирония – рефлексивное осознание вариативности действительности, передающее мелиоративно-критический взгляд на мир и экземплифицирующееся в акте коммуникации этноспецифичными вербальными/невербальными средствами.*

1.2. Ирония как конститuent парадигмы комического: семасиологические основания разграничения

Как было описано, все исследовательские позиции объединяет отнесение феномена иронии к *парадигме комического*, которая, безусловно включает многообразные приемы и методы создания определенного эффекта путем особого использования различных средств языка. Традиционно комическое (как, собственно, и трагическое) понимается как философско-эстетическая категория, выражающейся в языке, искусстве в течение всей истории человечества.

С одной стороны, представляется, что всякая попытка классифицировать комическое будет воспринята как претенциозная и обреченная на провал, ведь за эти сотни лет накопилось необъятное количество событий, ситуаций, исторических переворотов, каждый из которых повлиял на способы трансляции данной категории. Каждое новое событие, высказывание, даже болезнь порождают огромное количество новых шуток, острот (а сегодня и мемов), которые будут не

понятны через год-два, а некоторые теряют свою актуальность буквально в течение недели. Однако с другой – на протяжении всего существования философии, филологии и других гуманитарных наук рядом ученых предпринимались попытки классифицировать комические приемы.

Первые таксономии появляются еще в античные века и принадлежат Цицерону и Квинтилиану. Цицерон, будучи оратором, выделил два главных типа, опираясь на свой опыт публичных выступлений: (1) комическое, вытекающее из содержания предмета, и (2) комическое, вытекающее из вербальной формы его выражения. Второе содержит внезапные выводы, дилогию (двусмысленность), пословицы, каламбуры, иронию, метафоры, аллегория и нетривиальные толкования имен собственных. Такая классификация, с перечислением приемов создания комического, стала первой формальной таксономией. Отметим, что Цицерон включил в список приемов и иронию, приравняв ее к метафоре, аллегории и каламбуру.

Другая принадлежит Квинтилиану, который более четко разграничивал смешное и комическое. Все причины, вызывающие ухмылку и радость, он разделил на 6 групп: *изысканность* (*urbanitas*), *грациозность* (*venustum*), *пикантность* (*salsum*), *шутка* (*facetum*), *острота* (*jocus*) и *добродушное подтрунивание* (*decacitas*). Несмотря на более детализированную классификацию, Квинтилиан так и не дал объяснения чем отличаются (и отличаются ли вообще) *подтрунивание*, *острота* и *шутка*. После этого предпринимались попытки разработать ряд классификаций, но они не были посвящены исключительно категории комического, а объясняли причины любого смеха.

Отечественный лексикограф В. И. Даль определили комическое так: «Комизм – смешное, забавное, потешное в событии или в отношениях людей; юмор, острота» [Даль: эл. р.]. Комизм основывается на диспропорции, то есть пропорции всегда нарушены, часто это проявляется на уровне языка, когда используется *пародия*, *нелепица*, *гротеск*, *акцент*, *оговорки*, *алогизмы* и т. д., но бывают диспропорции и на уровне сюжета, например, при ошибочном действии, недоразумении. Высшим проявлением комизма в тексте является наделением

комическими чертами характера персонажа, например, противоречием между словом и делом, самооценкой и впечатлением в обществе, желаемым и действительным и т. д.

В эстетике комическое часто трактуется как результат противостояния, конфликта: повторим, что Аристотель противопоставлял *безобразное – прекрасному*, Т. Липпс *великое – ничтожному*, и добавим – И. Кант *ничтожное – возвышенному*, Г. В. Ф. Гегель *образ – идее*, С. Т. Рихтер и А. Шопенгауэр *нелепое – рассудительному*, И. Фолькельт *неценное – ценному*, А. Бергсон *автоматическое – живому*, Г. А. Ф. Аст и А. Шюц *необходимое – свободному* [Борев, 2002].

На рубеже XIX–XX вв. комическое стало предметом изучения психологии. З. Фрейд считал, что комическое являет собой воплощение нескольких природных проявлений человека. Через комическое можно дискредитировать соперника, а ядовитая острота может и фигурально «убить» противника, уничтожив его репутацию [Бандурина: эл. р.]. Позже в книге «Остроумие и его отношение к бессознательному» З. Фрейд дополнил классификацию о том, что есть еще *цинически-святотатственное* комическое, выступающее против цензуры, в которую люди заточили самих себя, также он пишет о *комическом скепсисе*, который подвергает сомнению истинность человеческого знания. Помимо этого, З. Фрейд создал формальную классификацию, основанную на 3 приемах: (1) сгущение, в него входит сгущение со спутанным словообразованием, с модификацией; (2) употребление одного и того же материала: перестановка, одинаковые слова, но использованные в ином смысле с потерей исходного; целое и частное, незначительные модификации; (3) двусмысленность: словесная игра, двусмысленные намеки, неоднозначное толкование, определение вещи и имени собственного, метафора и прямое значение слова.

Большое значение в описании парадигмы комического сыграли работы М. М. Бахтина, Н. Д. Арутюновой, И. Р. Гальперина и т. д., благодаря которым можно охарактеризовать не только каждый тип комического, определить его особенности и схожие/отличительные друг от друга черты, но и выявить критерии, отличающие иронию от прочих элементов данной парадигмы.

Ирония – ведущий конститuent парадигмы комического, разграничивающий мелиоративность и пейоративность высказывания (текста/дискурса) по отношению к субъекту данного высказывания. На одном полюсе находится *парадокс, остроумие и юмор*, на другом – *гротеск, сарказм и сатира*. Главный критерий деления – противопоставление содержания выражению и присутствие прагматической цели.

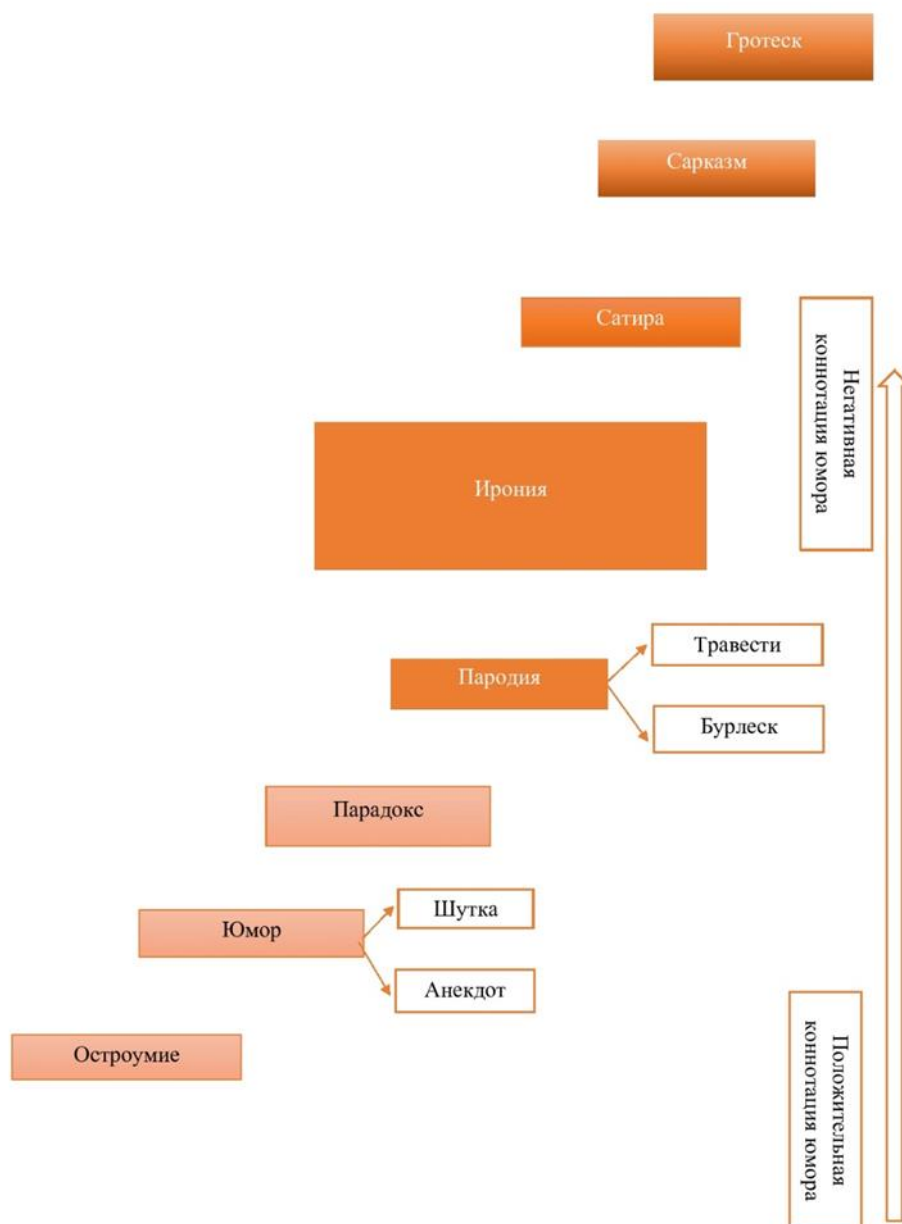

Схема 1 – Градация типов комического

В связи с разнообразием способов экспликации иронии стоит отметить, что ирония «в чистом виде» встречается чрезвычайно редко, эмоциональная окрашенность так или иначе будет «сопрягать» иронию с юмором, сатирой или сарказмом. Не стоит также забывать, что при создании иронического высказывания могут быть использованы юмор, гротеск, остроумие, пародия и парадокс, в то же время они могут быть и самостоятельными явлениями. Парадигматические отношения между иронией и остальными типами комического можно определить как взаимосвязь, но не взаимообусловленность, так как любой из них может быть самодостаточным и не нуждаться в усилении другими феноменами.

Для наглядности вышесказанного мы представим схему М. Е. Лазаревой, в которой изображены парадигматические отношения иронии с остальными типами комического, все они расположены иерархически: от позитивных и «добродушных» к самым негативным [Лазарева, 2005, с. 80]. Для дальнейшего анализа нам необходимо четкое понимание, чем ирония отличается от прочих компонентов парадигмы комического. Для этого мы изучили каждый из них, акцентируя внимание на общих и отличительных от иронии качествах. Осложняет эту задачу то, что часто феномены парадигмы комического тесно связаны между собой и создают детерминированное единство, созданное сатирой, иронией, пародией, юмором.

Основные вопросы, на которые мы постараемся дать ответ: с помощью каких критериев мы можем отличить иронию от остальных элементов категории комического? Юмористическая сатира относится скорее к иронии или к юмору? На какие факторы стоит опираться в первую очередь, совершая анализ прагматического содержания и эмоционального побуждения иронии? Для корректного ответа на поставленные вопросы необходимо наметить границы парадигмы комического, обозначить ее элементы, разделив их по смыслу и генерирующим факторам. Мы предприняли попытку определить взаимоотношения между компонентами комического и выявить, как все нижеперечисленные явления соотносятся с нашим объектом исследования – иронией.

Главными критериями упорядочивания элементов парадигмы комического мы определили силу влияния на адресата и его реакцию на какой-либо приём. Например, остроумие, в отличие от сарказма, гротеска или сатиры вызывает, как правило, одобрение в обществе. Ведь главная цель остроумия – создать положительный образ объекта, поднять настроение присутствующим/читателям/зрителям: вряд ли мы назовем остроумным человека, который «применил» в нашу сторону сарказм или сатиру. С иронией двоякая ситуация, к ней можно относиться положительно – и относить к остроумию, а можно, наоборот, отнести её к сарказму. Все зависит от цели, с которой применяется ирония. Например, с её помощью можно изменить модель поведения человека, против (именно против, а не «на») которого она направлена или же заставить окружающих изменить свое отношение к объекту иронии. Таким образом, можно выделить такой характер определения форм комического как «серьезность». Пожалуй, ярче всех передал гамму, которой могут пользоваться авторы категории комического, Ю. Б. Борев: «Юмор и сатира – основные типы комизма. Существует целая гамма оттенков смеха. Насмешка Эзопа, раскатистый карнавальский хохот Рабле, едкий сарказм Свифта, тонкая ирония Эразма Роттердамского, изящная, рационалистически строгая сатира Мольера, мудрая и злая улыбка Вольтера, искристый юмор Беранже, карикатура Домье, гневный гротеск Гойи, колючая романтическая ирония Гейне, скептическая ирония Франса, веселый юмор Твена, интеллектуальная ирония Шоу, смех сквозь слезы Гоголя, разящая сатира и сарказм Щедрина, душевный, грустный, лиричный юмор Чехова, печальный и сердечный юмор Шолом-Алейхема, озорная, веселая сатира Гашека, оптимистическая сатира Брехта, жизнерадостный народный юмор Шолохова. Какое богатство!» [Борев, 1970, с. 90–91]. В цитате Ю. Б. Борева объединены все категории комического и каждой дана краткая характеристика, поэтому нам кажется интересным, опираясь на лаконичную оценку Ю. Б. Борева, раскрыть все компоненты категории комического и обозначить в ней место иронии.

1. *Остроумие и юмор.* При исследовании и сравнении отличных друг от друга шуток, острот выяснилось, что для создания остроумного высказывания

авторы обращаются к ограниченному числу формальных приемов. Далее мы проанализируем их и постараемся выяснить, способны ли данные приемы объять все формы выражения человеческого остроумия или же останется какая-то часть, не поддающаяся классификации. Для начала необходимо дать определение «остроумию», для этого обратимся к словарю Д. Н. Ушакова: «Изощренность мысли, изобретательность в нахождении удачных, ярких, красочных или смешных выражений, а также удачных решений, действий». [Ушаков: эл. р.]. Следующий шаг – найти трактовку термина «юмор». Приведем статью из Большого энциклопедического словаря: «Юмор (англ. humour) – особый вид комического, сочетающий насмешку и сочувствие, внешне комичную трактовку и внутреннюю причастность к тому, что представляется смешным. В отличие от "разрушительного смеха", сатиры и "смеха превосходства" (в т. ч. иронии), в юморе под маской смешного таится серьезное отношение к предмету смеха и даже оправдание "чудака", что обеспечивает юмору более целостное отображение существа явления. Личностная (субъективная) и "двулика" природа юмора объясняет его становление в эпоху Позднего Возрождения и дальнейшее освоение и осмысление в эпоху романтизма (Жан Поль). Главные представители в литературе: Сервантес, Л. Стерн, Ч. Диккенс, Н. В. Гоголь, М. Твен» [БЭС: эл. р.].

Исходя из двух приведенных словарных статей делаем вывод, что между приемами остроумия и приемами создания юмористического эффекта много общего, это и послужило поводом к объединению этих типов комического в один. Мы предприняли попытку сделать классификацию методов создания остроумия и юмористического эффекта:

1) ложное противопоставление, например, *«Мне обычно требуется более трех недель, чтобы приготовить блестящую импровизированную речь»* (М. Твен);

2) ложное усиление, например, *«Математика – единственный совершенный метод, позволяющий провести самого себя за нос»* (А. Эйнштейн);

3) доведение до абсурда: а) гиперболизация б) эвфемизм, например, *«Это не люди убивают людей, это оружие убивает людей. Люди же просто пальцами шевелят. Разве шевеления пальцами вдали от убитого могут быть причиной»*

смерти? Нет! Это оружие его убило! Хотя... Как оружие может убивать? Оно просто придаёт пуле ускорение... Это пуля убивает людей! Хотя... Как она может убивать? Она же просто летит. Точно! Это повреждения внутренних органов несовместимые с жизнью его убили! Повреждения – настоящие убийцы»;

4) остроумие нелепости: а) алогизм, например, *«в нашем роду бездетность всегда была наследственным свойством»* (А. Н. Лук «Юмор. Остроумие. Творчество»); б) ложное умозаключение, например, *«Я – горчица, я – лимон! Я закрылся на ремонт»;*

5) синтез стилей: а) синтез речевых стилей, например, *«Кушать подано, садитесь жрать, пожалуйста»* (к/ф А. И. Серого «Джентльмены удачи»); б) перенос терминологии, например, *«Накал обстановки на семейном фронте вынудил мужа предпринять контратаку с фланга, привлекая к операции подругу жены»* (И. Иванов); в) несоответствие стиля речи и ее содержания, или стиля и обстановки, где речь произносится, например, *«Плоха была услуга, а дети, видя то, давай тусить друг друга: кто как и чем во что! Узнали то татары: “Ну, – думают, – не трусь!” Надели шаровары, приехали на Русь. Фрагмент взят их книги «История государства Российского», написанной А. К. Толстым, речь идет о междоусобных войнах русских князей и начале татаро-монгольского ига. В приведенной цитате налицо контраст между драматическими историческими событиями и бытовой лексикой; г) псевдоглубокомыслие, например, *«Я размышляю над этим вопросом с тех пор, как вы затронули эту тему»* = не знаю (к/ф «Лучше не бывает», реж. Джеймс Л. Брукс);*

б) намек или обращение к ассоциациям, например, *«По твоему поведению, мне иногда кажется, что звать тебя Иван и у тебя как минимум два старших брата»;*

7) двойное истолкование. Каламбур, например, *«Каждый, кто глуп или подл, наверно, предан престолу. Каждый, кто честен, умен, предан, наверно, суду»*, это цитата из эпиграммы М. Л. Михайлова, посвященной царскому самодержавию, а слово «предан» стало структурной основой и привело к появлению двойного истолкования;

8) обратное сравнение: а) чистое обратное сравнение, например, «*Мой кот, как радиоприемник, зеленым глазом ловит мир*» (А. А. Вознесенский); б) обратные метафоры, например, «*Стихов моих бегут ручьи*» (А. А. Блок);

9) перечисление разнородных предметов и явлений в «едином списке», например, «*Закон как столб: преступить нельзя, а обойти можно*» (русская поговорка).

Ирония тесно связана с остроумием, отличие лишь в том, что остроумие может быть частью иронии, в то время как ирония самостоятельна и может сама быть остроумной и практически не встречается как часть остроумия.

Юмор и ирония больше похожи друг друга, чем остроумие и ирония, но и у них есть несколько отличий:

1) содержание. Ирония всегда содержит критику, у юмора же она как правило отсутствует;

2) способ выражения. Ирония всегда основана на противопоставлении содержания и выражения, т. е. мысль всегда есть антоним реальности. Юмор основывается на реальной ситуации, но придает ей комический эффект с помощью выделения каких-то отдельных существующих в этой ситуации свойств и придания им комического эффекта;

3) прагматика. У юмора обычно одна цель – создать приятную атмосферу у всех участников коммуникации, у иронии же их гораздо больше, например, дискредитировать оппонента, изменить мнение или отношение людей к объекту иронии и т. д. Следовательно, юмор и ирония, конечно, родственные понятия, но у них абсолютно противоположные цели, средства выражения. Они могут использоваться одновременно в речи, но при этом несут разную функцию и передают отличные друг от друга эмоции.

2. **Парадокс.** В повседневности этот прием чаще всего определяют как что-то, что идет вразрез с привычным положением вещей. В лингвистике же парадокс – это специальный прием создания комического эффекта, также философски-эстетическая категория и единица логики одновременно. Лингвистами отмечается двойственность этого эффекта, она заключается в том, что

парадокс может быть, как частью, скажем, иронии, так и быть абсолютно самостоятельным проявлением парадигмы комического. Базируется парадокс на коллективном человеческом опыте, который формировался годами, как правило, у нации или граждан одного государства, даже если оно многонациональное, есть стандартный набор фраз, формулировок, выражений, которые отражают этот коллективный опыт. Но стоит их немного переформулировать или переосмыслить они могут приобрести новый смысл или наполниться более глубокомысленным содержанием, благодаря чему коммуниканты могут по-новому увидеть давно привычные для них явления. Парадокс используют в нескольких случаях, например, для придания дискуссии неожиданного поворота, одновременно с этим он может стать частью иронии или остроумия. Все это зависит от содержания и объекта. Слово «парадокс», т. е. нестандартный – это антоним термина «ортодокс», т. е. верный, правильный. Всемирными «асами» парадокса принято считать Б. Шоу и О. Уайльда. Чтобы убедиться в истинности этого убеждения приведем пример некоторых их высказываний: а) *«Холостяки ведут семейную жизнь, а женатые – холостую», «Ненужные вещи в наш век единственно нам нужны», «Эта женщина и в старости сохранила следы изумительного своего безобразия».* («Портрет Дориана Грея»); б) *«Я интересуюсь лишь тем, что меня совсем не касается», «Когда люди соглашаются со мной, я вижу, что я не прав», «Лучшее средство избавиться от искушения – поддаться ему»* («Портрет Дориана Грея»). Проанализировав парадоксы, мы условно обозначили для себя два типа – первый приведен под буквой «а» и он является примером парадокса, построенного на антонимах, так называемый *речевой парадокс*, его особенность в том, что он стирает смысловую нагрузку фразы; под буквой «б» пример парадокса, построенного на противоречии общеустановленных норм, так называемый *смысловой парадокс*. Оба этих типа являются компонентами парадигмы комического, так как приумножают комический эффект и влияют на адресата. Есть и исключительно *комические парадоксы*, отличным примером может послужить эпиграмма В. Л. Пушкина, адресованная некоему Маркелу:

«Змея ужалила Маркела.

–Он умер? Нет, змея, напротив, околела» [Пушкин: эл. р.].

Парадокс может быть выражен перифразом какого-либо фразеологизма, это делает его похожим на пародию. Например, высказывание Т. Джефферсона «*Война – такое же наказание для победителя, как для побежденного*». Как ни странно, но парадокс чаще используется для юмористического эффекта, нежели для создания иронии. Это связано с тем, что в парадоксе уже заложен комический эффект, поэтому от автора не требуется дополнительных усилий чтобы с помощью парадокса вызвать улыбку у аудитории, а вот для преобразования механизма парадокса в иронию необходимы дополнительные смыслы, которые первоначально не входят в прагматику этого приема комического, иными словами, в парадоксе отсутствует критика или осмеяние. См., например: О. Уайльд переосмыслил известные слова Б. Франклина: «*Не откладывай на завтра то, что можешь сделать сегодня*», и в интерпретации О. Уайльда он звучит так: «*Не откладывай на завтра то, что можешь сделать послезавтра*». О. Уайльд наполняет давно известное выражение новыми смыслами, дает переоценку привычному укладу вещей.

3. **Пародия.** Еще одна категория парадигмы комического. Она строится на демонстративном несоответствии стилистических и тематических планов художественности, пародия – это некий плагиат чего-либо. Термин «пародия» имеет греческое происхождение и дословно переводится как «поющий наизнанку», термин укоренился в литературоведении; пародия может выражаться в стихотворной или прозаической форме, а в сюжете содержать насмешку или искажение ранее созданного известного произведения. Обратимся к способам создания пародии в литературном тексте: 1) семантические изменения текста, которые не имеют смысла, но наполнены сатирой и абсурдом; 2) грамматические преобразования; 3) включение в новый текст ассоциаций со старым текстом, которые вкрапляются как бы между прочим, «между строк», их можно сравнить с метатекстом; 4) изменения лексики текста, выражается, как правило, в идиолекте, социолекте [Лазарева, 2005, с. 67].

В качестве примера ироничной пародии приведем стихотворение Н. А. Бачуриской, больше известной под псевдонимом Тэффи. Пародия Тэффи направлена на отрывок из романа в стихах «Евгений Онегин» А. С. Пушкина. Оригинал:

*«Зима! Крестьянин, торжествуя
На дровнях обновляет путь;
Его лошадка снег почуя,
Плетется рысью как-нибудь»* [Пушкин: эл. р.].

Пародия: *«Зима! Пейзанин, экстазуя,
Ренувелирует шоссе,
И лошадь, снежность ренифлуя,
Ягурный делает эссе»* [Бачуринская: эл. р.]

Это яркий пример ироничной пародии, так как Тэффи одновременно пародирует и А. С. Пушкина, и эгофутуристический стиль И. Северянина, и в добавление ко всему этому высмеивает моду на «смесь французского с нижегородским». Писательница перекладывает текст А. С. Пушкина на вычурный, утрированный, искусственно «галлизированный» язык И. Северянина. С иронией этот текст роднит декодирование исходного текста в момент чтения стихотворения Тэффи, иными словами – интертекстуальность, присущая иронии. Масштабным примером иронизированной пародии служит роман М. де Сервантеса «Дон Кихот», объединяющий иронию относительно классического рыцарства, уже утратившегося на момент описываемых в книге событий, и пародию, которая появляется в канве самого текста. Такое сочетание иронии и пародии встречается часто, так как прагматически они очень схожи, а сама пародия может иметь иронический характер и использовать языковые средства, присущие иронии¹.

Пародия, как и юмор, отличается от иронии «по прагматике», хотя на первый взгляд это сложно определить, так как пародия часто несет в себе критику, неодобрение пародируемого объекта. Но если ирония может существовать без

¹ Далее в процессе анализе политического дискурса мы будем сталкиваться с созданием иронического образа какого-либо человека с помощью пародии его речей, действий, идей, лозунгов и т. д. и доведение всего этого до абсурда.

прецедентного текста, то пародия всегда интертекстуальна, она обязательно опирается на какой-либо первоисточник. У пародии есть несколько производных – это *бурлеск* и *травестия*, и они тоже относятся к парадигме комического.

Бурлеск – итальянский/французский термин, дословно переводимый как «шутка». Это вид комической стилизации, который подражает чему-то популярному. Автор, использующий бурлеск применяет всем известный жанр в той тематике, в которой он будет наименее уместен. Например, комедия накладывается на какие-либо трагические события.

Травестия принадлежит к гротескно-комическим литературным жанрам. Она противопоставляется героическим, высоким стилям. От пародии ее отличает не использование стилистических средств тех жанров, которые она «перекраивает» или «переодевает», если использовать дословный перевод этого термина.

4. **Сатира.** Сатира вместе с иронией и сарказмом есть некий «триумvirата» комического. Сатира, как и сарказм, в отличие от пародии, гротеска, юмора и парадокса не могут быть приемами создания иронии, так как они сами «целостно иронические». Сатира – особое средство художественной передачи действительности, открывающее ее как что-то ложное, неправильное, внутренне несостоятельное. Это вид комического, который через разрушительное переосмысление объекта завершается смехом. Ю. Б. Борев так характеризовал сатиру: «Сатира начисто отрицает осмеиваемое явление и противопоставляет ему находящийся вне данного явления идеал» [Сафаров: эл. р.]. И. А. Крылов говорил так: «Никто не любит узнавать себя в сатире» [Крылов: эл. р.].

Сатира – цельность смеха и гнева, она приемлема в случае, когда катастрофичность социально значимых происшествий становится очевидной. В «Большой советской энциклопедии» сатира описана так: «Сатира (лат. satira, от более раннего satura сатура, буквально смесь, всякая всячина), вид комического; беспощадное, уничтожающее переосмысление объекта изображения (и критики), разрешающееся смехом, откровенным или подспудным, “редуцированным”; специфический способ художественного воспроизведения действительности, раскрывающий её как нечто превратное, несообразное, внутренне несостоятельное

(содержательный аспект) посредством смеховых, обличительно-осмеивающих образов (формальный аспект)» [БЭС: эл. р.]. Гегель определял сатиру как новую форму искусства: «Сама действительность в ее нелепой испорченности изображается так, что она себя в самой себе разрушает, дабы именно в этом саморазрушении ничтожного истинное могло обнаружиться как прочная пребывающая мощь» [Адинаева: эл. р.].

Сатира двусюжетна, это отличает ее от обличения. Комические происшествия всегда скрывают за собой трагический подтекст. Сатира – одна из форм критики, наиболее ярко окрашенная. Хорошо эту мысль сформулировал Ю. Б. Борев: «Во-первых, сатира более интенсивна, будучи остро современной и злободневной. Во-вторых, в ней определенную роль играет неожиданность сопоставления. В-третьих, эта критика не является простым осуждением явления путем прямого формулирования отрицательного отношения. В сатире зритель и читатель как бы естественно подводятся к самостоятельному, активному противопоставлению данного явления высоким эстетическим идеалам. Наконец, в-четвертых, в сатире всегда имеет место заострение противоречий действительности. Поэтому возможна сатира без смеха, но невозможна без остроумия» [Лазарева, 2005, с. 76].

Перечислим основные отличительные черты сатиры от предыдущих описанных нами элементов парадигмы комического. От юмора: в юморе, как и в сатире, два сюжета, но они оба имеют положительную коннотацию. От иронии: ирония при положительном видимом сюжете имеет отрицательную имплицитную сторону, а сатира вся негативна, подкрепим наш тезис словами Ф. Шиллера: «В сатире действительность как некое несовершенство противопоставляется идеалу, как высшей реальности» [Лазарева, 2005, с. 77].

На сегодняшний день сатира все чаще начинает использоваться в публицистике, тогда как ранее ее можно было увидеть только в художественной литературе. Сейчас с помощью сатиры СМИ обращают внимание общества на остросоциальные проблемы. Русской классической литературе хорошо известны примеры сатиры, которые остаются актуальными спустя столетия: например,

рассказы Салтыкова-Щедрина, чьи герои были сатирично-гротескными настолько, что не всегда уместались в границы реальности.

5. *Гротеск*. Этот феномен комического придает тексту вычурность и парадоксальность. Гротеск может существовать в двух ипостасях: в качестве самостоятельного литературного жанра или являться составной частью/ приемом создания иронии (в политическом дискурсе, в текстах СМИ, в художественных произведениях). Для наиболее полного определения термина «гротеск» приведем цитату из Большой советской энциклопедии: «Гротеск (франц. grotesque, итал. grottesco – «причудливый», от grotta – «грот»), 1) орнамент, включающий в причудливых, фантастических сочетаниях изобразительные и декоративные мотивы (растительные и звериные формы, фигурки людей, маски, канделябры и т. д.); 2) тип художественной образности (образ, стиль, жанр), основанный на фантастике, смехе, гиперболе, причудливом сочетании и контрасте фантастического и реального, прекрасного и безобразного, трагического и комического, правдоподобия и карикатуры. Гротеск резко смещает “формы самой жизни”, создавая особый гротескный мир, не допускающий ни буквального понимания, ни однозначной (как в аллегории) расшифровки. Гротеску свойственно стремление к целостному выражению кардинальных противоречий бытия, что и предопределяет резкое совмещение в нём полярностей. Сама форма Гротеска таит в себе многозначительную содержательность: освящает вольность вымысла, обнаруживает “противоречивое единство” разнородного, разрушает общепринятые предрассудки» [БСЭ: эл. р.].

Наиболее известным и наглядным примером является роман Ф. Рабле «Гаргантюа и Пантагрюэль». Автор посредством гротеска чрезмерно реалистично повествует о жизни Гаргантюа, комически демонстрируя пороки того времени, и одновременно с помощью того же гротеска скрывает глубокую философию символов. Основные средства языкового выражения, создающие гротеск, – это гиперболы и гиперболизированные сравнения. Благодаря им гротеск ярок, экспрессивен и всегда эмоционально окрашен; он может быть лексическим или смысловым. Часто этот тип комического шокирует читателей чрезмерной

натуралистичностью, парадоксальностью и «пренебрежением» моралью, однако это один из самых простых способов привлечения внимания адресата. Отчасти его можно поставить в один ряд с сарказмом, но с оговоркой, что у гротеска есть составляющие парадокса. Смех, вызванный гротеском, амбивалентен: с одной стороны, это веселье и ликование, а с другой – это осмеяние пороков и критика окружающей действительности. От смеха, вызванного сатирой, он отличается тем, что одновременно и утверждает, и отрицает. Таким образом, его план выражения может быть и положительным, и отрицательным, чем он и отличается от иронии и юмора.

б. *Сарказм*. Сарказм близок к гротеску, это наивысшая степень иронии, переходящая из скрытой насмешки в очевидное насмехательство над человеком или объектом сарказма. Приведем цитату Ю. Б. Борева: «сарказм – сатирическая по направленности, особо едкая и язвительная ирония, достигшая трагедийного накала, это ирония, избличающая явления, особо опасные по своим общественным последствиям» [Борев, 1970, с. 100].

Анализ художественных произведений русской литературы подтверждает тезис о том, что сарказм используют гораздо реже иронии. Связано это с тем, что в нем сочетается наибольшая эффективность с излишней остротой. Можно сказать, что сарказм – разновидность иронии, так как имеет с ней много общего и часто применяется в схожих целях. Отличие сарказма от иронии состоит еще и в том, что для его реализации и понимания необходим целый текст, а не предложение или отдельная фраза, как для иронии, хоть при этом сарказм и выражается лексическими средствами, а не синтаксическими. Сарказм строится на фальсификации, подтасовывании реальной картины и доведения действительности до абсурдности, которая помогает продемонстрировать всю необоснованность изначальных предпосылок. Как заметил Л. И. Тимофеев, у сарказма можно выделить этапы градации: «От безобидной шутки – к презрению, от презрения – к гневу и заканчивается негодованием, когда недостатки явления становятся такими, что заставляют отвергнуть его целиком, когда смешное уже стоит на грани отвратительного, когда надо требовать уже уничтожения и самого явления, и тех

условий, которые создают его в жизни» [Коновалов: эл. р.]. Апофеозом использования сарказма в классической литературе можно назвать памфлет Д. Свифта «Скромное предложение», в котором автор подверг критике теорию Мальтуса, советуя использовать новорожденных в качестве деликатесов, чтобы освободить их родственников от мук воспитания, а богатых джентльменов порадовать новым блюдом: «Один очень образованный американец, с которым я познакомился в Лондоне, уверял меня, что маленький здоровый годовалый младенец представляет собою в высшей степени восхитительное, питательное и полезное для здоровья кушанье, независимо от того, приготовлено оно в тушеном, жареном, печеном или вареном виде» [Свифт: эл. р.]. Осуждая бедность и нужду низшего класса, Д. Свифт пишет, что барины, *«пожрав уже большую часть родителей, по-видимому, имеют полное право и на их потомство»*. Отметим, что ирония, граничащая с сарказмом, в последней цитате появляется из-за полисемии глагола «пожрать», который в русском языке имеет несколько значений – прием еды (прямое значение) и всепоглощающее уничтожение чего или кого-либо. Конечно, вырванная из контекста фраза больше имеет признаков иронии, нежели сарказма, однако принципиально, что сарказм может проявляться только в целом тексте, а не в отдельно взятом предложении (поместив последнюю цитату в ранее озвученную нами тематику, получим слишком трагедийную для иронии окраску).

7. **Ирония** – главная составляющая парадигмы комического. Она, с одной стороны, включает в себя все элементы парадигмы, с другой – делит парадигму на две части: *позитивную* (т. е. утвердительную) и *отрицательную* (т. е. социально авторитетную, негодующую). Прообраз иронии – структурно-экспрессивный принцип стилистической иронии, а сама ирония – это эмоционально-идейная оценка. Выражение «ироническое отношение» скрывает целый ряд эмоций и характеристик – превосходство, насмешка, снисхождение, скептицизм и т. д.; все это скрыто, латентно, однако играет определяющую роль для целого художественного произведения, фразы, обращения, статьи и т. д. Именно имплицитная насмешка, скрываемая за эксплицитной важностью, отличает иронию от сатиры, сарказма и юмора. Реализуется в речи категория иронии при помощи

различных методов и приемов – *парадокса, гротеска, гиперболы, метафоры, контраста, остроумия, пародии, слияния различных стилей* и т. п.

Обычно ирония служит для дискредитации объекта, но бывают и исключительные случаи, когда предмет разговора восхваляется, а его конкуренты подвергаются критике, осмеянию. Такую иронию считают отрицательной, так как происходит подмена понятий и положительный смысл накладывается на отрицательный. Ярким примером такого типа иронии является самоирония: например, высказывание Г. А. Печорина в разговоре с Грушницким *«Где уж нам, дуракам, чай пить»*. Более корректно называть самоиронию антииронией, так как восхваление за маской неодобрения может скрываться не только по отношению к автору высказывания, но и к любому другому человеку. Например, стихотворение В. С. Курочкина:

«Нет, положительно, роман

“Что делать?” нехорош!

Не знает автор ни цыган,

Ни дев, танцующих канкан,

Алис и Риголбош.

Жена героя – что за стыд! –

Живет своим трудом;

Не наряжается в кредит

И с белошвейкой говорит –

Как с равным ей лицом.

Нет, положительно, роман

“Что делать?” нехорош!» [Курочкин: эл. р.].

Случается, когда ситуация провоцирует на «переосознание» слова или целой фразы, и они воспринимаются слушателями в прямо противоположном смысле. Например, в случае с басней И. А. Крылова «Лисица и осел»: *«Отколе, умная, бредешь ты голова?»* – слова, адресованные ослу акцентируют внимание на его глупости, а возвышенная фраза из произведения М. М. Зощенко «Ночное происшествие» *«аудиенция закончена»* по отношению к сторожу акцентирует

комичность и неуместность ситуации (приведем фрагмент целиком: «*Тут сторож допил свою воду, вытер рот рукавом и закрыл глаза, желая этим показать, что аудиенция закончена*»).

Нередко ирония строится на омонимии, паронимии или многозначности слова, например: «*И у Иуды был преданный друг*» – из книги А. Г. Кнышева «Уколы пера»; «*Губенко провел пресс-конференцию. И журналистов*» – газета «Коммерсантъ», № 42, 1991 г.; «*Пою мое отечество!*» – заявляла продавщица пивного ларька» – из книги А. Г. Кнышева, «Тоже книга»).

Главным же и наиболее часто встречающимся приемом создания иронии следует назвать переосмысление клише, стереотипов, фразеологизмов и т. д. Именно такую мысль выразил А. Т. Твардовский в статье «Поэзия Михаила Исаковского»: «Даже там, где не содержится сатирических оттенков, мягко иронический, ни для кого, казалось бы, не обидный тон подрывает, однако, магическую, заклинательную силу претенциозно-казенных штампов речи, таких, как “комсомольская линия”, выводит их из строя. Ср.: припаяли ему внушение, / Что вошел с кулаком в сношения, / Что в июньскую полночь синюю / Искривил комсомольскую линию (М. Исаковский «У Ванюши не пахана пашенка...»).

Похожую мысль высказывала С. И. Походня: «Словосочетание “надежда русского вокала”, употребленное даже относительно талантливого певца, имеет явно ироничный оттенок. То же самое произошло и со стереотипным словосочетанием “инженер человеческих душ”, которое ныне употребляется в русской речи, пожалуй, чаще иронически, чем как поэтическая метафора» [Санников: эл. р].

Ирония может основываться на грубой гиперболизации или очевидной антитезе: «*С приездом, любимая племянница. Матушка говорит, что только тебя нам не хватало...*». Видим, что смысл высказывания прямо противоположен использованным лексемам.

Помимо перечисленных выше видов иронии, существуют иронические сравнения, которые относятся к особому виду. Я. Г. Биренбаум писал: «Сравнения с иронией не усиливают качество, а наоборот, указывают на полнейшее отсутствие

его и наличие противоположного (обычно отрицательного) качества» [Побережная: эл. р.]. Такой тип иронии был особенно популярен в 19-м в., например: «Он у нас осьмое чудо – / У него завидный нрав. / Неподкупен – как Иуда, / Храбр и честен – как Фальстаф» – Н. А. Некрасов, «На Ф. В. Булгарина»; «Чудак он, право, своенравный! / Его ввести не можно в толк! / На разговор он рыбе равный, / А вежлив, как сердитый волк» – А. С. Грибоедов «Кто брат, кто сестра, или Обман за обманом». Исходя из всего вышесказанного назревает вопрос: «Какое же тогда высказывание будет нейтральным?» – нейтральные высказывания содержат отрицание рассматриваемых качеств через сравнения, например, *неразговорчив как рыба, неопрятен как свинья, нечестен как крыса* и т. д. В эту же группу можно отнести характеристики наподобие *плюшкина щедрость* и т. п.

При создании иронии важно помнить и о синтаксических средствах, таких как порядок слов, значение союзов и т. д., ярким примером чего служит эпиграмма А. Д. Иллического: «Издателю журнала с эпиграфом “С нами Бог”: в чем разноречит он с читателем своим? / Он пишет: “С нами Бог!”, тот говорит: “Бог с ним”». При использовании иронической цитации связь с первоисточниками может быть неочевидной, вольной, это в некоторых случаях придет особый комический эффект.

Особый статус иронии в рамках парадигмы комического связан не только и не столько со сложностью и многообразием способов ее экспликации (поскольку многие иные типы комического есть основание для создания иронического модуса), сколько с функциональной нагруженностью иронии в отношении самой парадигмы: она представляет собой средоточие и одновременно центр прагматического разграничения двух глобальных типов комического – сатирического и юмористического. Приведем цитату Г. Н. Пospelова: «В основе художественной сатиры лежит ироническое отношение к жизни, а в основе юмора лежит комическое отношение к жизни» [Кузьмина: эл. р.].

Различия между этими двумя типами имеет первостепенное значение. Основная коммуникативная задача сатиры – критика, изменение положения вещей и целенаправленное видоизменение действительности, чтобы указать на ее

минусы. У юмора и остроумия, напротив, отсутствует прагматическая цель. Однако некоторые черты объединяют сатиру с юмором: например, то, что их фундаментом выступает комедийное отношение к действительности.

Ирония комбинирует эти два типа комического: ирония, будучи одной из вторичных форм комедийно-эстетического отношения, может базироваться как на сатирическом, так и на юмористическом типе комедийного отношения. Это доказывается существованием различных форм иронии; существуют *сатирическая ирония* и *юмористическая ирония*. «Сатирическая ирония, мнимо утверждая предмет, осмеивает и отрицает его сущность. Юмористическая ирония, мнимо утверждая все в предмете, вышучивает и подвергает критике отдельные его стороны» [Борев, 1970, с. 98]. Объединяющим компонентом двух видов иронии является подтекст, имплицитно присутствующий в каждом ироническом высказывании под «маской» утверждения. Ирония от юмора отличается скрытой насмешкой, однако при этом ирония не становится частью сатиры: эта «пограничность» сущностно выделяет феномен иронии в общей системе типов комического¹.

Таким образом, парадигма комического включает иронию как важнейшую, но составную часть общей системы и одновременно «вбирает» в себя все элементы, которые оказываются базисными при порождении иронического кода высказывания. Именно эта амбивалентность отличает иронию от всех вышеперечисленных типов комического – она может быть как самостоятельным явлением, так и опираться на какой-то или даже на какие-то типы категории комического, в то время как остроумие, юмор, парадокс, пародия, сатира, сарказм и гротеск оказываются явлениями самостоятельными и включать в себя иронию не могут.

1.3. Категориальные признаки иронии и способы таксономизации

¹ Этим, с нашей точки зрения, можно объяснить чрезвычайный интерес к иронии со стороны политического дискурса в последнее десятилетие. Так как открыто использовать сатиру, оппонировав высшим политическим деятелям, не всегда возможно и недостаточно эффективно, ирония оказывается идеальным средством диффамации собеседника любого ранга.

Ирония как конститuent парадигмы комического, бесспорно, ориентирована на этнокультурные коды и создает такой вид юмора, как «национальный юмор». В этой связи оказывается возможным и необходимым двунаправленный анализ: с одной стороны – какие культурные коды организуют иронический модус высказывания (и текста в целом), с другой же – как и каким образом (через какие знаковые в широком смысле средства) в иронии эксплицируются данные культурные коды, формируя тем самым языковую картину мира определенного этноса.

Первый вектор напрямую связан с лингвокультурной и лингвоаксиологической устроенностью универсума. Каждый человек является носителем определенной языковой картины мира, которая отражает окружающую его действительность, культуру, традиции, религию, менталитет и т. д., следовательно, языковые процессы напрямую транслируют культуру народа, мировосприятие, свойственное отдельному этносу. Восприятие же связано с целым рядом факторов, включающих познание действительности, выработку системы ценностей и, что самое важное, формирование оценки событий. Ирония (впрочем, как и остальные типы комического) «строится» на оценивании действий, мыслей, высказываний и т. д. Соответственно, для последующего анализа необходимо понять общие критерии оценки в «когнитивном мире» русскоязычного пространства, транслирующие взаимообусловленность феномена иронии и культуры.

Онтология оценки коррелирует с определениями добра, красоты, истины, которые с античных времен считаются основными атрибутами жизни человека, при этом оценочная база формируется с учетом норм, традиций, обрядов, вероисповедания, временных и пространственных характеристик. Категория оценки передает «прямое и непосредственное восприятие красоты и безобразия действительности» [Арутюнова, 2004, с. 6]. Из этого можно сделать вывод, что категория оценки основана на «чувстве прекрасного» и неразрывно связана с понятием эстетики, определение которого известно с античных времен. С точки зрения Сократа, «прекрасное» – это «все то, что разумно» [Лосев: эл. р.]. Для

Платона мир идей являлся истинным воплощением прекрасного. У Аристотеля синонимом «прекрасного» являлись все добродетели: «нравственно прекрасным зовут справедливого, мужественного, благоразумного и вообще обладающего всеми добродетелями [человека]» [Степин: эл. р.].

Н. Д. Арутюнова представила концепцию, в которой дает определение оценке таким образом: «Хорошее – значит соответствующее идеализированной модели макро- или микромира, осознаваемой как цель бытия человека, а, следовательно, и его деятельности: плохое значит несоответствующее этой модели по одному из присущих ей параметров» [Арутюнова 2004: 59]. Соответственно, по ее мнению, одна из целей оценки – «облагораживание модели мира» [Там же], при этом она выделяет три группы оценок: сенсорные, сублимированные и рационалистические оценки.

Опираясь на такой подход, нам кажется уместным определить иронию как важное оценочное средство, которое логично будет включить в группу *сублимированных* оценок, так как данная группа относится к характеристике понятий «идеал», «норма», «мораль» и тесно связана с культурным и этноментальным «началом» человека. С точки зрения понимания иронии сквозь призму оценки, связанной с культурными национальными особенностями, важно подчеркнуть главную цель иронии – разоблачение пороков и формирование идеала. Однако в каждой культуре отношения градации между пороком и идеалом могут выстраиваться по-разному, поэтому для анализа категориальной сущности иронии важно учитывать культурные особенности как иронизирующего, так и его собеседника.

В свою очередь, оценка текста напрямую зависит от его понимания и/или интерпретации его смысла. «Феномен “понимание” неразрывно связан с вопросами речевого общения, его национально-культурной природы и организации, выходящими на одну из глобальнейших проблем современной теории и практики – проблему взаимообусловленности языка и культуры» [Боженкова, 2018, с. 11]. Опираясь на классические работы М. М. Бахтина, отметим, что современные ученые выделяют следующие текстовые смыслообразующие уровни:

коммуникативная интенция говорящего (ядро, тема, фокус); система планов, программ, организующие текстовые компоненты в смысловое целое (иерархия семем, предикатов); осмысление текста адресатом в результате контекстно-ситуативного анализа [Бахтин].

При анализе самого текста и реакции аудитории на текст можно столкнуться с ситуациями, когда адресат понимает не все смыслы, вложенные автором в текст, и напротив, читатель привносит в текст «добавочные смыслы», которые, возможно, сам автор не подразумевал. Более того, «добавочный смысл» может содержаться в тексте даже в тех случаях, когда автор не подозревает об этом. Мысль о творческом характере понимания базируется на том, что «понимание восполняет текст: оно активно и носит творческий характер» [Бахтин: эл. р.]. Иными словами, текст может получать дополнительные смыслы в процессе его восприятия и понимания. «Добавочный смысл» может появиться в самом акте трансляции текста от автора к читателю/слушателю. См.: «Смысловые явления могут существовать в скрытом виде, потенциально, и раскрываться только в благоприятных для этого раскрытия смысловых культурных контекстах» [Там же]. Иначе, материальное тело текста не изменяется, но под влиянием каких-либо лингвокультурных факторов происходит его смысловое обогащение¹, поскольку именно адресат синтезирует лингвокультурный смысл текста².

Второй вектор «погружает» нас во множество таксономий иронии как вербального явления, обусловленных не только различными научными задачами, но и неоднозначностью воззрений ученых на языковую природу данного феномена.

Так, Э. Ганс одним из уникальных свойств языка называет «деконструкцию своей формальной структуры» [Смирнова: эл. р.], что позволяет употреблять любое слово в противоположном ему первоначальном смысле, создавая тем самым эмоциональную окрашенность высказывания. Как следствие, виды и средства выражения иронии исследуются сегодня в аспекте разных подходов и в различных жанрах – художественной литературе, публицистике, устной речи и т. д.

¹ Далее в работе мы покажем, как эта теория «работает» в аспекте создания иронического кода высказывания.

² См. также: «всякое понимание есть соотнесение данного текста с другими текстами и переосмысление в новом контексте» [14, с. 207].

Согласно *риторико-стилистическому подходу*, ирония реализует эмоциональную и образную функции, которые помогают сделать текст поэтичным, неформальным и т. д., соответственно, для выполнения этих функций используются риторические приёмы, помогающие сделать речь выразительной. Здесь утверждается, что ирония выражает субъективную оценку: между буквальным и скрытым смыслом выделяется несколько типов отношений – контрастность, выраженная оппозицией или парадоксом, и неприятие [Соколова: эл. р.].

С точки зрения прагматического подхода, предполагающего объяснение языковых феноменов посредством и через действия людей [Там же], ирония изучается не как отдельное явление, а исключительно в контексте высказывания. Вспомним, что лингвопрагматика основывается на теориях речевых актов, импликации и речевых максим. У каждой теории свои функции: теория речевого акта определяет само устройство речевой коммуникации, максимы устанавливают основные правила речевого поведения собеседников, а теория импликации определяет уровень косвенности в речи, методы и варианты интерпретации имплицитных значений.

Важным для этого подхода оказывается выделение трех видов прагматических пресуппозиций, которые являются основанием для разграничения иронии:

1) текстовая (забегая вперед, скажем, что она актуальна как для *ситуативной иронии*, для понимания которой необходимо знать фрагмент текст, так и для *ассоциативной иронии*, полный смысл которой можно понять только, ознакомившись со всем текстом);

2) экстралингвистическая – более сложный уровень, требующий широких фоновых знаний в разных областях;

3) интертекстуальная, которая предполагает наличие знаний общекультурного характера, а также погружённость в специфику конкретного исторического периода, на основании которых высказывание приобретает

определенную иллокутивную силу и тем самым формируется «несерьезное» оценочное отношение к субъекту/объекту данного высказывания.

Структурного подхода к изучению иронии придерживается целый ряд ученых – Е. С. Кубрякова, С. И. Походня, Ж. Е. Фомичева. Так, Е. С. Кубрякова отмечает, что структурный подход предусматривает «необходимость изучения каждого языкового явления по выполняемой им функции в системе языка и его оценки с точки зрения всей телеологически существующей системы» [Кубрякова: эл. р.].

Для подробного анализа истории изучения разновидностей и классификаций иронии обратимся к рейтингу периодических изданий 1946–1968 г., подготовленному Д. Мюкке. Исследователь вносил в базу все статьи, в названии которых было слово «ирония». В период с 1946 по 1952 год таких статей было всего 5, с 1952 по 1962 гг. – 12 статей, к 1968 году в списке Д. Мюкке насчитывалось 42 статьи.

С его точки зрения, иронический эффект строится на столкновении двух взглядов – ироника (иронизирующего) и объекта иронии, – в связи с этим появляются несоответствия, которые можно разделить на два уровня: первый – как видит ситуацию ироник, второй – как видит ситуацию объект иронии или сторонний наблюдатель. Как пишет Д. Мюкке, в иронии всегда есть компонент простодушия: «Либо объект иронии уверен в том, что в данной ситуации другого смысла высказывания или иной точки зрения на ситуацию, отрицающей его собственную, не может быть, либо ироник притворяется, что не подразумевал ничего отличного от буквального значения» [Лазарева, 2005, с. 28].

Первоначально Д. Мюкке разграничивал *вербальную* и *ситуативную* иронию, далее, развивая теорию, исследователь ввел понятия *частной* и *общей* иронии, где частная – средство издёвки, а общая – противопоставление объекта всему остальному обществу, т. е. высмеивание современных устоев. Целью данной таксономии Д. Мюкке видел следующее: описать иронию как *языковой феномен*, поэтому важным для него было рассмотрение различных оценок и реакции на иронию со стороны ироника и объекта иронии.

По мере изучения феномена иронии усложнялись её трактовка. Так, Д. Мюкке одним из первых предложил отличное от предыдущих определение иронии, акцентировав внимание на том, что это не только стилистический прием, но и «способ мышления, незаметно возникший как общая тенденция нашего времени» [Там же, с. 30]. См. также: «Суть понятия ирония часто теряется из-за того, что многие путают ее с сатирой, а также такими феноменами как комическое, гротеск, юмор, абсурд. В результате исследователи пытаются определить иронию с помощью этих понятий, многие из которых сами нуждаются в определении» [Там же, с. 25].

В работе «The Compass of Irony», Д. Мюкке систематизировал виды иронии: «Попробуем просто поразмышлять о всех тех названиях, которые были даны различным типам иронии – трагическая ирония, комическая ирония, ирония судьбы, ирония ситуации, философская ирония, практическая ирония, драматическая ирония, вербальная ирония, ирония инженеру, двойная ирония, риторическая ирония, самоирония, сократовская ирония, романтическая ирония, космическая ирония, сентиментальная ирония, ирония случая, ирония характера» [Там же, с. 20]. Исходя из этого Д. Мюкке предлагает иную трактовку иронии: «Давайте определим иронию как способ говорить, писать, действовать, вести себя и т. д., при котором прямое значение того или иного высказывания, намеренно противоположно реальному его смыслу» [Там же, с. 25–26].

На основании собственного понимания категориальной сущности столь сложного языкового явления, как ирония, исследователь выделил три ее вида в зависимости от степени завуалированности истинного смысла высказывания – *явную*, *скрытую* и *тайную*¹. Помогает распознать прямое значение *явной иронии* интонация или её стилистический аналог; *скрытую иронию* можно расшифровать, опираясь на контекст ситуации (это информация об авторе, предмете и объекте иронии и т. д.); *тайную иронию* используют для того, чтобы никто, кроме автора, не понял истинный смысл, заложенный в высказывание, так как чаще всего он предполагает уничижение собеседника или выражение негатива.

¹ Предложенное Д. Мюкке членение позволяет предположить, что ирония репрезентируется средствами всех уровней языковой системы – фонетико-фонологического, морфологического, лексико-семантического, синтаксического и стилистического.

Д. Мюкке обращает особое внимание на *отношение автора* к иронии и в зависимости от этого выделяет 4 её формы: *безличную*, когда невозможно понять отношение автора к ситуации; *самоуничижительную*, направленную в сторону самого автора (сократовская ирония); *иронию-инженю*, когда автор как бы передает слово другому человеку; *драматическую* иронию, когда происходит обычное описание событий.

Безличную форму иронии Д. Мюкке исследует особенно подробно и, разграничивая *иронию правдивую* и *иронию мнимую*¹, предлагает отдельную ее таксономию:

1. Восхваление через унижение
2. Унижение через восхваление
3. Мнимое согласие с оппонентом
4. Мнимый совет
5. Риторический вопрос
6. Мнимое сомнение
7. Мнимая ошибка, или незнание
8. Неявная аллюзия
9. Ирония по тождеству
10. Неоднозначность
11. Мнимая ошибка, или осуждение
12. Мнимая агрессия в сторону антагониста объектом иронии
13. Мнимое сочувствие оппоненту
14. Мнимое суждение
15. Внутренние разногласия
16. Псевдоаргументация
17. Стилистически маркированная ирония: образа действия; стилистическое несоответствие; пародия; героизация; бурлеск; травести
18. Литота
19. Гипербола

¹ Например, самоирония – мнимая ошибка, незнание.

20. Ироническая игра

Д. Мюкке удалось лаконично и точно передать природу и предназначение иронии: «Для большинства серьезных писателей, будь то поэты, романисты, драматурги, ирония сейчас гораздо реже является стилистическим или драматическим приемом, который они могут применять по своему усмотрению: намного чаще это способ мышления, незаметно возникший, как общая тенденция нашего времени» [Лазарева 2005: 30].

Не менее интересным в этой связи является труд французских исследователей «Общая риторика группы μ », где все риторические фигуры¹ систематизированы, объяснены и сгруппированы по 4 признакам:

1) метаплазмы – группа риторических фигур, выражающихся на фонетическом уровне или графически;

2) метасемемы – риторические фигуры и тропы, проявленные на уровне языковой единицы;

3) метатаксис – тропы и риторические фигуры, используемые на синтаксическом уровне;

4) металогизмы – риторические фигуры речи, производящие логические действия [Дюбуа, 1986].

Анализ примеров, приведенных учеными, позволяет утверждать, что ирония, согласно теории группы μ , может репрезентироваться любой из 4 групп риторических фигур.

В русле отечественного языкознания первым ученым, отказавшимся от одностороннего понимания иронии, стал А. А. Потебня. Согласно его концепции, ирония разделяется на *иронию-троп* и *иронию-смысл*. Различие состоит в сопровождении *иронии-смысла* экстралингвистическими факторами: возникновение у адресата в результате восприятия иронии определённого чувства. Следовательно, ирония связана не только с вербальным её выражением, но и с невербальными средствами коммуникации, лингвокультурными компонентами и

¹ Отметим, что в данной работе используются номинации в традициях античности, где *риторическая фигура/фигура речи* и *троп* являются эквивалентными и отсутствует разделение между собственно тропическими средствами, стилистическими фигурами и иными языковыми способами выражения экспрессии.

интертекстуальными явлениями. А. А. Потебня говорит о том, что ирония «неоднородна с тропами» [Джамалова: эл. р.], можно обозначить следующую особенность восприятия иронии адресатом, который чувствует её присутствие не с помощью языковой формы, а благодаря появляющемуся чувству, сопровождающему высказывание. Такая трактовка иронии кажется нам наиболее точной, так как вывить форму выражения иронии не всегда представляется возможным с помощью языковых средств, тогда как интуитивное, нерелексируемое понимание «подсказывает» иронический подтекст высказывания¹.

В XX веке лингвисты разделились на две группы – тех, кто относил иронию к *тропу* (например, О. С. Ахманова: «Троп, состоящий в употреблении слова в смысле, обратном буквальному, с целью тонкой или скрытой насмешки. Насмешка, нарочито облеченная в форму положительной характеристики или восхваления» [Ахманова, 1969, с. 185]), и тех, кто не соглашался с данной позицией (например, М. А. Багдасарян утверждал, что ирония, в отличие от тропа, не всегда основывается на образном значении слова, а троп, напротив, может быть представлен иронической метафорой, метонимией, сопоставлением и т. д.; помимо этого, ирония часто выражается интонационно, троп же выражается исключительно графически [Багдасарян]).

В современных трудах по лингвистике ирония рассматривается не только как стилистический прием, но и как категория текста, однако сегодня ученым удалось прийти к консенсусу только в таком разделении иронии, а терминологический аппарат оказывается авторским (например, Н. К. Салихова иронию как стилистический прием называет *явной*, а как категорию текста – *скрытой*

¹ В этой связи отметим и позицию литературоведов: например, Г. Н. Поспелов разграничивает *иронию-троп* и *иронию как философскую категорию романтической поэтики* [89]. Ю. Б. Борев утверждает, что в отдельные периоды ирония перерастала в отдельный вид искусства, отличный от эпоса, лирики, драмы, но, тем не менее, собирает воедино некоторые их отличительные черты [27]. См. также определение Литературного энциклопедического словаря: «1) ирония – стилистическое средство, выражающее насмешку или лукавство. Иносказание, при котором в контексте речи высказывание приобретает противоположный смысл; 2) ирония – вид комического (наряду с юмором и сатирой), идейно-эмоциональная оценка, прообразом которой служит ирония стилистическая» [56, с. 132]. В иных источниках описывается первое значение описывается как *антифразис* или *автономасия*.

[Салихова]; Ж. Е. Фомичева первый тип иронии называет *контекстуальной*, а второй тип – *текстообразующей* иронией [Фомичева]).

Основаниями для данного разграничения являются несколько, с нашей точки зрения, факторов. Первый – лингвокогнитивная «роль»: текстообразующая ирония неразрывно сопряжена с основной мыслью фразы и высказывает субъективную модальность, передающую авторскую картину мира и обычно подразумевающую негативную оценку. Контекстуальная же ирония, которую часто приравнивают к стилистическому приему, создает, скорее, «оживляющую» текст и потому запоминающуюся стилистическую экспрессию. Второе – два эти типа иронии различны по объему контекста: так, для декодирования текстообразующей иронии необходим контекст всего произведения, а для понимания контекстуальной иронии достаточно одного предложения или абзаца, в котором она находится и где закреплены особые сигналы, указывающие на нее. Приведем слова Н. К. Салиховой: «Окружения реализуемой единицы или речевой ситуации, который указывает на появление или проявление стилистического смысла, мы можем считать сигналом стилистического смысла» [Салихова, 1976, с. 79].

Такие же термины, как у Ж. Е. Фомичевой, встречаем в работах Ю. В. Каменской: «Данный – текстообразующий – тип иронии организует текст в целом, задает его структуру» [Каменская, 2001, с. 98–99]. Данный тип иронии подразумевает самоиронию, так как ирония может быть направлена не только на адресата, но и на автора текста. Эксплицируется текстообразующая ирония с помощью прямой речи, ситуативного и лексического повтора, а также интертекстуальных связей. Контекстуальная ирония выражается, согласно концепции Ю. В. Каменской, с помощью лексико-семантических, структурных и стилистических приемов – каламбура, имитации причинно-следственной связи, антифразиса; вводных конструкций, синтаксических конвергенций и синтаксических структур.

Группа исследователей (И. А. Котюров, Ю. Н. Мухин, О. Я. Палкевич, М. А. Слепцова, В. Скаличка) отмечает, что основной установкой иронии является «выражение неодобрения, осуждение, критика» [Слепцова, 2008, с. 8]. В работе

М. А. Слепцовой объясняется выбор средств выражения иронии, который зависит от реализуемой иронией функции в контексте – функция нападения или примирения. Автор описывает иронию как косвенный речевой акт, подразумевающий отрицательную оценку действительности, которая обнаруживается в результате несоответствий между референтной ситуацией и ситуации речи с негативным параметром. Иными словами, происходит диссонанс между буквальным смыслом высказывания и его иллокутивной силой. М. А. Слепцова утверждает, что иронический код может быть выражен любым тропом.

О. Я. Палкевич выстраивает ее анализ как «модус эстетической категории комического в рамках бытия человека» [Палкевич, 2001, с. 8]. К особым признаками иронии, способным создать комический эффект, ученый относит иносказательность, изъятие скепсиса, насмешки, иносказательности, оценочного характера. О. Я. Палкевич пишет об актуализации эгоцентрических категорий внутреннего мира человека, которые способствуют формированию его картины мира. Люди, имеющие критически-насмешливое мышление, с точки зрения исследователя, способны выстраивать вокруг себя ироническую картину мира, заключающуюся в иронической интерпретации универсума. К средствам выражения иронии в языке О. Я. Палкевич относит разноуровневые языковые элементы: на лексическом уровне – языковые штампы, клише, окказионализмы; на синтаксическом уровне – риторические вопросы, сверхфразовое единство, обособление др. К сигналам иронии О. Я. Палкевич относит гиперболу, литоту, модальные слова, двусмысленность.

Ряд исследователей, например, Л. Н. Мурзин и В. Скаличка, причисляют иронические тексты к антитекстам, так как в них текст и подтекст меняются местами: похвала выражается осуждением, утверждение посредством отрицания и наоборот.

Основаниями для отнесения иронии к одному из типов (стилистический прием или категория текста) могут также служить грамматические признаки, социокультурные, лингвистические, психологические критерии или же уровень суггестивности.

Так, О. П. Ермакова утверждает, что ирония может быть сосредоточена в одном слове. См. пример автора: «*Добрые люди бросались на него, как собаки на медведя*» (М. А. Булгаков «Мастер и Маргарита») – слово «добрые» сосредоточивает в себе иронический смысл целого предложения¹. На этом основании ученый разделяет иронию по «занимаемому словесному пространству» на *вербализованную* (которая не выходит за рамки слова или словосочетания) и *текстовую*, более развернутую. Она подчеркивает, что и тот, и другой тип иронии могут выражаться как имплицитно, так и явно; носить язвительный и мягкий характер, с юмористическими оттенками или без них. Исследователь акцентирует внимание на причинно-следственных отношениях: «В глубинной семантике иронии лежат перевернутые (алогичные, противоестественные, часто абсурдные) причинно-следственные отношения, в частности – цели, уступки, условия, противопоставления и соответствия» [Ермакова: эл. р.]. С точки зрения автора приведенной концепции, ирония – есть «языковая мистификация», которая реализуется с помощью «масок»: глупца, невежды, подлеца или наивного человека. Исследователь объясняет такое видение иронии тем, что её наличие в тексте всегда подразумевает присваивание изначальной фразе противоположного смысла. В связи с этим О. П. Ермакова выделяет следующие способы выражения иронии: установление абсурда как истины, лживое отрицание, ироническое сравнение, метафоричность, сожаление, поощрение, преувеличение положительных качеств, включение в текст модальности и категории неопределенности.

¹ Отметим, однако, что в лексикографических источниках утверждается, что слово *добрый* относится к нейтральному пласту лексики с положительной семантикой, соответственно иронический модус создается в контексте целого предложения и основан на антитезе, проявляющейся в обусловленности ситуации. Вырванное из контекста всего произведения, предложение воспринимается читателем, скорее, в прямом, нежели ироничном смысле (некогда добрые люди разгневались на Крысобоя из-за его поведения и начали вести себя как взбешенные псы). Обращаясь же ко всему произведению М. А. Булгакова, мы видим иную ситуацию: эти люди были для Крысобоя «лютыми врагами» и назвать их «добрыми людьми» (в чем есть аллюзия на речь Иешуа, который обращался так ко всем) никак нельзя. Соответственно, можно утверждать, что в приведенном выше предложении есть и ирония, и пародия, но что это эксплицируется одной лексемой «добрые» – сомнительно. Далее О. П. Ермакова в качестве примеров приводит целый ряд слов: «*Гениально! Изумительно!*» и т. д., оперируя тем фактом тем, что при понимании их в противоположенном значении создается иронический эффект. Однако и эти слова сами по себе не несут заранее иронического смысла, они становятся некими посредниками только в определенной исключительной ситуации и при соблюдении определенных интонационных параметров.

О. Г. Петрова, сохраняя данную дихотомию, к первому типу относит *стилистическую иронию*, при этом способами репрезентации иронического модуса называет многочисленные лексические, синтаксические, словообразовательные и другие средствами [Петрова].

И. Б. Шатуновский основными средствами выражения иронии считал вопросительное построение предложения, в том числе с интонацией переспроса; выдвижение предположений; использование утвердительных вводных слов, таких как *естественно, конечно* и т. д.; приведение аргументов и объяснений. Способов же выражения иронии, по мнению исследователя, существует несколько: формальные (такие как улыбка, усмешка, ухмылка) и/или интонация – иными словами, паралингвистические компоненты коммуникативного акта и семантические сигналы, заключающиеся в искусственной семасиологии высказывания, которая и создает комический эффект [Шатуновский, 2007].

Интересный, нестандартный подход к классификации типов иронии предложил В. Е. Жаров. Исследователь взял за основу прагматические интенции автора и систематизировал их по формально-иллокутивным критериям: антифразис, антитеза, параллелизм, семантическое согласование, подмена фрейма, силлепс, нейтрализация семантического наполнения высказывания, отзвук, уточнение, сенсорная оценка, генерализация, утверждение и моделирование [Жаров, 1997].

Взаимосвязь содержательного плана текста в целом и отдельных языковых средств обнаружила С. И. Походня: «Очевиден тот факт, что в более сложных формах иронии словам описываются не прямо противоположные значения, а целая гамма иронических окказиональных смыслов, возникающих в сознании читателя вследствие корреляции семантики слов с текстовой ситуацией»¹ [Походня: эл. р.]. На этом основании ученый утверждает, ирония – это феномен вторичного именованья, она придает речи элементы критики, оценки и эмоциональности, и разграничивает иные два типа иронии – *ассоциативную* и *ситуативную*, в основе чего лежат способ и условия ее использования.

¹ Отметим еще раз, что большинство ученых понимали суть иронии как столкновение противоположных значений.

Ассоциативный тип иронии прослеживается на уровне всего текста, для достижения ассоциативной иронии необходимо соблюдать сверхфразовое единство текста, применять повторы (структурный, синонимический, перифрастический и т. д.), цитирование, апеллирование к аллюзиям. Здесь С. И. Походня акцентирует внимание на пресуппозициях, с помощью которых становится возможным корректно декодировать смысловое поле высказывания. Ассоциативная ирония, как следует из названия, строится на ассоциациях адресата и опирается на прецедентные тексты, фоновые знания и общий кругозор слушающего или читающего. Помимо этого, собеседник должен за довольно короткое время провести логическую цепочку между несколькими феноменами, понять интертекстуальность речи и мгновенно дать обратную связь говорящему.

Ситуативная ирония воспринимается гораздо проще, она актуальна только в данный момент; при ситуативной иронии полярность между прямым значением и контекстом вызывает к мгновенному, актуальному здесь и сейчас, генерированию значения, противоположному буквальному. Ситуативный тип иронии предполагает моментальное возникновение ироничного контекста, который организуется при помощи синтаксических конструкций и лексических единиц [Походны: эл. р.]. Ещё одно важное отличие ситуативной иронии от ассоциативной – квинтэссенцией первой (ситуативной) является текстовая интерпретация, а у второй (ассоциативной) – интертекстуальность и экстралингвистические факторы. Можно сказать, что антифразис – это гипоморфоз ситуативной иронии; к ассоциативной же иронии подобную подмену понятий применить нельзя, так как это совокупность мыслительных и психических процессов, возникающих у слушателя или читателя с опорой на его фоновые знания и психоэмоциональный фон, подкрепленные автором иронического высказывания.

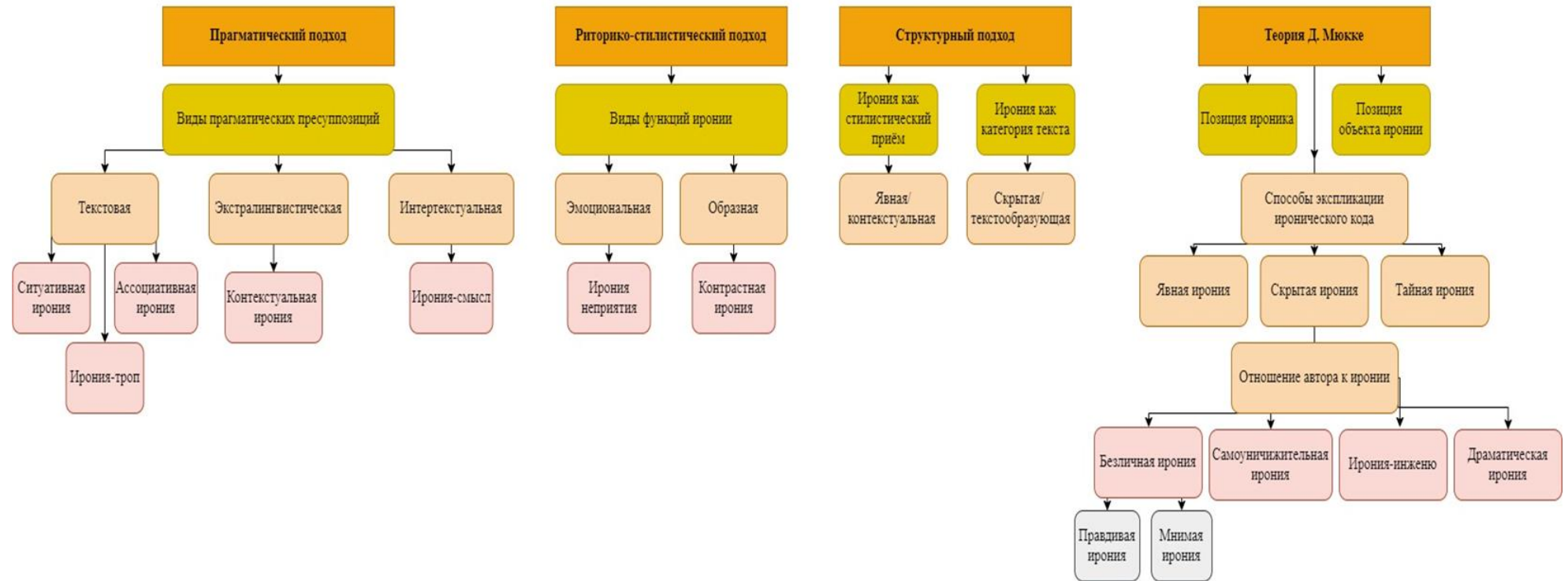

Схема 2 – Подходы к изучению иронии

Все вышеперечисленные подходы к пониманию к категориальной сущности иронии и сформированные на этом основании таксономии возможно, с нашей точки зрения, представить в виде определенной схемы.

Проведенный анализ различных точек зрения на категориальную сущность иронии и представленных в науке типологий позволил взглянуть на это явление под разными ракурсами, найти «точки пересечения» взглядов отдельных ученых и одновременно убедил в том, что единая классификация типов/видов/подвидов иронии в силу широты, разнообразия и разнородности данного явления (и в аспекте знаковой организации, и в аспекте ее лингвокультурной устроенности) вряд ли возможна, да и вряд ли необходима. Представляется, что наиболее интересным и значимым для современного лингвистического знания будет выявление лингвокогнитивных механизмов создания и способов/ приемов вербальной экспликации иронического кода высказывания в определенных коммуникативных интеракциях, учитывающих различные параметры конкретного типа дискурса.

Выводы по главе 1

1. Освещение теоретических воззрений на феномен иронии позволяет констатировать отсутствие в науке единого мнения относительно ее категориальной устроенности. Сложность определения сути и границ описания иронии связана как с многоаспектностью данного явления, являющегося точкой пересечения совершенно разных по методологическим «посылам» наук (от философии, поэтики, лингвистики до эстетики, когнитологии и психологии), так и с доминантностью различных научных интересов во многовековом процессе его изучения. Вместе с тем диахроническое рассмотрение иронии убеждает, что основной целью ее создания является передача *истинного знания* путём *нескучного поучения*, основанного на противопоставлении своей и общепринятой (чужой) оценки происходящего и демонстрирующего особое авторское мироощущение. При этом значимыми компонентами иронии оказываются фигуральность, особое звучание, неоднозначность (метафоричность), которые не только обеспечивают

принципиальную для иронии «украшательность», образность и запоминаемость речи, но и становятся конститутивными элементами иронического кода.

2. Иронический код как семасиологическое ядро и латентный смысл речевой конструкции, базирующийся на двойном кодировании, аллюзиях и др., может транслироваться единицами любого яруса языковой системы (фонетико-фонологического, лексического, синтаксического) и/или стилистического регистра (соединение разнородных текстуальных элементов, цитирование, включение прецедентных текстов, окказионализмов, пародий и др.), при этом осознание/понимание иронического кода адресатом ограничивается/расширяется многочисленными дискурсивными и этнолингвокультурными параметрами (от хронотопических, пропозициональных и аксиологических факторов до понятия нормы вербального поведения в данной конкретной ситуации и др.), что свидетельствует о диалогической сущности иронии. Диалогичность иронии не только предоставляет возможность адресату узнавать и «дешифровывать» иронический код, но и «задает» вектор отношений между участниками интеракции с ироническим модусом, оказываясь средством определенной манипуляции общественным сознанием.

3. Включение лингвопрагматического и лингоаксиологического аспекта в изучение феномена иронии позволяет предложить следующую авторскую дефиницию: ирония – мультисмысловая рефлексивная фиксация вариативности действительности, передающая мелиоративно-критический взгляд на мир и экземплифицирующаяся в акте коммуникации этноспецифичными вербальными/невербальными средствами. Принципиальным в этой связи оказывается особый статус иронии в рамках парадигмы комического, который связан не только и не столько со сложностью и многообразием способов экспликации иронического кода, сколько с функциональной нагруженностью иронии в отношении самой парадигмы: она представляет собой средоточие и одновременно центр прагматического разграничения двух глобальных типов комического – сатирического и юмористического.

4. Парадигма комического включает иронию как важнейшую, но составную часть общей системы и одновременно «вбирает» в себя все элементы, которые оказываются базисными при порождении иронического кода высказывания. Такая организация парадигмы обуславливает амбивалентность иронии, отличающей ее от иных типов комического: ирония может быть как самостоятельным явлением, так и опираться на какой-то или даже на какие-то типы категории комического, в то время как остроумие, юмор, парадокс, пародия, сатира, сарказм и гротеск оказываются явлениями изолированными и включать в себя иронию не могут. Соответственно, парадигматические отношения между иронией и остальными типами комического можно определить как взаимосвязь, но не взаимообусловленность.

5. Ирония – ведущий конституент парадигмы комического, разграничивающий мелиоративность и пейоративность высказывания (текста/дискурса) по отношению к субъекту данного высказывания: «обобщая» в себя все элементы парадигмы, она членит ее на два противопоставленных блока – позитивный (т. е. утвердительный, юмористический) и негативный (т. е. социально авторитетный, негодующий, сатирический). Ирония комбинирует эти два типа комического, поскольку может базироваться как на сатирическом, так и на юмористическом типе комедийного отношения, где главным критерием отнесения к тому или иному «полюсу» является рецепция этнокультурных маркеров языкового пространства. Данный факт, с одной стороны, определяет необходимость проведения в дальнейшем двунаправленного анализа (какие культурные доминанты организуют иронический код высказывания и одновременно – как, каким образом, через какие знаковые в широком смысле средства в иронии эксплицируются культуроспецифичные элементы, формируя тем самым языковую картину мира определенного этноса), с другой же – актуализирует вопрос о таксономии различных видов/типов иронии.

6. Сравнительное изучение представленных в науке классификаций иронии свидетельствует как о расхождении взглядов различных ученых на критериальные основания разделения, так и об отсутствии единого метаязыкового аппарата

(нередко описание способов экспликации иронического кода отличается лишь дефинициями, а не сутью). Вместе с тем систематизация материала позволила выделить основные подходы к таксономизации различных видов иронии (прагматический, риторико-стилистический, структурный, теория Д. Мюкке, главное отличие которых состоит в «объеме» объекта исследования: в одних случаях ирония рассматривается исключительно в контексте речи, в других – изучается каждое отдельное языковое явление, которое становится базисом иронического высказывания) и на этом основании разработать авторскую схему (см. с. 66), отражающую фокус исследовательских позиций и одновременно демонстрирующую многоярусность организации иронии как сложнейшего когнитивно-языкового явления, функционирование которого в определенном лингвокультурном поле наглядно демонстрирует аксиологическую устроенность универсума.

7. Рассмотрение иронии через призму оценочности обуславливает отнесенность данного явления к группе сублимированных оценок (связанных с культурным и этноментальным «началом» человека и характеристикой понятий «идеал», «норма», «мораль» и др.), успешность интерпретации которых напрямую зависит от того, носителем какой картины мира является автор и адресат высказывания, равноценно ли они оценивают ситуацию и т. д., что в свою очередь дает иные основания для «дешифровки» иронического кода и, как следствие, разграничения иронии, представляющие собой три уровня (вида) прагматической пресуппозиции: текстовый (когда необходимо знать фрагмент текста или текст в целом); экстралингвистический (более сложный уровень, требующий широких фоновых знаний в разных областях); интертекстуальный (который предполагает наличие знаний общекультурного характера, а также погружённость в специфику конкретного исторического периода, на основании которых высказывание приобретает определенную иллокутивную силу и тем самым формируется «несерьезное» оценочное отношение к субъекту/объекту данного высказывания).

В свете вышеизложенного при дальнейшем анализе эмпирического материала мы ставим перед собой задачу не столько классифицирования языковой

формы иронии, сколько характеристики специфичности функционирования вербальных (и не только) знаков, относящихся к разным ярусам языковой системы и их возможную конвергенцию, обеспечивающую «многопластовость» текстового пространства, с одной стороны, и особую его рефлексию участниками – с другой, что и будет рассмотрено во 2-й главе.

Глава 2. ФЕНОМЕН ИРОНИИ В ФОКУСЕ ПОЛИТИЧЕСКОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Несмотря на внушительный ряд исследований, посвященных специфике речевого взаимодействия в политической сфере, в изучении политического дискурса прослеживается ряд нерешенных проблем. К их числу следует отнести характеризацию коммуникативного поведения политиков в терминах речевого воздействия. Отметим, что необходимость исследования языка политических субъектов обусловлена как тенденцией «орализации» [Стернин, 2004, с. 17] политического дискурса, так и научной значимостью моделирования ментальных структур участников политической коммуникации. Сегодня, когда наблюдается превалирование диалогической коммуникативной парадигмы по отношению к монологической, что предполагает более тесное общение с адресантом и, соответственно, усиление эффекта речевого воздействия, чрезвычайно интересным оказывается выявление прагматико-семасиологической устроенности современных политических дискурсивных практик и роли иронии в их организации.

2.1. Политический дискурс в современных реалиях: прагматико-семасиологическая характеристика

Политический дискурс, представляющий собой речевую деятельность субъектов в сферах политического институционального общения, детерминированную определенной социально-ролевой иерархией и объективированную в виде совокупности текстовых единиц политической направленности во всем их жанровом и функциональном многообразии [Боженкова, 2017, с. 255–284], оказывается наиболее «чувствительным» к различного рода трансформациям. Базисный признак политического дискурса – его использование в качестве инструмента овладения властью, ее сохранения и перераспределения – определяет организацию и реализацию в политических интеракциях текстовых единиц различной формы (от описания до выводов), разнообразных жанров (от официального заявления до интервью), которые, наряду

с эксплицитной информацией, непременно содержат имплицитно-коннотативные элементы – в первую очередь, эмотивно окрашенные языковые конструкты. Неслучайно В. И. Шаховский утверждает, что «народу важен не столько смысл сказанного, сколько эмоции, рожденные сказанным, манипулирование общественным сознанием власть осуществляет при помощи языка» [Шаховский, 2008, с. 37]. Именно такие вербальные знаки в наибольшей степени определяют особую языковую картину политического дискурса и его дифференциальные характеристики – специфическую институциональность, ритуальность и смысловую неопределенность, восстановление которой возможно благодаря неразрывной связи политических текстов с социокультурными, аксиологическими, идеологическими, историческими, психологическими компонентами коммуникативной ситуации, в которой они были созданы, и одновременно с системой когнитивных и прагматических установок адресанта, взаимодействующего с адресатом. Соответственно, эффективность политического дискурса определяется адекватным планированием коммуникативного поведения автора и умелым воплощением этого плана путем использования различных, реализующих воздействующий потенциал естественного языка на эмоционально-волевою и интеллектуальную сферу адресата вербальных средств, в кластере которых *ирония* занимает особое место.

Здесь отметим, что ирония в политическом дискурсе отличается тем, что она ориентирована на многочисленную аудиторию, которая не объединяется ни национальностью, ни политическими взглядами, ни возрастом, ни знанием языка, одним словом – все реципиенты абсолютно индивидуализированы. В таком случае автор понимает, что часть адресатов не декодируют иронию корректно и составляет текст, ориентируясь на большинство¹. Но даже в таком случае основная функция иронии не изменится – ирония будет *сочетать несочетаемое* и

¹ Например, депутаты Московской городской думы будут выстраивать свою речь так, чтобы иронию смогли «прочсть» москвичи, а не все россияне, так как именно москвичи составляют абсолютное большинство адресатов.

«передавать» иронический модус путем *синкретизма нескольких знаковых систем*, что и составляет основу ее лингвопрагматических¹ характеристик.

В этой связи для дальнейшего исследования способов создания иронического кода в политическом дискурсе нами был выбран метод критического осмысления акта коммуникации, предложенный Л. Хоффманном [Шевцова: эл. р.]. Так, он предполагает поиск взаимосвязей между вербальным поведением и общественными, внешними, прагматическими составляющими, которые в большей или меньшей степени повлияли на выбор вербального самовыражения. Метод анализа включает в себя несколько стадий: (1) предшествующий; (2) обзор содержания и структуры речи/ текста; (3) непосредственно лингвистический анализ, включающий исследование чередования точек зрения; (4) анализ передачи коммуникативной интенции (т. е. иллокуции); (5) анализ всего текста целиком, в том числе выявление *смысла* и заключение, подведение итогов.

Первая стадия представляет собой поиск экстралингвистических факторов, повлиявших на создание текста. Вторая предполагает установление времени, места, аудитории, на которую был рассчитан текст и социальные роли участников коммуникации. Третья стадия охватывает одновременно несколько аспектов: лексику, стилистический регистр речи; синтаксис; эмоциональную окрашенность, оценочность; средства выразительности; прецедентные тексты. Четвертая стадия помогает выявить степень имплицитности текста. Пятая стадия помогает понять цель говорящего. Таким образом, лингвопрагматическая характеристика политического дискурса комплексно устанавливает основные экстра- и интралингвистические факторы, влияющие на создание речи и использование в ней определенных языковых средств для создания иронического кода.

В главе 1 мы уже писали о том, что явление иронии раньше воспринимали как антифразис, понимаемый исключительно как способ асинхронии между смыслом текста и его формой. В античные времена ироники, создавая такую игру,

¹ Представляется, что наиболее результативным вектором в настоящем исследовании будет лингвопрагматический анализ, поскольку такой способ систематизации материала, помимо функционального метода, включает в себя сравнение, объективизацию дискурса, изучение объектов речи (как говорящего, так и слушающего / читающего), их отношения друг с другом как в момент общения, так и за его пределами, а также берутся во внимание функции вербальных знаков и их взаимодействие.

не могли дать ей точное объяснение, это стало возможно позже, с появлением науки семиотики, позволившей расшифровывать цели ироники и внутреннюю мотивацию его высказывания. Здесь значимыми оказываются составляющие языкового знака в терминологии Р. Барта – *денотация* (буквальное, прямое значение знака) и *коннотация* (переносное, на корректное прочтение которого влияют культурные коды, ассоциации, погружение в контекст и знание ситуации). Выявленная «диспропорция» словесного знака предоставляет обширные средства для вычленения разнообразных семантических функций – как эксплицитных, так и имплицитных.

Следующим необходимым для исследования параметром оказывается установление обязательных компонентов текстовых единиц, организующих политическую дискурсивную практику. Проанализировав труды современных ученых, мы можем резюмировать обязательность четырех: (1) тема текста – политика; (2) оратор – политик, адресат – большое количество людей; (3) текст, как правило, создаётся командой какого-либо политика; (4) цель – влияние на общественное мнение.

Однако сегодня мы наблюдаем, как пункты (2) и (3) в определении политического дискурса трансформируются, в результате чего «уступают место» более объёмному взгляду на политические интеракции. Так, по утверждению Е. И. Шейгал, к политическому дискурсу следует относить любые формы коммуникации, если хотя бы одна из составляющих относится к политике: субъект, адресат или текст [Шейгал, 2004, с. 224–245].

Сегодня всё чаще авторами политических высказываний становятся журналисты, блогеры и т. д., а на место *коллективному* приходит *персонифицированное* авторство. Иначе – в настоящий момент в российском политическом дискурсе есть несколько наиболее «ярких фигур», которые формируют политическую повестку, речевые шаблоны вопросов/ответов (вокруг которых выстраиваются новостные статьи, дискуссии, расследования и фиксируется активная ответная реакция масс) и, соответственно, которые являются некими «эталоном» субъекта современного политического дискурса.

Безусловно, бывает и такое, что какой-либо политик произносит «эксцентричную» фразу, которая моментально становится крылатым выражением, транслируется СМИ и преобразуется в мем¹. Например, фраза: «*Тушить пожары экономически невыгодно*», произнесенная губернатором Красноярского края А. В. Уссом моментально распространилась в СМИ и интернете, последовала бурная реакция журналистов (корреспондент новосибирского ТВ Н. Сальников обратился к властям с риторическими вопросами, построенными на словосочетании *экономически невыгодно*) и очевидным результатом стало появление множества мемов (см. Рисунки 1–3).

СОЦИУМ:

1. ПОШЛИ ГУЛЯТЬ
2. СМОТРИ, КАКАЯ ПОГОДА ХОРОШАЯ
3. НЕЛЬЗЯ ВСЕ ВРЕМЯ ДОМА СИДЕТЬ

Я:

Рисунок 1

Рисунок 2

Рисунок 3

Однако данный пример является, скорее, исключением, чем правилом: гораздо чаще крылатыми выражениями становятся фразы, произнесенные

¹ Подробнее об этом в главе 3.

публичными политиками, занимающими ключевые позиции на государственной службе. Например, в ответ на жалобу пенсионера о небольшой пенсии Председатель Правительства Д. А. Медведева в 2016 г. парировал: «*Денег нет, но вы держитесь*» – и до сегодняшнего дня это выражение цитируется СМИ и гражданскими массами. Иронический код эксплицируется «наложением» высказывания, ставшего прецедентным, и изображения самых богатых людей мира (см. Рисунки 4, 5).

Рисунок 4

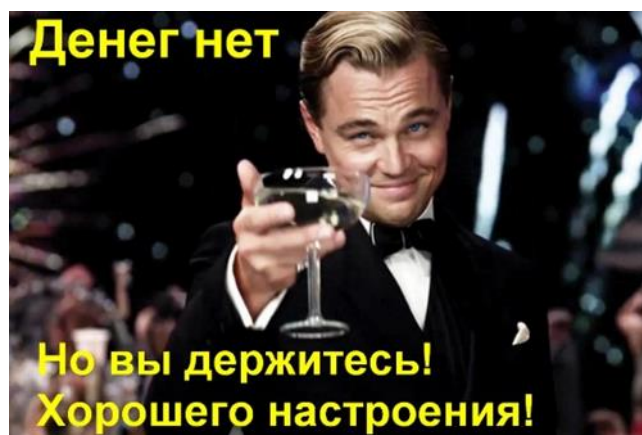

Рисунок 5

Не менее показателен пример с произнесением Министра иностранных дел РФ С. В. Лавровым, пожалуй, самого лаконичного политического текста (который никто не должен был слышать, так как автор был уверен в том, что его микрофон отключен): «*Дебилы, б****»¹. Казус произошел 11.08.2015 во время пресс-конференции с Министром иностранных дел Саудовской Аравии, после чего журналист Первом канала И. А. Ургант пригласил С. В. Лаврова на интервью и задал провокационный вопрос: «Вы когда-нибудь матерились в присутствии людей, которые по-русски не понимают?» – «Множократно», – ответил С. В. Лавров. И вновь результатом стало рождение многочисленных мемов (см. Рисунки 6, 7):

¹ В подтверждение эталонности ряда субъектов политического взаимодействия приведем другой пример: в 2021 году министр культуры Республики Крым А. В. Новосельцева во время рабочего совещания произнесла фразу, содержащую тот же матизм (также предполагая, что микрофон отключён). По результатам случившегося провели служебную проверку, был поставлен вопрос об увольнении, но ограничились разъяснительной беседой.

Рисунок 6

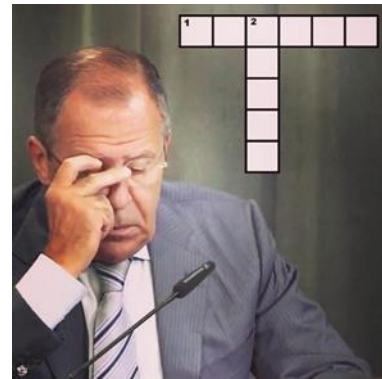

Рисунок 7

Самым же значимым актором российского политического дискурса оказывается, бесспорно, глава государства. При этом чрезвычайно важно, что «образцовыми» становятся не только и не столько те высказывания, которые характеризуют его официальные речи, сколько текстовые единицы, являющиеся спонтанной реакцией на негативные вербальные «посылы» оппонентов. Приведем несколько примеров (см. Рисунки 8–12):

– ответная реплика *«Кто обзывается, тот сам так и называется»*, произнесенная в довольно развернутом комментарии В. В. Путина о заявлении Д. Байдена, который в интервью телекомпании «АВС» на вопрос «Так вы знаете Владимира Путина. Вы думаете, что он убийца?» – ответил: «М-м-м, да» в одночасье стала мемом (Рисунок 8);

Рисунок 8

– в феврале 2008 года В. В. Путин во время второй пресс-конференции в Кремле, приуроченной итогам 8-летнего нахождения у власти, оценил свою работу так: *«Все эти восемь лет я пахал, как раб на галерах»*. Фраза в гражданском

обществе моментально приобрела иронический оттенок и «спровоцировала» появление множества мемов (Рисунок 9):

– в 2021 году В. В. Путин подписал закон об «обнулении» президентских сроков в РФ. Реакция последовала незамедлительно: если первоначально слово *обнуление* ассоциировалось исключительно с данным событием, то спустя полгода оно вошло в повседневный обиход и стало часто использоваться в значении ‘обновления, переосмысления и изменения своей жизни (Рисунок 10).

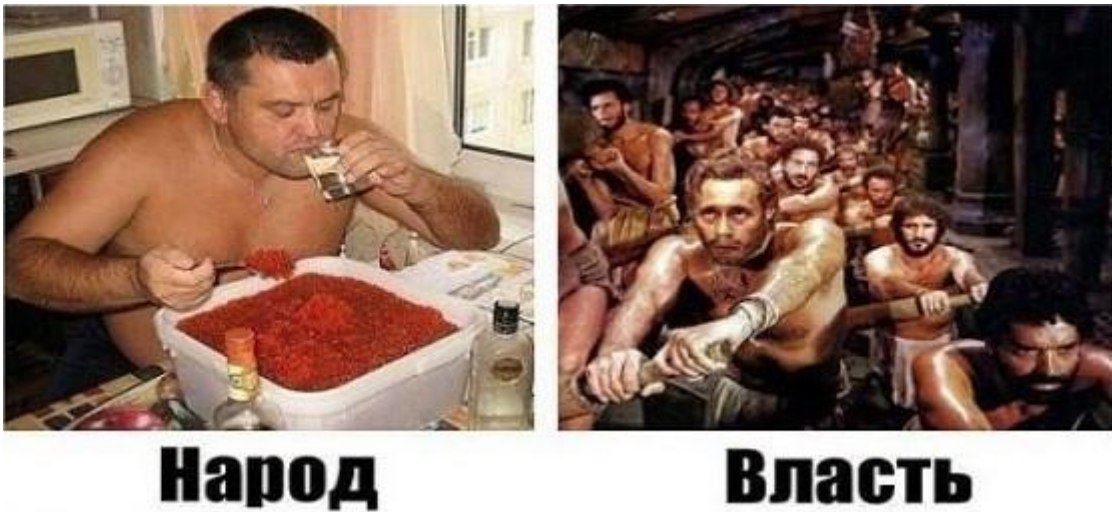

Рисунок 9

Рисунок 10

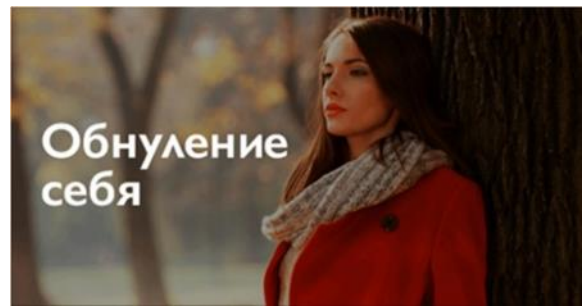

Рисунок 11

Рисунок 12

Приведенные примеры, с нашей точки зрения, наглядно демонстрируют определенное «переструктурирование» политического пространства с выделением роли конкретного субъекта и формированием широкого «полотна» оценочной ответной реакции.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что современный политический дискурс перестал быть локальным, строгим и замкнутым исключительно на относительно небольшой (относительно всего общества) группе политических деятелей¹. Сегодня политический дискурс «обрамляет» жизнь даже самого аполитичного человека: какой бы мессенджер мы ни открыли (WhatsApp, Telegram и т. д.), в какую бы социальную сеть ни зашли (ВКонтакте, TikTok и т. д.), нажимая на любую вкладку (reels, сторис, публикации и т. д.), на нас «обрушиваются» цитаты политиков и мемы с ними, журналистские и иные (блогерские, медийных личностей и др.) комментарии, «фольклорные» произведения (мемы и другие полисемиотические тексты «без автора», которые кто-то когда-то «загрузил» в интернет и теперь они пересылаются из чата в чат). Иными словами, политический дискурс сегодня – это одновременно (1) язык, как никогда «погруженный в жизнь» [Кубрякова, 2005, с. 29], (2) контекст и (3) рефлексия общества по политическому поводу².

Всё вышесказанное дает нам право утверждать, что политический дискурс в настоящее время уже «не принадлежит» исключительно институту власти, он отчетливо членился на самостоятельные виды, у каждого из которых наблюдаются свои особенности. Представляется, что наиболее корректным окажется разделение политических дискурсивных практик на 4 отдельные группы, которые могут быть представлены схематически (см. Схему 3).

¹ Отметим, что само понятие ‘политика’ содержит в себе указание на иерархичность устроенности политического пространства: «Политика – это сфера деятельности человека, связанная с распределением и осуществлением власти внутри государства и между государствами. Политика как особая форма социальной деятельности возникает вместе с государством и той иерархичной системой власти, которая призвана обеспечить в обществе гражданский порядок на основе четкого разграничения отношений господства и подчинения» [124].

² Очевидно, что современная коммуникация уже немыслима без цитирования в повседневном общении высказываний политиков, ссылок на журналистскую оценку таковых или интернет-обмена мемами с изображением государственных деятелей.

Схема 3 – Виды политического дискурса

Базисным критерием разграничения, с нашей точки зрения, оказывается продуктивность/репродуктивность политической деятельности в целом. Соответственно, первый из видов – **системный политический дискурс**, дискурс непосредственно политиков. Он делится на два подвида: (1) *трафаретный* и (2) *пропаганды*, которые характеризуются различными целями, задачами, способами экспликации и реализуют разные функции, при этом объединяющим звеном оказываются первичность дискурсивных интеракций (именно здесь формируется политическая повестка и «задается» идеологическая направленность), тематический фактор и агенты/адресанты (спикеры).

Так, *трафаретный* подвид политического дискурса направлен на коммуникацию исключительно внутри государственных организаций. Его специфика детерминирована целевой аудиторией – исключительно политические деятели; типом мероприятия – совещания, заседания и т. д. (то есть официальные политические мероприятия); способом передачи информации – доклады, отчеты, письменные документы. Этот подвид дискурса сложно подвергнуть какому-либо анализу, так как большая часть «оседает» внутри кабинетов и попадает в СМИ лишь в исключительных случаях.

Второй подвид системного дискурса связан с реализацией ключевой функции политики – установления и удержания власти в обществе, которая, как известно, не может существовать «вне народа», так как без поддержки масс она является нелегитимной. *Дискурс политической пропаганды* как подвид системного политического дискурса «создается» исключительно для общения с

электоратом; он ориентирован на медийные ресурсы и потенциальных избирателей; его основные формы – всевозможные брифинги, интервью, публичные отчеты, прямые линии и т. п.

Ответной реакцией и одновременно рефлексией дискурсивных практик пропаганды следует считать **дискурс каузальной атрибуции**, содержательно представляющий собой «пестрое полотно» рефлексии общества определенного политического действия/события/высказывания и др., который также включает в себя две группы (еще два подвида политического дискурса в целом) – (1) *дискурс идиомедийной рефлексии политической повестки* и (2) *дискурс коллективной рефлексии политической повестки*, разграниченных на основании степени персонифицированности актора (который/-ые по отношению к системному политическому дискурсу, безусловно, оказываются адресатом[-ами] / клиентом [-ами]). Здесь объединяющим звеном оказывается «вторичность» дискурсивных интеракций¹, нередко совпадение оценочных позиций и, как следствие, схожесть лингвосомиотической и лингвопрагматической организации текстовых единиц. Специфическим признаком первого подвида, соответственно, оказывается авторство речевого продукта – осмысление и трансляция политических воззрений медийными лицами² посредством личных YouTube-каналов или иных средств передачи информации большому количеству людей. Для второго подвида дискурса каузальной атрибуции характерна определенная фольклорность, отсутствие «закрепленных» площадок для реализации (даже хаотичность); представлен он многочисленными формами коммуникации – личными сообщениями, разными комментариями, перепиской в неофициальных группах, в социальных сетях³ и т. д.

Конечно, в современной интернет-среде представлен не только дискурс каузальной атрибуции, но и системный политический дискурс, что неслучайно:

¹ Особо отметим: такая амбивалентность нередко приводит к тому, что данный вид дискурса по сути превращается в дискурс пропаганды, а агенты/адресанты таких дискурсивных практик приобретают статус реального политического деятеля и могут значительным образом влиять не только на формирование политической повестки, но и на аксиологические координаты общества в целом.

² Сюда включаются как собственно журналисты (многие из которых имеют опыт политической деятельности – например, К. А. Собчак, И. М. Хакамада и др.), так и политологи, бывшие представители властных структур и т. д.

³ Здесь особый интерес вызывает интернет-ресурс «Пикабу» (<https://pikabu.ru/>), который позиционирует себя как информационно-развлекательное сообщество.

«Безграничное «проникновение» поля политики в контент различных СМИ, интернет-каналов и социальных сетей позволяет утверждать, что медиаресурсы становятся не только *средой и средством существования политического пространства*, но и выступают как *субъекты политической деятельности*, конвергентно реализующие (1) функции, специфические для политического дискурса – агональную, интерпретационную, функцию социальной идентификации (дифференциация / интеграция групповых акторов политики), функцию контроля (имманентно включающую манипуляцию общественным сознанием), (2) функции, специфичные для медийного пространства – посредническую и (что особенно важно!) развлекательную» [Боженкова, 2021, с. 106]. См. также: «Новый стиль дипломатической коммуникации, когда позиция первых лиц государств и представителей министерств может транслироваться не только официальными источниками, но и непосредственно через личные аккаунты соцсетей и интернет-страниц, получил характеристику “дипломатии с человеческим лицом”» [Афанасьева, 2021, с. 210]. Как результат – сегодня все политические институты, организации, учреждения, а также представители официальной власти обязаны «вести» личные страницы в социальных сетях, что в свою очередь вновь «меняет местами» дискурс каузальной атрибуции и дискурс пропаганды и одновременно создает медийный (и политический!) рейтинг конкретного политика.

В этой связи (для некоторого «сужения» проблемного поля исследования и отбора дальнейшего материала) требуется уточнение основных статистических параметров «медийной презентации» политика (количество подписчиков в различных социальных сетях; упоминаемость имени в СМИ) и проведение социологического опроса¹ (основной критерий – узнаваемость речевых продуктов гражданским обществом; число респондентов – более 300), на основании которого были выбраны акторы системного политического дискурса, чьи политические

¹ Социологический опрос проводился путем заполнения «гугл-формы», включал в себя основные характеристики анкетируемых (пол, возраст, город проживания) и содержательно представлял собой закрытый тест на соотнесение нескольких дистракторов – речевого высказывания, фамилий политических деятелей (которым может принадлежать данное высказывание), фотографий (автора и других личностей, имеющих визуальное сходство с политиком) и вариант «не знаю».

заявления / выступления оказываются неким «триггером» дискурса каузальной атрибуции.

Проведенный анализ социальных сетей (2018–2021 гг.) продемонстрировал следующее¹ (см. График 1):

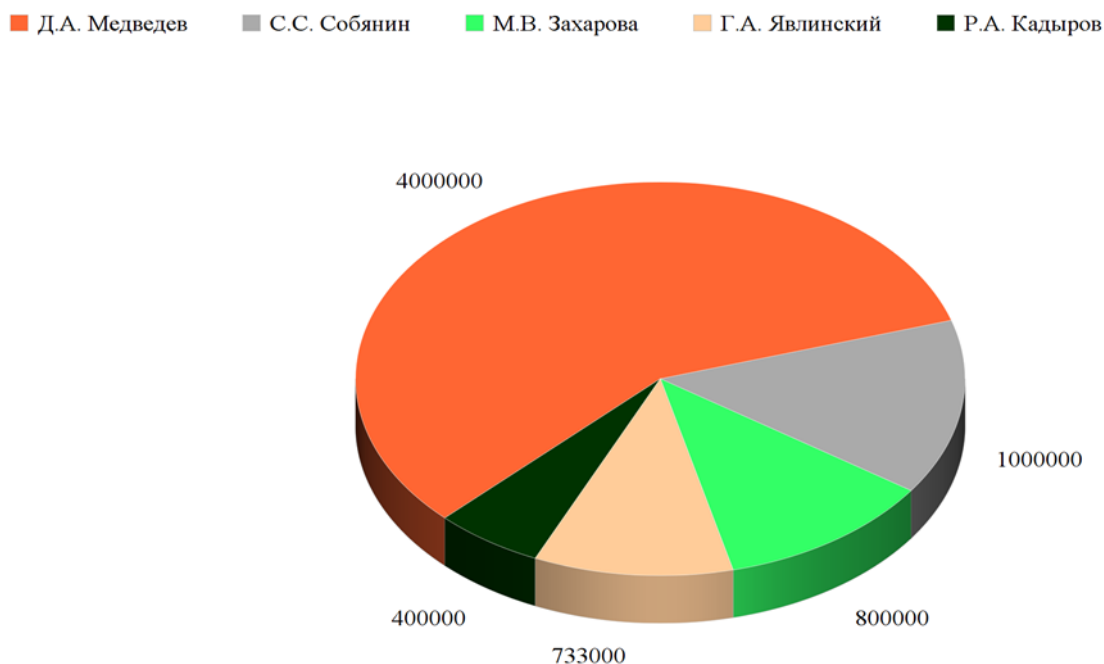

График 1 – Количество подписчиков в социальных сетях у политиков

На графике отображено среднегодовое суммарное количество подписчиков в наиболее популярных социальных сетях – Twitter, ВКонтакте, Telegram, Facebook, Instagram². Очевидно, что наибольшее число подписчиков у представителей правящей партии (Д. А. Медведев, С. С. Собянин, М. В. Захарова и др.), чем у «официальной» оппозиции (Г. А. Зюганов, В. В. Жириновский, Г. А. Явлинский)³. Вместе с тем данный показатель не является критическим, так как у ряда политических деятелей официальные страницы в социальных сетях отсутствуют (например, В. В. Путина и Д. С. Пескова).

¹ Учитывались данные политиков, имеющих более 100 000 подписчиков

² Социальные сети Facebook, Instagram с 22 марта 2022 г. – организации, деятельность которых запрещена на территории РФ.

³ Отметим, что дискурс каузальной атрибуции демонстрирует обратную пропорциональность: наиболее популярными оказываются журналисты, не принадлежащие к «провластным» ресурсам.

Представляется, что выявленные показатели могут быть скорректированы на основании индекса «упоминаемости» российских политиков в СМИ¹ (см. Графики 2–5).

В.В. Путин Д.А. Медведев Д.С. Песков С.В. Лавров С.С. Собянин М.В. Захарова В.В. Жириновский
 Р.А. Кадыров

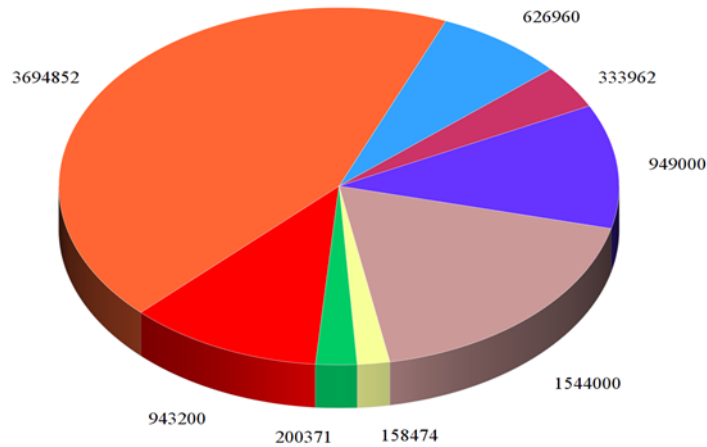

График 2 – Количество упоминаний в СМИ – 2018

В.В. Путин Д.А. Медведев Д.С. Песков С.В. Лавров С.С. Собянин М.В. Захарова В.В. Жириновский
 Р.А. Кадыров

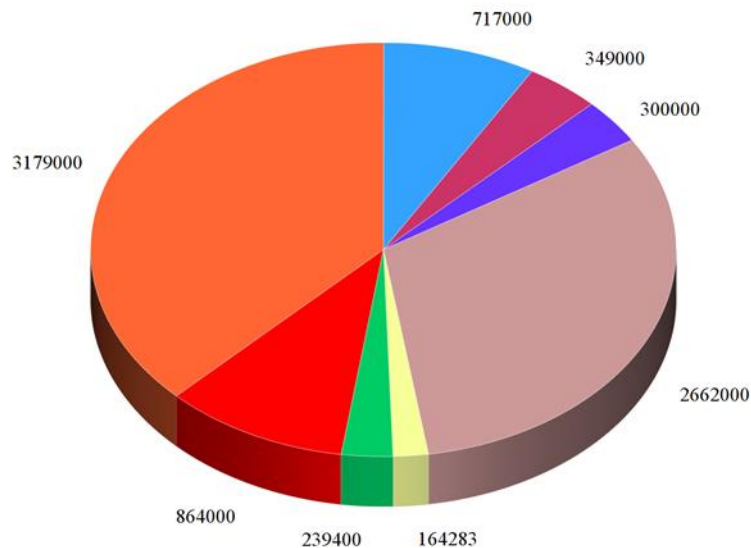

График 3 – Количество упоминаний в СМИ – 2019

¹ Мы оперируем данными Системы комплексного анализа новостей (СКАН) «Интерфакса» (URL: <https://web.scan-interfax.ru/app/login>), результаты которой признаются ведущими российскими СМИ.

■ В.В. Путин
 ■ Д.А. Медведев
 ■ Д.С. Песков
 ■ С.В. Лавров
 ■ С.С. Собянин
 ■ М.В. Захарова
 ■ В.В. Жириновский
■ Р.А. Кадыров

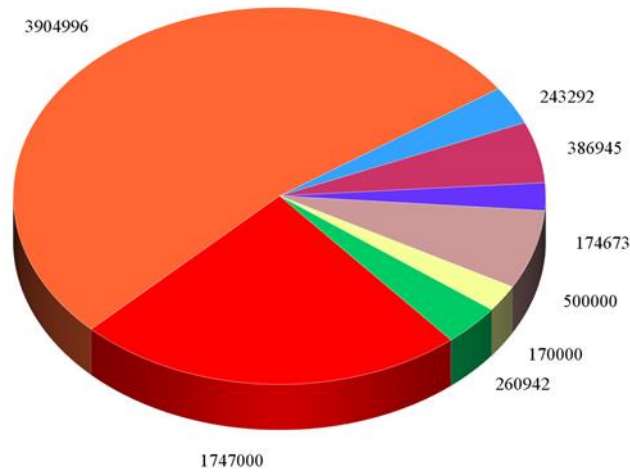

График 4 – Количество упоминаний в СМИ – 2020

■ В.В. Путин
 ■ Д.А. Медведев
 ■ Д.С. Песков
 ■ С.В. Лавров
 ■ С.С. Собянин
 ■ М.В. Захарова
 ■ В.В. Жириновский
■ Р.А. Кадыров

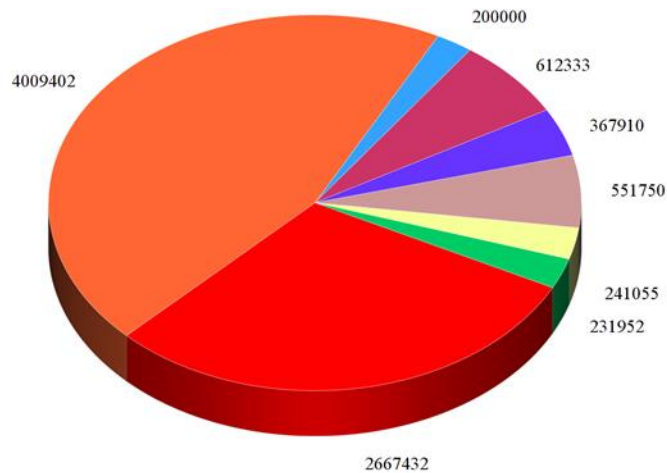

График 5 – Количество упоминаний в СМИ – 2021

На графиках видна стабильная динамика упоминаемости В. В. Путина, тогда как в отношении других политиков численные показатели практически не изменяются.

«Наложение» матриц двух графиков позволило определить тех акторов системного политического дискурса, которые далее были включены в

содержательное поле социологического опроса (анкетирования)¹: В. В. Путин, Д. А. Медведев, Д. С. Песков, С. В. Лавров, М. В. Захарова, С. С. Собянин, В. В. Жириновский, Р. А. Кадыров. Каждый из 10 блоков включал в себя известное высказывание политического деятеля, 3 фотографии и 3 имени политика. Результаты представлены на Графиках 6–14.

306 ответов

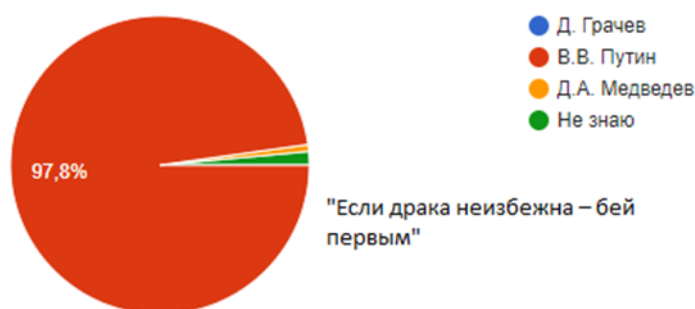

График 6 – В. В. Путин

306 ответов

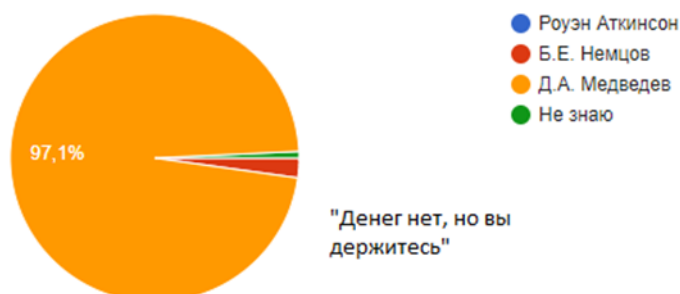

График 7 – Д. А. Медведев

¹ В опросе 2021 г. приняли участие 304 человека, распределяющихся следующим образом: 30,1% мужчин и 69,9% женщин; возраст: от 20 до 30 лет – более 77,4%, старше 30 лет – 22,6%; география: 47,1% – г. Москва, 52,9% – регионы России.

306 ответов

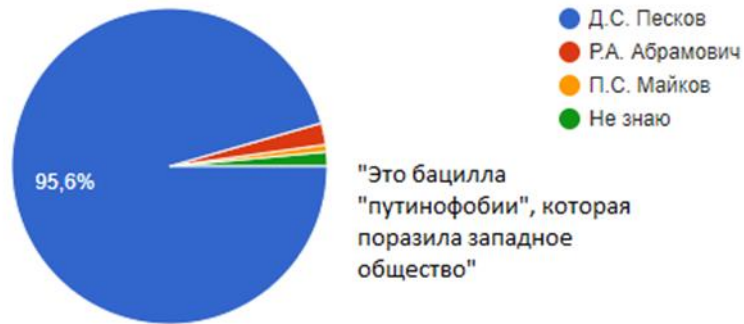

График 8 – Д. С. Песков

306 ответов

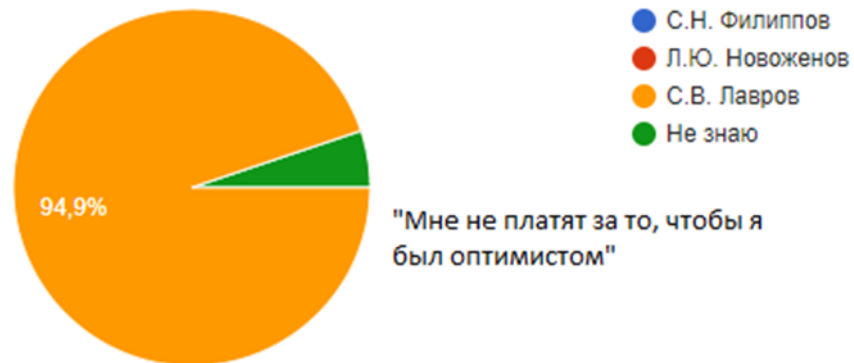

График 9 – С. В. Лавров

306 ответов

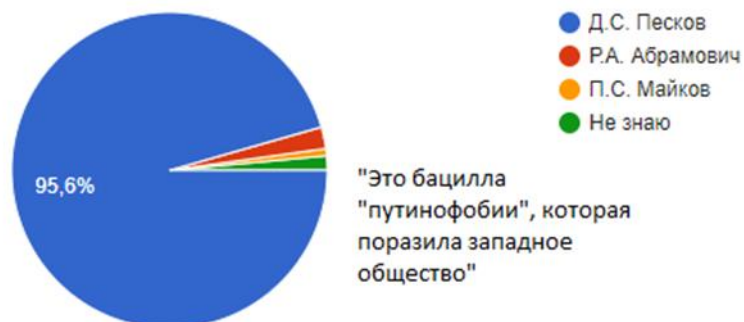

График 10 – М. В. Захарова

306 ответов

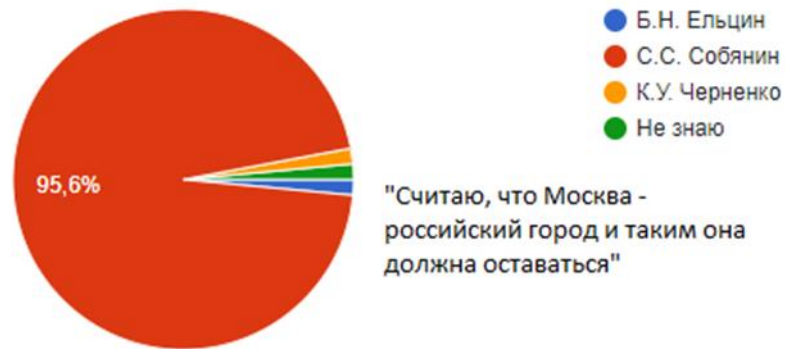

График 11 – С. С. Собянин

306 ответов

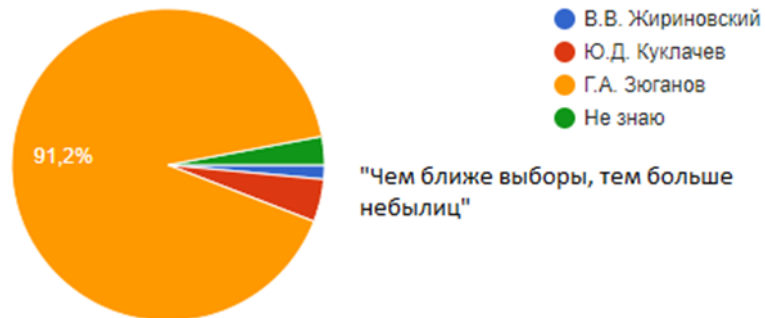

График 12 – В. В. Жириновский

306 ответов

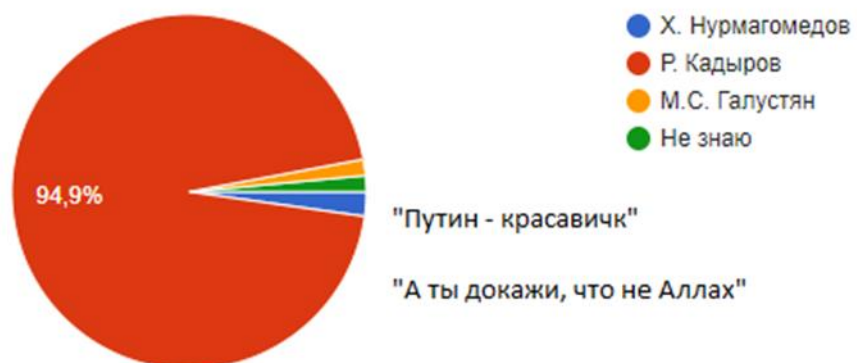

График 13 – Р. Кадыров

306 ответов

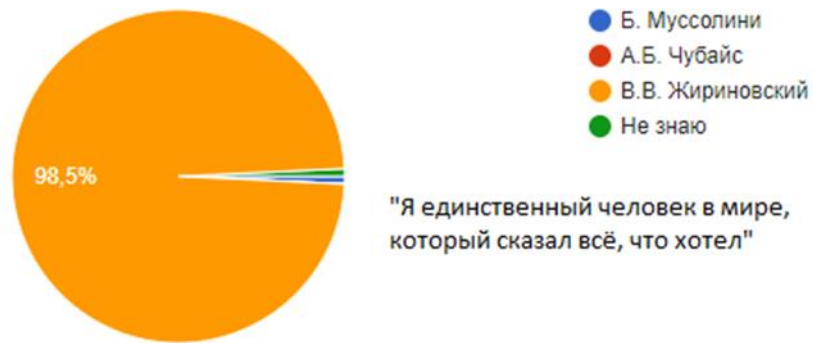

График 14 – В. В. Жириновский

Таким образом, очевидно, что явными лидерами современной политической коммуникации в России являются В. В. Путин (97,8), Д. А. Медведев (97,1%) и Д. С. Песков (95,6): авторство высказываний определялось реципиентами практически безошибочно. Однако совокупность 3 предложенных ранее критериев (позволяющих исключить вероятность ситуативной популярности, вызванной, например, предвыборной кампанией или чрезвычайной ситуацией) дают возможность нам расширить этот кластер и включить для последующего анализа вербальных средств создания иронического кода речевые произведения и других представителей политической элиты – М. М. Касьянова, К. А. Собчак, М. С. Симоньян (подробнее об этом в главе 3).

Также отметим, что подобный анализ дискурса идиомедийной рефлексии политической повестки в силу его вторичности и зависимости от акторов системного политического дискурса, информационной насыщенности политического пространства и некоторых темпоральных ограничений оказывается, скорее, неинформативным и даже избыточным. Однако рейтинг медийных изданий, основной контент которых составляют политические процессы и реалии, может служить основанием для выбора определенных дискурсивных практик и описания специфики тестовых единиц с ироническим кодом в дискурсе каузальной атрибуции в целом. В связи с этим мы провели анализ популярности современных журналистов, основанный на значимом в настоящее время показателе – общее

количество подписчиков в социальных сетях. Полученные результаты представляем в виде графика (График 15).

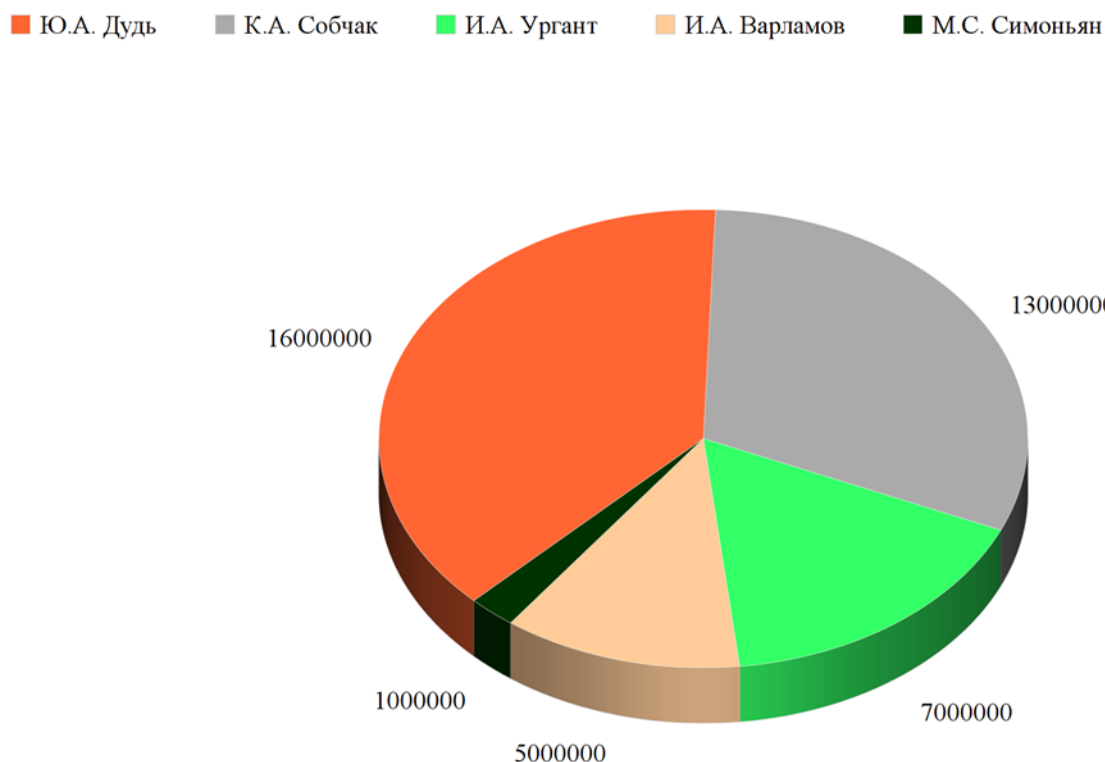

График 15 – Количество подписчиков в социальных сетях у журналистов

Представляется, что скорость медийного реагирования на политические события и поддержка большинством членов общества форм и приемов вербальной экспликации какого-либо политического события¹ напрямую влияет и на актуализацию дискурса коллективной рефлексии политической повестки, и на его содержательный компонент, и на лингвопрагматический инструментарий.

2.2. Механизмы формирования/рецепции иронического кода высказывания: общие положения

Как уже было сказано, политический дискурс как *публичная коммуникативная сфера* обладает рядом отличительных особенностей, обусловленных иерархической структурой политических интеракций. В этой связи вербальные знаки политического дискурса имеют ряд отличий от повседневной речи: языковые единицы «приобретают» нетипичную для них интерпретацию,

¹ Речь идет об ироническом модусе высказываний и оценочных конструкций.

«наполняются» противоположным смыслом, тем самым конституируется коннотативная амбивалентность трансляции идеологически маркированных единиц, определяемая «не столько принципиальными политическими установками коммуникантов, сколько латентными целями управления аудиторией» [Боженкова, 2019, с. 78].

Важным является и тот факт, что особая институциональность политического дискурса, определяемая личностными характеристиками агента дискурсивной практики (градуальность интеракции коррелирует с видом коммуникативного события и варьируется в зависимости от степени включенности персонального компонента), нередко детерминирует *невозможность эксплицитного маркирования идеологем*, в результате (1) расширяется тезаурус прецедентных текстов и высказываний, реализующих иронический модус, (2) политический текст, актуализируя обыденно незамечаемые семиотико-семасиологические компоненты, порождает новый, единственно истинный смысл высказывания.

Как известно, ключевой составляющей лингвопрагматики является теория речевых актов, позволяющая определить главную иллокутивную силу высказывания, проследить параллель между ситуацией и применением/неприменением определенных языковых средств и выявить взаимоотношения между автором речи и ее субъектом/объектом. По Дж. Остину речевой акт включает в себя три компонента – локуцию, иллокуцию и перлокуцию, каждый из которых может рассматриваться как самостоятельный элемент.

Применительно к феномену иронии, иронический код «присутствует» в иллокутивном и перлокутивном актах, поскольку скрытые смыслы «проявляются» именно на этих речевых уровнях. Так, в тексте обычно «зашифровано» несколько смыслов:

– буквальный – осуществляется на уровне локутивного акта, имеет прямой, правильный грамматически порядок слов; здесь иронический код выражен формально, на уровне языковых единиц;

– вводящий в заблуждение – передает ложный вектор мысли, проявляется на иллюкутивном уровне речевого акта; как правило, такой смысл передает сомнения говорящего, адресант не заявляет, что его конфирмация является истинной; здесь иронический код связывает формальный аспект текста с истинной целью адресанта;

– направляющий – иронический код помогает передать собеседнику интенцию автора, когда он (автор), не говоря напрямую о своих сомнениях касательно истинности произносимого им, даёт понять это слушающему; иными словами, импликатура, которая реализует имплицитную интенцию автора, указывая на то, что автор не считает свой тезис/новость/историю и т. д. соответствующей действительности, но хочет, чтобы собеседник сам сделал этот вывод, не опираясь на его слова, основываясь при этом на заведомую дезинформацию.

Категориальная сущность иронического кода заключается в том, что реципиент приходит к истине, которую «вкладывал» автор высказывания, полагаясь на намеренное искажение этой истины. В этот момент происходит двусторонняя расшифровка идеи, заложенной в высказывании, что и обуславливает точное понимание интенции адресанта и реализацию его перлокутивных установок. Тем самым иронический код реализует иллюкутивные элементы речевого акта (критика, насмехательство, издёвка и т. д.)¹.

Для продолжения анализа о возможности иллюкутивного влияния необходимо остановиться на классификации Б. Шееле и Н. Гребен о дискурсивных стратегиях [Groebe, 1981, p. 1–24]. Классификация определяет разделение на 4 группы:

1) прескрипция, т. е. оценивание цели, лица, нормы и т. д.; она включает в себя снижение ценности через её преувеличение, укор через восхваление, через требование продолжения активности осуществляется просьба об её прекращении, отступление через популяризацию и др.;

¹ Отметим пересечения иллюкутивных целей: нередко критика взаимосвязана с издёвкой; бывает, что критика подразумевает издёвку, она становится «курьером» в передачи главного смысла собеседнику. В случае же, если в ироническом высказывании формальный аспект превалирует над прагматическим, оно оказывается скорее издевкой, чем критикой. Порой автор неосознанно выбирает тот иллюкутивную цель, к которой приведет его ироническое высказывание.

2) дескрипция, т. е. объяснение, прогнозирование, определение и постановка проблем; эта группа включает опровержение через подтверждение, двойное определение причин через усиление определения, двойкий прогноз результата через объяснение причин, определение проблемы путём её решения;

3) метакоммуникация, т. е. разговор о других и об их симпатиях или антипатиях к говорящему; включает в себя отдаление через ассимиляцию, непринятие через признание, атаку через спасение и критику другого через самокритику;

4) метакоммуникация-2, когда говорящий размышляет о себе и своем отношении к окружающим; включает передачу противоположного отношения через антонимы, через заявление об интенции отказ от неё, отказ через ответственность, через обещание поддержать выражается угроза.

Столь широкая палитра средств экспликации иронического модуса и полифункциональность иронии как явления еще раз подтверждает, что сущностно выделить иронический код возможно только в конкретный момент речи, погруженный в определенный момент времени или ситуацию, т. е. в контексте речевого акта. В этой связи оказывается интересным предложенное Н. С. Валгиной [Валгина, 2003, с. 78] выделение 5 функционально-смысловых типов речи:

1) восприятие в пространстве соответствует типу текстовой формы описания и позиция говорящего или пишущего установлена на местоположение коммуниканта в пространстве;

2) восприятие во времени передается через повествование, здесь снова позиция говорящего или пишущего установлена на местоположение коммуниканта в пространстве;

3) понимание проявляется в текстовой форме путем объяснения, и позиция оратора ориентирована на возникновение образов, представлений;

4) суждение в тексте передается через рассуждения и доказательства, позиция автора ориентирована на взаимосвязь между понятием и пониманием;

5) планирование соответствует типу текстовой формы инструктирование, позиция говорящего ориентирована на выполнение действий.

Однако, с нашей точки зрения, здесь не вычленяется чрезвычайно важная функция любой коммуникативной интеракции – функция оценки. См. высказывание Е. М. Вольф: «В языке отражается взаимодействие действительности и человека в самых разных аспектах, в том числе и в оценочном: объективный мир членится говорящими с точки зрения его ценностного характера – добра и зла, пользы и вреда, и т. п. и это вторичное членение, обусловленное социально, весьма сложным образом отражено в языковых структурах» [Вольф, 2003, с. 5]. Следовательно, считаем, что правомерно дополнить пять функционально-смысловых типов речи, выявленных Н. С. Валгиной, шестым – выражение позиции к объекту речи. Типом текстовой формы здесь будет выступать оценка, а позиция говорящего ориентирована на соотношение предмета речи и социальные, этические, моральные и прочие ценностные категории автора.

Репрезентироваться оценка может элементами всех языковых уровней: например, с помощью аффиксов (*девочка* и *девчонка*), лексических единиц (*одежда* и *тряпки*), стилистически окрашенных слов (*ковылять*, *училка*), конструкций, выражающих отношение (*к счастью*, *к сожалению*), определенных морфологических классов лексем (так, качественные прилагательные и наречия в целом передают оценочное значение), и др. Формы создания иронического модуса могут быть и иными. Иронический код может передаваться с помощью функциональных существительных, например: «*она же профессиональная скрипачка!*» (о девушке, которая неделю ходила на уроки скрипки и уже критикует Ванессу Мэй); также иронический код может нести оценочную характеристику путём осознанного умаления градуса характеристики, например: «*Иван был немного ревнив и слегка склонен к ложным обвинениям*». Иронический смысл могут приобретать не только те слова, в которых изначально заложена оценка (*смелый/ трусливый; собака/ псина* и т. д.), но и нейтральные лексемы, которые приобретают ироническую окрашенность только при погружении в речь и всегда зависят от субъекта речи, например: «*да эта книга почти классика!*» (о бульварном романе) или «*она всегда такая разговорчивая?*» (о человеке, который за весь полилог не произнес ни слова).

Однако принципиальным оказывается тот факт, что рецепция иронического кода осуществляется чаще всего на уровне целого высказывания, при этом часто иронический смысл «прочитывается» и без оценочных слов: такое происходит при описании ситуации, которая «входит» в картину мира всех собеседников. Например: *«Екатерина заполнила все отчеты, подала заявку на грант и успела подготовиться к занятиям, посмотрите, какая Екатерина молодец!»* (где слово *молодец* употреблено в прямом значении, т. е. в положительном, хвалебном) или: *«Сегодня Екатерина проспала и не успела сдать вовремя отчет, упустила возможность заполнить заявку на грант и к занятию подготовилась только наполовину, молодец, Катя!»*. В данном случае лексема *молодец* употреблена в ироническом смысле, но понять это можно только если обратиться к контексту высказывания и картине мира, предполагающей все перечисленные вещи важными и обязательными для исполнения. Получается, что ирония – это одна из составляющих оценки, и она может быть отнесена к двуплановой текстовой форме. В приведённом примере мы опирались на категории «плохо» и «хорошо», однако необходимо помнить, что эти категории весьма подвижны и непостоянны: они меняются в зависимости от ситуации, картины мира, культуры, социальной среды и т. д. См.: «Оценка может даваться по разным признакам (истинность/неистинность, важность/неважность и т. д.), однако основная сфера значений, которую обычно относят к оценочным, связана с признаком «хорошо/плохо»» [Вольф, 2002, с. 8]. Модальность иронической оценки чрезвычайно тонкая, в прямом значении слова она может нести смысл ‘хорошо’, а при погружении в контекст «принимать» абсолютно антонимичный образ, чем, собственно, и объясняется важность лингвистического и экстралингвистического контекста.

Оценка – это «суждение субъекта X, согласно которому нечто является хорошим, и суждение Y, согласно которому это же является плохим, могут быть одновременно истинными» [Ивин, 1970, с. 22], следовательно, основная характеристика оценки – взаимодействие объективности и субъективности происходящего. Когда речь идет об ироническом коде, оценка становится чрезвычайно важным компонентом, поскольку все семасиологические элементы

иронического высказывания, абсолютно субъективны и непосредственно взаимосвязаны со многими личными особенностями автора, такими как: национальность, картина мира, мировоззрение, социальное положение, общий уровень культуры, отношение к политике и т. д. и т. п. Всё это влечет за собой определенное искажение смысла, заложенного автором и опять-таки субъективную интерпретацию его слов реципиентом. Неслучайно долгое время философы и филологи размышляли над вопросами истинности/ложности оценки и пришли к выводу, что практически невозможно проверить, соответствуют они действительности или нет. Снова обратимся к работе Е. М. Вольф, которая привела в качестве примера несколько словосочетаний: «поезд пришел» и «поезд не пришел» – определить, что истина, а что ложь здесь не составляет труда, а вот в словосочетаниях «этот поезд удобный» – «этот поезд неудобный» – определить, что правда, а что ложь – невозможно, так как все зависит от субъективного мнения каждого человека, от критериев удобства и неудобства [Вольф, 2002].

Таким образом, можно утверждать, что иронический модус изначально выстраивается на амбивалентности формы/содержания: при декодировании иронического высказывания можно довольно точно «прочитать» позицию говорящего, однако это не свидетельствует об истинности данного высказывания¹. Варьирование же способов выражения может зависеть от автора, ситуации, типа текста и много другого, что одиночно или в совокупности «отвечает» за порождение иронической модальности. Иначе, ироническая модальность – это вербальное проявление (*локутивный акт*) внетекстовых целей / задач (*иллокутивного акта*), которые предполагает решить автор, если слушатели или читатели верно интерпретируют его речь (*перлокутивный акт*). Как писала С. И. Походня: «При всем разнообразии положительных и отрицательных оценочных смыслов только ирония представляет собой скрытую модальность. Создание иронического смысла обусловлено интенцией автора выразить свое отношение к действительности косвенным путем, отстраниться от изображаемой ситуации, взглянуть на нее со

¹ Особенно интересными оказываются случаи сематического наложения, когда происходит переадресация иронической оценки, т. е. адресат одновременно и поддерживает мнение адресанта, и насмехается над ним, подвергая таким образом суждения говорящего иронической критике.

стороны, т. е. оценить ситуацию формально не делая этого, стремлением спрятать поглубже модальность высказывания» [Походня: эл. р.]. При использовании иронического кода автор преднамеренно скрывает прагматические цели, ведь сама форма иронии есть сокрытие истины. Из этого следует, что иронический код представляет собой не только и не столько «свертку» истинного смысла высказывания, сколько «маскировку» автора, его образа, подлинных мыслей и т. д., что, как ни странно, дает намного больше информации об адресанте, чем прямое, истинное обозначение фактов¹.

Таким образом, иронический код – отличный пример выражения импликации в речи или тексте; он придает ассиметричному знаку добавочный контекстуальный смысл, который и есть вторичная номинация. Когнитивное содержание какого-либо знака формируется через номинативное значение и контекстуальный смысл, который образуется в итоге синтагматической словосочетаемости. Двуплановость знака языка делает возможным рассуждать о неконгруэнтности нескольких языковых «пластов» – содержательного и функционального. Содержательный пласт проще функционального, он омонимичен и в нем меньше единиц; функциональный же полиформен и многогранен. Контекстуальное «наложение» этих двух пластов приводит к созданию нового смыслового пространства, а иронический код в данном разрезе оказывается средством порождения аксессуарных значений в предложении.

Итак, автор создает изначальный тезис в своей лингвосемиотической системе и одновременно «прочитывает» систему интерпретирующих шифров возможного реципиента (к ним могут относиться экстралингвистические факторы, такие как: национальность, социальная роль / статус, уровень владения языком, знание прецедентных текстов и многое другое). В результате осознания шифры перекодируются и ассимилируются семиотической системой адресанта в деформированном варианте. При этом они, конечно, искажаются и утрачивают некоторые семантические компоненты – такое может произойти, если автор и реципиент являются представителями разных наций, у них различный уровень

¹ Это вновь объясняется погруженностью иронического текста в *актуальную* на момент произнесения действительность, специфичностью языковых средств и привлечением множества экстралингвистических параметров.

владения языком общения. Важно, что при всех семиотических изменениях, «смысловой конструкт» не меняется, а лишь подвергается перекодированию. Это *процесс создания* иронического кода. После этого иронический код транслируется и «переходит» в лингвосемиотическую систему реципиента. На этом этапе важно, чтобы иронический смысл корректно «сопругался» с экстралингвистическими знаниями адресата, которые позволяют «распознать» смыслы, заложенные в него автором. С помощью данной перекодировки выявленный иронический код опознается и в свою очередь генерирует в сознании получателя тезис, на который тот и реагирует. Ожидания адресанта и реакция реципиента прямо пропорциональны эффективности рецепции иронического кода: если реакция слушателя совпадает с ожиданиями автора, то перлокутивный эффект иронии достигает 100%; чем больше разница между реакцией и ожиданиями, тем меньше процент эффективности. На совпадении ‘ожиданий и реальности’ базируется не только успешность иронического высказывания, но и сама сущность иронического кода.

В случае же неверного декодирования иронического кода высказывания складывается ситуация, которую мы определяем как «ироническое фиаско» (по аналогии с коммуникативной неудачей). Основным фактором этого следует считать нереализацию иллокутивной функции высказывания с иронической модальностью. Представляется, что в качестве основных причин¹ иронического фиаско можно выделить:

– неподходящие условия – у реципиента и автора «расходятся» экстралингвистические параметры (культура, религия, национальность, социальное положение и т. д.). Это может привести либо к пониманию текстовых единиц в прямом значении (что, естественно, антонимично замыслу автора) или же к абсолютной коммуникативной неудаче, то есть реципиент совсем не понял смысла речи и просит объяснить ее;

¹ Схожую позицию занимает и Г. Л. Прокофьев [Прокофьев, 1988].

– «вмешательство» внешних факторов, не зависящих от коммуникантов (шумы, перебои вещания, опечатки и т. д.). Результат оказывается тем же самым, как и в предыдущем пункте;

– намеренное избегание адресатом понимания иронии, ложь с его стороны. Это может быть сделано для того, чтобы ускользнуть от ответа, перевести разговор на другую тему или поставить автора в тупик;

– когнитивное несоответствие – ироник строил ироническое высказывание на «столкновении» в картине мира ожиданий и реальности, но оказалось так, что в картине мира адресата таких расхождений нет¹.

Корректность/некорректность декодирования обуславливается еще одним значимым параметром – категорией, которую в текстологии называют ‘образ автора’ и которая включает в себя три «ипостаси» – производитель речи, субъект повествования и собственно образ автора. Так, производитель текста – самый элементарный уровень, это тот, кто пишет текст или произносит речь, при этом важно, чтобы эта речь была написана самим человеком или хотя бы одобрена, отредактирована им². Перед производителем текста всегда стоит определенная задача, для решения которой он может использовать различные приемы – например, вводить в текст субъекта повествования. Субъект повествования – это неочевидный (скрытый) образ автора в высказывании, произведении и т. д., например, он может быть коллективным, безразличным и т. д. В ситуации с высказыванием с ироническим модусом это субъект, который «прославляет» кого-либо или что-либо: здесь вновь проявляется двуплановость иронии, ведь интенции производителя текста и субъекта повествования могут быть не просто различными, а (чаще всего) диаметрально противоположными. Иначе, производитель текста прячется за субъектом повествования, скрывая свои истинные мысли. Третья составляющая – сам образ автора – складывается в произведении из речевых

¹ Некоторая схожесть наблюдается в случае рефлексии иронического кода в печатных текстах, которые читаются адресатом спустя определенное время: вероятность неверного декодирования иронического высказывания увеличивается в связи с утратой актуальности иронического контекста, у автора нет возможности дать пояснение, прокомментировать и вступить в прямой диалог с реципиентом.

² Мы обращаем на это особое внимание, так как в политическом дискурсе часто речи пишутся спичрайтерами, а политики с ними знакомятся только в момент произнесения перед камерой или аудиторией.

средств и создается самим читателем, формируется в его мышлении и воображении. Приведем слова Н. С. Валгиной: «Образ автора, естественно, создается в литературном произведении речевыми средствами, поскольку без словесной формы нет и самого произведения. Однако этот образ творится читателем. Он находится в области восприятия, восприятия, конечно, заданного автором, причем заданным не всегда по воле самого автора» [Валгина, 2003, с. 61]. Именно такой, созданный реципиентом, образ автора¹ является посредником в передаче социальных, нравственных, культурологических, моральных и других суждений производителя текста².

Для того чтобы корректно расшифровать мысль автора, понять, есть ли иронический код и в чем он состоит, реципиенту (и исследователю) нужно абстрагироваться от текста как единого целого и проанализировать его структуру, отдельные части и элементы, влияющие на создание иронической тональности текста. Здесь мы отметим:

– жанровую принадлежность³, которая обуславливает законы построения конструкций, в какой мере будет выражена мысль автора и посредством чего⁴. Например, если мы возьмем интервью, или полемическую статью на политическую тему, или дебаты (относящихся к дискурсу пропаганды), то увидим большее разнообразие языковых средств авторского самовыражения, нежели, например, в обращении высших политических деятелей к гражданам страны, брифинге (трафаретный дискурс), в которых использование выразительных средств встречается гораздо реже, а часто они бывают просто неуместны. Автор, стремясь привлечь внимание, «продвинуть» свои идеи в массы и одновременно дискредитировать оппонента, прибегает к эмоционально насыщенной подаче

¹ Как писал Н. М. Карамзин: «Творец всегда изображается в творении и часто – против воли своей».

² Именно эти мыслительные категории нередко «обрамляются» иронической формой высказывания.

³ Что явно коррелирует с разделением по видам дискурсивных практик, описанных в разделе 2.1, и по функционально-смысловым типам речи, предложенным Н. С. Валгиной.

⁴ Обратимся к высказыванию М. П. Бранеса: «Как информационная форма речевой жанр может рассматриваться как форма целесообразности, т. е. абстрактного, символического, целевого содержания в которой абстрагированы общественные отношения. Речевой жанр – это процессная форма, форма коммуникативного процесса» [Бранес, 2004, с. 66]. Приведённая цитата подтверждает наш тезис о том, что жанр определяет выбор средств для создания иронического контекста.

материала – соответственно, мы увидим все разновидности парадигмы комического¹;

– возможность говорящего открыто заявлять о своей позиции, что зависит от многих факторов, таких как: статус человека, тема, место, аудитория, желание автора продемонстрировать идиопозицию и т. д. Если согласиться с известным тезисом о том, что психологически люди склонны верить сказанному с экранов телевизоров и напечатанному в газетах, то стоит дополнить, что эта вера будет особенно сильна, если сказанное или написанное представляется объективным и выражено формализованным, шаблонным языком.

Соответственно, автор сознательно выбирает из двух вариантов: либо при четком позиционировании и доказывании своей точки зрения предлагать высказать адресату свои мысли, пригласить к диалогу, либо второй путь – завуалировать свое отношение к предмету, а на первый план поставить сам объект обсуждения.

При выборе второго варианта автору необходимо использовать риторические приемы, чаще всего это ирония, сатира, сарказм, так как благодаря им можно привлечь внимание аудитории, выразить критическую позицию и завуалировать собственное мнение – идеальное сочетание для публичных политических высказываний и выступлений: они, во-первых, формируют образ объекта таким, каким его хочет «подсветить» автор, и, во-вторых, в них есть эмоциональная окрашенность, экспрессия, в них содержится доходчивость, красота, художественность, за которыми можно легко скрыть личность автора и одновременно с этим подчеркнуть виртуозность речи.

Все изложенное можно представить в виде Схемы 4 (Этапы порождения и рецепции иронического кода высказывания).

Резюмируем сказанное. Ирония, безусловно, относится к косвенным речевым актам, так как с ее помощью автор выражает свою мысль опосредованно, как бы свертывая ее; с помощью этого приема на одну единицу высказывания приходится несколько смыслов, содержание текста усложняется, и адресат видит противоречия

¹ Часто в политическом дискурсе используют прием, который мы назвали «мнимая сенсация» – название говорит само за себя, то есть то, о чем говорится выдается за сенсацию, хотя на самом деле таковой не является. Такая игра эффективна только первые несколько раз, после слушатель или читатель теряет доверие и интерес к автору.

в логике высказывания, но затем осознает, что это намеренный прием, начинает его интерпретировать и, «разгадывая» иронический код, выходит на новый уровень понимания текста и мысли автора.

Схема 4 – Этапы порождения и рецепции иронического кода высказывания

Таким образом автор формирует образ и отношение к объекту высказывания. При успешной, острой и запоминающейся иронии в дальнейшем у читателя или слушателя может возникнуть ухмылка, насмешка при виде объекта иронии. Исходя из вышесказанного можно предположить, что автор иронического высказывания является неким манипулятором сознания своей аудитории, «вкладывая» определенные образы и стереотипы относительно объектов речи. Тем самым ирония оказывается языковым «посредником» психологического воздействия на массы, что активно используется в политическом дискурсе – как в системном его

виде (в первую очередь, в дискурсе пропаганды), так и в дискурсе каузальной атрибуции (в большей степени – в дискурсе идиомедийной рефлексии политической повестки).

2.3. Механизмы формирования/рецепции иронического кода высказывания в политических интеракциях

Общие положения, изложенные в параграфе 2.2, попытаемся рассмотреть через призму современного политического взаимодействия. Во-первых, отметим, что в последнее десятилетие язык политиков (даже в системном его виде) резко изменился: стилистически он стал похож на разговорный, сниженный. Изменение это связано с тем, что политика перестала быть чем-то элитарным, сейчас она ориентирована на массового читателя/зрителя¹. Соответственно, в разрезе функционально-смысловых типов речи мы больше встречаемся с 6 типом – выражение оценочной позиции к объекту речи, где через иронический код реализуется функции агрессии и/или увеселения с целью уничижения. Так, опытные политические деятели используют иронию и самоиронию для нападения на внутренних конкурентов/политиков другой страны, нивелирования критики в свой адрес, в качестве уклонения от прямого ответа² и т. д.

В этой связи чрезвычайно интересной представляется интерпретация феномена иронии одним из современных политических деятелей. Приведем небольшой фрагмент интервью, в котором Директор департамента информации и печати МИД РФ М. В. Захарова (одна из «знаковых» персон политической жизни России)³ рассуждает об уместности использования иронии в политике:

«ТК: Допустима ли ирония в политическом дискурсе?»

МЗ: Конечно. Сейчас известно понятие «троллинга». Раньше такого не было, по крайней мере публично. Это просто особый жанр, особое направление

¹ Например, политические дебаты 2018 года (прямой эфир телеканала Россия-1 «Дебаты») были больше похожи на ток-шоу, нежели на разговор нескольких кандидатов на высший пост страны.

² Здесь особо интересно, что высказывание с ироническим модусом может смыслово не соответствовать интенции вопроса, но форма не дает увидеть явного «смещения акцентов». Однако этот прием «работает» не со всеми политиками, а только с теми, кому не решается повторить вопрос (нередко это зависит не столько от должности, сколько от личности политика, его репутации и имиджа).

³ В рамках подготовки исследования у автора была уникальная возможность побеседовать с официальным представителем МИД РФ М. В. Захаровой, политическое влияние которой на массы было подтверждено результатами социологического исследования (см. раздел 2.1.).

работы или особая примета времени, то, что раньше люди не могли себе позволить, сейчас является распространенной формой. Министры иностранных дел, Президенты, Главы государств позволяют себе какие-то вещи, которые, казались бы раньше просто недопустимыми, а сегодня это норма.

ТК: Мы затронули термины иронии и сарказма, а Вы как-то для себя разграничиваете эти два понятия?

МЗ: Сарказм просто жёстче, сильнее иронии. Ирония мягче, у меня нет таблицы, на которой я бы соотносила эти вещи. Есть понятие «уместный» и «неуместный» и очень важный момент, что ты никогда не будешь мил и приятен для всех. Насколько бы не была филигранна та же ирония или юмор, сарказм, насколько бы не была ювелирна шутка или какой-то оборот он никогда не сможет попасть в сто процентную аудиторию.

ТК: Как Вы считаете, отлично ли отношение к иронии в разных культурах?

МЗ: Конечно, безусловно, это вопрос разного менталитета и, наверное, в большей степени, различных традиций, особенностей, жизненных укладов, отношения к жизни, оценки жизненных ситуаций, способов выражения мнений и чувств. Безусловно, особенности есть и очень большие.

ТК: То есть можно сказать о различной степени градации иронии в Ваших речах, в зависимости от того, аудитория какой национальности находится перед Вами: русскоговорящая или иностранная?

МЗ: Я бы сказала так: и наша аудитория различна по возрасту и составу. Что касается подготовки к встрече – ты всегда смотришь: заявленную тему, кто те люди, с которыми ты встречаешься, чем они занимаются и так далее. Также не упускаем из виду чувства аудитории, а это подразумевает большое количество компонентов, которые вносят соответствующие коррективы, в том числе и подачу информации, и в твое общение с этими людьми».

Приведем несколько примеров применения политиками речевых конструкторов с ироническим модусом и проанализируем механизмы их порождения и рефлексии аудиторией¹.

Первый пример – ответы Президента Российской Федерации В. В. Путина.

– *«Громко приходится выразиться для того, чтобы услышали. Госпожа федеральный канцлер сказала, что она пока не знает, кто несет ответственность за рекапитализацию проблемных банков. Я сейчас скажу шепотом: "Надеюсь, что не за счет клиентов"»* (Петербургский международный экономический форум, 21 июня 2013 г.);

– *«Партийное собрание. Советское. Один из участников, Абрам Семеныч, поднимает руку. Ему говорят: "Ты посиди". Знают уже там. Он, видимо, из региональной прессы был. Он опять. Ему говорят: "Посиди". Он говорит: "Ну одно слово!". Ведущий подумал и говорит: "Ну, одно слово скажи". Он встает и говорит: "Кар`аул!"»* (с еврейским акцентом) (Пресс-конференция с В. В. Путиным, 11 октября 2020 г.);

– *«Чем ЦК отличается от ЧК? ЦК цыкает, а ЧК чикает. Мы ничего «чикать» не собираемся»* (Традиционная итоговая встреча В. В. Путина с Государственной Думой, 20 апреля 2011 г.).

Во всех примерах мы видим реализацию прескрептивной коммуникативной стратегии, реализованной в рамках одного жанра системного вида дискурса – публичные выступления. Исходя из этого предположим, что в момент кодировки мысли автор ориентировался на большую аудиторию, отличную по национальности, профессии, возрасту и т. д. В каждом из примеров делается акцент на знании экстралингвистических факторов (актуальная на данный момент экономическая ситуация, определенная прецедентность событий, принятые в определенном историческом моменте аббревиатуры и их аксиологический «фон»). Таким образом автор может быть уверен, что некая часть зрителей сможет более

¹ В данном случае нам было важно не разграничивать подвиды политического дискурса: механизмы создания и интерпретации должны быть одинаковыми, поэтому анализируемый материал относится к разным жанрам (от официальных интервью – системный вид дискурса – до записей в социальных сетях – дискурс каузальной атрибуции), что в свою очередь влияет на выбор языковых средств выражения иронии.

точно раскодировать смысл высказывания. С точки зрения использования собственно лингвистических средств, все высказывания объединяет особое фонетическое обрамление каждой реплики. В первом случае В. В. Путин понижает голос, говорит “громким” шёпотом, делая на этом акцент. Во втором примере президент произносит слово “караул” с акцентом, намекая на национальность персонажа анекдота. Третье высказывание являет собой симбиоз нескольких фонетических приёмов – звуковую инструментовку (набор слов схожего звучания) и аллитерацию.

Разберем более подробно каждое высказывание. Иронический код в первом примере выполняет функцию ответной скрытой агрессии, на это указывает фраза: *«Громко приходится выразиться для того, чтобы услышали»*. На основе этого же выражения возникает антитеза в продолжении реплики: *«Я сейчас скажу шепотом»*. Первое предложение одновременно служит ответом на высказанную ранее А. Меркель претензии и одновременно предупреждением о том, что молчать Россия не намерена и (пусть шепотом, но так, чтобы все услышали) будет выражать свою точку зрения. С помощью фонетических средств выражения проявляются и стилистические – коррекция, фигура, основанная на интонационном противопоставлении двух конструкций, где второй компонент семантически усиливает значение первого. Интенсифицирует иронию слияние фонетических и стилистических средств выражения: например, оксюморон проявляется на нескольких уровнях языка одновременно – фонетическом и лексическом. Как мы уже отметили ранее, помимо фонетических средств выражения в первом примере иронический эффект создаётся посредством стилистических фигур, таких как: акротеза, антитеза (*говорить громко – скажу шёпотом*); концессию – произнося фразу во второй части речи В. В. Путин идёт на некоторые уступки, произнося её шёпотом. С помощью риторического обращения ироник привлекает внимание к адресату других лиц, акцентируя внимание на прецеденте, уже имевшем место быть в истории политической жизни своего оппонента.

Во втором примере мы видим формирование иронического кода посредством жанра «анекдот», погруженного в коммуникативное событие. В данном случае

иронический код выполняет не только развлекательную функцию, дабы «взбодрить» аудиторию, но и функцию нивелирования вопроса. Из стилистических фигур в примере использованы аллюзия, апосиопезис, апострофа, вопрошение (риторический вопрос), каламбур, коррекция и риторическое восклицание.

Для корректного анализа последнего примера, уточним две описанные ранее позиции: (1) верная дешифровка иронического кода возможна при раскрытии контекста, а не только самой иронической фразы; (2) необходимо выявить интенцию автора, иллокутивную функцию, условия, в которых была произнесена фраза и предполагаемого адресата. Для выполнения первого условия обратимся к вопросу, который был задан во время ежегодной традиционной встречи Премьер-министра с Государственной думой для предоставления отчёта правительства (20 апреля 2011 года). Представитель от партии «ЛДПР» обратился к В. В. Путину с вопросом: «Интернет. Недавние политические события, как в нашей стране, так и в мире еще раз подтвердили, что интернет играет огромную роль в вопросе мобилизации людей. В интернете сегодня есть возможность широкого неформального, и пока ещё, свободного общения, причём пользователи до последнего момента не боятся открыто высказывать свои мысли. Однако приближающаяся Выборная кампания Государственной Думы, выборы Президента Российской Федерации могут привести к завинчиванию гаек в этом вопросе. Подтверждением этому является сделанное на днях заявление спецслужб о блокировке возможности использования в России некоторых интернет-страниц. Фракция ЛДПР убеждена, что подобные меры недопустимы, не хотим возврата 1937 года, и убеждены, что подобные действия будут способствовать росту недовольства в сети и в целом расшатывать ситуацию. Получится, что подобные меры лишь провоцирует то, с чем пытаются бороться чиновники. В связи с этим хотелось бы услышать принципиальную позицию Правительства в вопросе введения цензурных ограничений в интернете и, если возможно, Вашу личную». Ответ В. В. Путина: *«Спасибо. Что-то не припомню, что в 37 году интернет присутствовал. Знаете, раньше была шутка такая: Чем отличается от ЧК от ЦК? ЦК – цыкает, а ЧК – чикает. Мы ничего «чикать» не собираемся. И интернет*

– это только инструмент решения важных народнохозяйственных, социальных проблем, это возможность общения, возможность самовыражения. Это инструмент повышения качества жизни и информационной обеспеченности общества. Правда, основные ресурсы находятся не в наших руках, а за бугром, точнее за океаном. Именно это вызывает озабоченность некоторых спецслужб, имею в виду возможность использования этих ресурсов в интересах, противоречащих интересам общества и государства, но, повторяю, это их озабоченность, что касается моего личного мнения, как Вы спросили, не считаю возможным что-либо ограничивать». Для успешной интерпретации иллокутивного смысла иронического высказывания, обратимся к экстралингвистическим факторам. Фраза была произнесена в рамках официальной, формализованной встречи Премьер-министра страны с депутатами Государственной думы, встреча была открытой, стенограмма находится в открытом доступе в интернете. Из этого следует, что ирония, хотя и была адресована одному человеку, задавшему вопрос, априорно предполагалась как публичная: говорящему было важно, чтобы на неё обратили внимание и сторонние слушатели. Важно отметить, что это спонтанная реакция на вопрос, не подготовленная речь, то есть у автора было немного времени для подготовки и обдумывание ответа. Фраза начинается с иронического подтрунивания над вопрошающим: «Что-то не припомню, что в 37 году интернет присутствовал». Ирония эксплицируется на лексическом уровне стилистической фигурой – аллюзией (указание на исторический факт отсутствия интернета в 30-х гг. XX в.). Далее мысль продолжается анекдотом о взаимодействии высшего органа власти и спецслужбы, популярном в те времена, о которых упомянул собеседник. Обратим внимание, что в данном случае В. В. Путин конституирует себя как представителя высшего органа власти (на это указывает местоимение *мы*) и утверждает, что последнее слово за ним. К такому выводу можно прийти, проанализировав причинно-следственные связи, упомянутые в высказывании: «ЦК (высший орган власти) – цыкает (указывает на кого-то, приказывает сделать что-то), а ЧК – чикает (действует по указанию, по «цыку»)). Ранее мы говорили, что в этом высказывании

ирония создаётся с помощью нескольких фонетических приёмов, но, помимо них, в фразе присутствуют и стилистические фигуры. Гипотипоза – с помощью которой предмет разговора изображается буквально; кольцо – мысль идёт по кругу: сперва нам сообщают что делают спецслужбы, а затем, возвращая нас к началу фразы, ироник говорит, что делать это не входит в его планы. Коррекция – вторая часть предложения «мы ничего “чикать” не собираемся» интонационно противопоставлена первой «а ЧК – “чикает”», тем самым усиливая значение первой части предложения. Парономазия – В. В. Путин преднамеренно использует созвучные аббревиатуры, где «разыгрывается» каламбур, основанный на тождестве фонетическом и антитезе лексической. Отдельно обратим внимание на экстралингвистические факторы – биографию В. В. Путина, который до своей политической карьеры работал контрразведчиком в следственном отделе Ленинградского управления КГБ, иными словами, принадлежал к тем самым спецслужбам, которые «чикают». Этот факт добавляет фразе скрытый контекст, в котором тоже кроется ирония, разгадать которую могут лишь те, кто знает биографию говорящего.

Все три приведенных примера, как и задумывал автор, были успешно дешифрованы аудиторией. На это нам указывают многочисленные цитирования, репосты, а некоторые СМИ включили данные высказывания в свои топ-5 лучших примеров иронии в политике¹.

Приведем еще примеры высказываний с ироническим кодом Президента РФ В. В. Путина.

«В отношении представителей прессы я могу сказать так, как в свое время мы шутили, когда я работал в совершенно другой организации: их прислали подглядывать, а они подслушивают...» (Прямая линия с Президентом, 25 октября 2006 г.). В данном случае иронический код будет верно интерпретирован реципиентом, также знающим, кем работал В. В. Путин до того, как стал президентом. Одновременно с кодированием, построенном на намёке о своем

¹ После приведенных ответных реплик президента в аудитории был слышен одобрительный смех, аплодисменты, что также является показателем успешного дешифрования иронического кода.

прошлом, ироник использует игру смыслов: переносное значение слова *подглядывать*, о котором первоначально подумали зрители, предполагает ‘сбор информации любыми способами’, однако происходит обман ожиданий реципиентов, поскольку лексема *подглядывать* используется в одном прямом значении.

Пример еще одного способа создания иронического кода – неожиданное завершение афоризма и изменение его смысла: *«Должен сказать, что руки у России становятся все крепче и крепче. Выкрутить их вряд ли представляется возможным, даже такому сильному партнеру, как Евросоюз»* (Выступление на встрече с представителями деловых кругов России и Германии, 9 октября 2003 г.). В высказывании используются фразеологических единицы *крепкая рука* и *выкручивать руки*, имеющие два противоположных смысла, однако при включение их в одну синтагму они не противоречат, а дополняют друг друга и создают таким образом иронический эффект.

«Кто управляет страной в то время, когда вы и президент России спите?» – *«Мы спим по очереди. Все под контролем, не сомневайтесь»* (В. В. Путин занимал пост Премьер-министра РФ. Прямая линия с В. В. Путиным, 16 декабря 2010 г.). Президент «ушел» от прямого ответа, актуализируя лишь прямое значение глагола *спать* (тогда как журналист, вполне возможно, понимал и его синонимический эквивалент – *бездействовать*).

«Я не хочу сказать, что нам совершенно безразлично ваше мнение и что мы плевать на все хотели. Нет, мы будем прислушиваться к советам... доброжелательным» (Пресс-конференция после встречи с канцлером ФРГ в Осло. 12 ноября 2002 г.). Здесь иронический код детерминируется антитезой, клишированной конструкцией с включением разговорных элементов, противопоставлением прямого значения переносному и (что особенно важно!) специальным паузированием и рематической акцентуацией последней языковой единицы.

Помимо Президента Российской Федерации, к высказываниям с ироническим кодом часто прибегает и Директор департамента информации и

печати МИД РФ М. В. Захарова. Приведем в качестве примера один из постов, опубликованных ею на своей официальной странице в Facebook¹:

«Открытие в Москве памятника Князю Владимиру не осталось незамеченным в Киеве. Официальный твиттер-аккаунт Украины выдал залп: “Не забывают, как выглядит настоящий памятник Князю Владимиру. Киев принёс на Русь православие”. Ясно? Настоящий памятник может быть только один. А то развелось Пушкиных по миру. Ни к чему это всё. Но больше всего понравилась притча о разлученных Киеве и Руси. Жил-был Киев. И однажды он принёс на Русь православие. Долго ли, коротко ли нёс – сейчас сказать трудно, ведь далеке была Русь от Киева. Но в конце концов принёс. Не расплескал. Прошло тысячу лет. Киев о содеянном явно жалеет, но продолжает нести. Правда, теперь не христианство, а бред. Хотя и на английском языке»².

В данном примере основной тезис автора, переданный ироническим кодом, будет корректно дешифрован реципиентами, обладающими следующими экстралингвистическими факторами: гражданская принадлежность – россиянин; социальный статус в данном случае не столь важен; знание же истории, прецедентных текстов, известных личностей, к которым апеллирует автор, станет ключом к верной интерпретации иронического кода. Далее предпримем попытку лингвистического анализа для демонстрации механизмов создания иронического кода, который может быть незатруднительно перекодирован семиотической системой адресата.

Иронический код в данном случае «проявлен» буквально в каждом предложении текста, но корректно интерпретировать его возможно только при анализе всего текста, а не отдельных предложений. Поэтому в начале анализа перечислим все средства выражения иронических смыслов, использованные автором: (1) морфемные (множественное число); (2) словообразовательные (неологизмы); (3) лексические (олицетворение, архаизмы, игра слов, гипербола, лексическое противопоставление, использование имён собственных,

¹ Запрещен на территории РФ с 04.03.2022.

² URL: <https://www.facebook.com/maria.zakharova.167/posts/10211375243446491/>

овеществление отвлечённых понятий); (4) синтактико-стилистические (повторы, риторический вопрос, парцелляция, риторические восклицания, градация, антитеза); (5) текстуальные (авторская генерализация, определенная символизация, занижение стилистического регистра, прецедентные тексты, гротеск, иронический образ, иронический перифраз).

Опишем ряд из них более детально. *Повторы*: в небольшом по объёму тексте слово *Киев* употреблено 5 раз. Примечательно, что ни в одном случае рядом с лексемой не стоит какой-либо положительный эпитет, напротив, намеренная тавтология усиливает эффект несогласия с позицией украинских властей, в чём и проявляется неочевидная, но довольно легко выявляемая критика. Слова *Киев* и *Москва* в тексте выступают как пара «антагонистов», где Москва – рациональна, а Киев – её противоположность (такое противопоставление завуалированно уличает Киев в примитивности мышления). В дополнение к сказанному отметим, что стилистическая фигура *кольцо* (разновидность повтора) в данном примере используется для закрепления в сознании читателя ассоциации «Киев = недалёковидная, противоречащая самой себе власть в Украине, да ещё и пытающаяся уличить Россию в преднамеренном искажении истории». *Риторический вопрос* используется в данном случае не только для акцентирования внимания на призыве задуматься, но и для дальнейшего развития собственной мысли: конструкция *Ясно?* несёт в себе императивность и оценочную характеристику, направлена она на читателя, а не на автора «залпа». Ироник таким образом с помощью одной конструкции показывает читателям, на чьей стороне истина. *Риторический вопрос*, выраженный интонационно, так как само по себе слово «ясно» не содержит в себе вопросительного значения (что подтверждает нашу теорию о корректном дешифровании иронического кода исключительно в контексте), открывает несколько *парцеллированных конструкций*, следующих одна за другой. Сам ироник, по нашему мнению, осознанно использует перед цитированием украинских политиков лексику *залп*, которая в прямом значении является военным термином: «Одновременный выстрел из нескольких огнестрельных орудий, из ручного оружия» [120: эл. р.]. Представляется, что,

использовав военный термин, ироник подчеркивает агрессивность украинского политического дискурса (возможно, это лишь ассоциация, вызванная парцелляцией в цитируемом ею твите). Далее М. В. Захарова и сама выпускает серию «залпов» из парцеллированных конструкций. Каждое следующее короткое предложение передаёт возмущение автора и нагнетает общий аксиологический фон текста, не оскорбляя при этом украинскую сторону. У *парцелляции* как самостоятельной стилистической фигуры несколько функций, в данном случае наиболее ярко выражены две из них – изобразительная и эмоционально-выделительная. Изобразительная связана с акцентуацией на базовой части; эмоционально-выделительная маркирует отдельные синтагмы как парцеллят, усиливая авторскую экспрессию и помогая расшифровать иллокутивный смысл. Можно сказать, что, использовав парцелляцию, автор применил оружие оппонента против него самого.

Авторская генерализация обеспечивает переход от темы обсуждения, представленной цитатой твита, к значимому политическому событию – попытке «перекроить» историю и актуализации современных политических проблем между Россией и Украиной. В данном случае мы видим индуктивный принцип (от частного к общему): за основу или повод взят один твит, посвященный установке памятника князю Владимиру, далее автор масштабирует это событие до общеисторического и политического контекстов. Вербальными средствами являются *аллюзии, цитация, смена стилистических фигур* и даже использование *жанровых клише*.

Текст разделен на три смысловых части – цитирование; предложения-рассуждения на тему памятников; предложения об историческом фоне ситуации. Во второй и третьей частях иронический контекст «обостряет» *градация*: каждое последующее *парцеллированное предложение* повышает модус художественности иронии, сменяются интонационные конструкции (от ИК-1 в предложении «*Настоящий памятник может быть только один*» до ИК-7 в предложении «*Ни к чему это всё*»). Такой же приём повторяется в третьей части текста. Сравним первое и последнее предложение: «*Но больше всего понравилась притча о*

разлученных Киве и Руси» / «Правда, теперь не христианство, а бред». Даже при пропуске нескольких предложений, стоящих между приведенными нами сейчас, мы видим явное усиление негативного оценивания действий украинских властей.

Значимость *градационного ряда* можно описать и другим способом. Во второй части эта стилистическая фигура выявляется в объеме трех предложений: *«Настоящий памятник может быть только один. А то развелось Пушкиных по миру. Ни к чему это всё».* В первом предложении даётся утверждение, в последнем окончательный вывод, полностью противоречащий первоначальному тезису. Во втором предложении даётся антитеза, маркированная союзом *а* и множественным числом – *Пушкиных*. Таким образом, градация объединяет все три предложения, делая последнее наиболее ярко выраженным эмоционально. Третья часть текста *«Притча о разлученных Киве и Руси»* также построена по принципу градации – накала эмоций и выводов: *«Жил-был Кивев»* – нейтральный зачин к «притче», далее следует завязка: *«И однажды он принёс на Русь православие».* Долго ли, коротко ли нёс – сейчас сказать трудно, ведь далече была Русь от Кивева», в этой части сюжета уже появляются иронические нотки во фразе *«ведь далече была Русь от Кивева».* Иронический модус появляется благодаря аллюзии на географическое положение и историческое развитие Киевской Руси, что подчеркивает лексема *далече*. Основная часть *«Но в конце концов принёс. Не расплескал»* – здесь парцелляция подчеркивает иронический тон, проявляясь лексически сниженно (*не расплескал*) и интонационно. Развязка *«Прошло тысячу лет. Кивев о содеянном явно жалеет, но продолжает нести. Правда, теперь не христианство, а бред».* В этой части текста дана оценка ироника относительно слов, сказанных в официальном аккаунте украинского правительства, – *бред*. Текст получается полностью композиционно завершённым, но автор усиливает градационный ряд иронии парцеллятом *«Хотя и на английском языке»*, косвенно тем самым указывая на препозицию твита – желание наладить сотрудничество с Евросоюзом и США, дошедшее до такой степени, что украинская власть готова забыть родной язык и переписать историю страны. Применение градации в двух из трёх частей текста

усиливает иронический эффект, придаёт тексту образность, эмоциональность и экспрессивность.

На лексико-семантическом уровне основные средства создания иронического кода выражены в меньшей степени, но без них текст не получился бы таким образным и запоминающимся. В публикации М. В. Захаровой упоминается несколько *онимов* (забегая вперед, отметим, что это является отличительной чертой многих ее высказываний). Князь Владимир появляется только в первой части – в цитировании твита, но следом она называет А. С. Пушкина, думается, не только потому, что его памятники стоят во многих странах мира (в том числе 8 в Киеве), но и оттого, что писатель бывал на украинских землях, под впечатлением от посещения тех мест позже он создаст поэму «Братья-Разбойники». Кроме того, имя А. С. Пушкина давно является не столько именем собственным, сколько нарицательным, и в данном контексте оно служит напоминанием об общей истории и единстве нашей культуры.

Отдельного внимания заслуживает орнаментальность текста: он изобилует стилистическими фигурами. *Амплификация* подчеркивает авторское отношение к твиту украинской стороны, нагнетание происходит посредством близких по значению выражений: «может быть *только один / А то развелось / Ни к чему это всё*». *Анадиплозис* последовательно развертывает мысль посредством подхвата в каждом последующем предложении конструкции предыдущего элемента: «*Долго ли, коротко ли нёс – сейчас сказать трудно, ведь далече была Русь от Киева. Но в конце концов принёс. Не расплескал*». *Антитеза* наиболее ярков проявлена в последнем предложении: «*Правда, теперь не христианство, а бред*». Сочетание *геминации* и *эпифоры* гиперболизируют эффект каждой из этих стилистических фигур. Слово «нести» использовано четыре раза, при этом автор обыгрывает его в нескольких лексических значениях: прямого и переносного – два раза употреблено в конце предложения: «*Но в конце концов принёс/ Киев о содеянном явно жалеет, но продолжает нести*». Столкновение двух различных значений одной лексемы усиливает иронический эффект, так как появляется *игра со смыслами*, проявляется *повтор лексический, параномазия, каламбур и остроумие*. Помимо этого,

некоторые фразы построены по принципу *коррекции*, то есть интонационного противопоставления нескольких конструкций, усиливающих эффект предыдущего. См. первая пара: «*«Не забывайте, как выглядит настоящий памятник Князю Владимиру. Киев принёс на Русь православие». Ясно?»*; вторая пара: «*«Настоящий памятник может быть только один. А то развелось Пушкиных по миру»*»; третья пара: «*«Киев о содеянном явно жалеет, но продолжает нести. Правда, теперь не христианство, а бред»*. Все в совокупности наглядно демонстрирует прямую зависимость между выбором определенных языковых средств, их контаминацией и созданием иронического кода, успешная дешифровка которого зависит от экстралингвистических факторов, перечисленных выше.

Еще одним интересным примером может служить публикация М. В. Захаровой на странице социальной сети «Facebook»¹ в ответ на рассуждения американских СМИ о том, какую модель правления выберет Президент США Д. Трамп²: «*Сейчас в СМИ, на сайтах и в лентах соцсетей появляются тысячи прогнозов на тему «Мир при Трампе». У меня один совет. Прежде чем углубиться в футурологическое чтиво, потрудитесь найти материалы этого же ресурса или автора в прошлый предвыборный этап. Почитайте прошлые прогнозы, и тогда станет понятно, можно ли доверять будущим»*³.

В данном примере иронический код базируется одновременно на некоем зашифрованном тезисе α и лингвосемиотической системе автора: совокупность этих двух факторов создаёт шифр авторской иронии. Корректно дешифровать иронический код возможно только при полном погружении в пропозиционное пространство, то есть необходимо хорошо знать предвыборные новостные статьи, публикации, передачи и т. д., выходящие в США. Однако автор понимает, что таких людей будет немного, поэтому даёт возможность частичной дешифровки кода (что не умаляет эффективности иронии в данном случае). Это становится возможным благодаря ряду языковых приёмов, например: игра смыслов, перенос

¹ Запрещен на территории РФ с 04.03.2022.

² Отметим, что прогнозы и предположения о будущей политике Д. Трампа долгое время были основной частью политической повестки.

³ URL: <https://www.facebook.com/maria.zakharova.167/posts/10211489216855755>

акцентов – в тексте фигурируют фамилии первых лиц государства, однако ирония направлена не на них, а на представителей американских пресс-служб и созданную ими искусственную гиперболизацию сложившейся политической ситуации в преддверии инаугурации Д. Трампа. Исходя из вышесказанного уместно предположить использование такого синтактико-стилистического приема, как *метаксис*.

Метаксис исследуется лингвистами в рамках теории инконгруэнтности, согласно которой метаксис порождает иронический эффект¹. Можно говорить об умышленном цитировании М. В. Захаровой заголовков американских газет, заявлений СМИ и мнений политиков, которые после комментирования М. В. Захаровой, перестают восприниматься читателями как истинные: в публикации автор обыгрывает используемые СМИ или политиками термины и придает им противоположный смысл. Одновременно М. В. Захарова обращается к фонетическим средствам передачи иронии. Так, успешное декодирование иронической интенции автора адресатом при прочтении публикации о Д. Трампе происходит благодаря специфичным интонационным акцентам, передающим сомнение автора: *«Почитайте прошлые прогнозы» / «И тогда станет понятно, можно ли доверять будущим»*. Благодаря интонационному варьированию происходит переосмысление констатации факта: *«Сейчас в СМИ, на сайтах и в лентах соцсетей появляются тысячи прогнозов на тему "Мир при Трампе"»*. Возможно, именно в результате таких публикаций итогом стало ироничное отношение российских читателей ко всем предвыборным речам Д. Трампа и информации зарубежных СМИ. Отметим также «отсылку» М. В. Захаровой к культурным стереотипам, сложившимся в русскоязычной картине мира по отношению к американскому правительству (*футурологическое чтиво*): носители русской лингвокультуры прочитают имплицитный смысл, содержащийся в публикации М. В. Захаровой. Ироническую модальность высказыванию придает и апелляция к отношению, сформировавшемуся в российской современной

¹ Доказательством того, что ирония российской аудиторией была «прочитана», являются реакции читателей на официальной странице М. В. Захаровой.

действительности относительно личности предыдущего президента Б. Обамы (*попробуйте найти материалы этого же ресурса или автора в прошлый предвыборный этап*).

Таким образом, в приведенном примере декодирование иронического кода адресатом происходит путем вступления в диссонантные отношения природы денотата и стилистической окраски используемых языковых единиц: столкновение двух смысловых доминант вызывает комическую реакцию. Неслучайно М. В. Захарова ставит под сомнение «футурологические изыскания» американских СМИ: ставить все под сомнение, не доверять собственным знаниям – такое понимание иронии встречается у древнегреческого философа Сократа. «Я знаю, что я ничего не знаю» – известное высказывание философа можно трактовать с точки зрения толерантности как политического термина. Чем больше человек сомневается в собственной правоте, тем легче ему принять отличную от своей точку зрения. Иначе – ставя под вопрос достоверность публикуемой в СМИ информации о будущем президенте США, происходит одновременное ее принятие и опровержение.

Третий пример – публикация М. В. Захаровой в социальной сети Facebook¹:

«Хотите заработать миллионы?»

СМИ: «Многие известные журналисты в США, пользующиеся электронной почтой компании “Google”, получили за последнее время от этой компании уведомления о том, что на их пароли и почтовые ящики покушаются некие “хакеры, пользующиеся поддержкой государства”. Само государство при этом не называется, но вашингтонская газета “Политико”, опубликовавшая сегодня статью на эту тему, дает понять, что под подозрением находится прежде всего Россия. “Некоторые журналисты, получающие предупреждения, по их словам, подозревают, что хакеры могут быть россиянами, ищущими компрометирующие записки по электронной почте, которые можно было бы использовать, чтобы выставить журналистов в неловком свете”, – пишет издание. Оно также приводит мнение бывшего посла США в Москве Майкла Макфола, который сам журналистом не

¹ Запрещен на территории РФ с 04.03.2022.

является, но активно выступает с комментариями в социальных сетях в качестве политолога и тоже получал предупреждения от "Google": "С учетом моего прошлого следует наугад предположить, что это русские"». Так вот, если сейчас в Штатах начать продавать таблетки, антивирусы и шапочки с антеннами с подписью "Средство от русских хакеров", выручки хватит на три поколения вперед»¹.

В данном примере иронический код «защит» в визуальное оформление текста: заголовок, вопросительные конструкции, цитаты, авторские ремарки, уточнения. Всё это помогает читателю корректно дешифровать интенцию автора и уловить скрытые смыслы. Проведем более подробный лингвистический анализ. Здесь вступают в противоречие «серьезное» и «комическое» описания одного и того же события: «СМИ: "Многие известные журналисты в США, пользующиеся электронной почтой компании "Google", получили за последнее время от этой компании уведомления о том, что на их пароли и почтовые ящики покушаются некие "хакеры, пользующиеся поддержкой государства"». Versus: «Если сейчас в Штатах начать продавать таблетки, антивирусы и шапочки с антеннами с подписью "Средство от русских хакеров", выручки хватит на три поколения вперед».

Путем противопоставления «глобальности» события в США и комического отношения к нему же в России у читателя создается иронический фон восприятия описываемого события. Полисемичный контекст образуется в результате «столкновения» полярных точек зрения, представленных, с одной стороны, американскими средствами массовой информации и М. В. Захаровой – с другой. Анализируемый текст комбинирует отличные друг от друга «фокусы интереса» – политический, журналистский, компьютерный и торговый. Особенно акцентируется внимание на взаимодействии политики и торговли. При этом в первоисточнике не говорится об их взаимном функционировании; происходит «сталкивание» различных мыслительных образов и одновременный метафорический перенос с цитируемого на анализируемое пространство, т. е. с

¹ URL: <https://www.facebook.com/maria.zakharova.167/posts/10212408418235215>

явно очевидного на неочевидное, неявное, но включенное в общую систему знаков действительности.

Описанная репрезентация денотатов характерна для когнитивной метафоры. Одним из типов когнитивной метафоры является ориентационная метафора, которую мы наблюдаем в выражениях: *«на их пароли и почтовые ящики покушаются некие "хакеры, пользующиеся поддержкой государства". Само государство при этом не называется, но вашингтонская газета "Политико", опубликовавшая сегодня статью на эту тему, дает понять, что под подозрением находится прежде всего Россия»* и *«если сейчас в Штатах начать продавать таблетки, антивирусы и шапочки с антеннами с подписью "Средство от русских хакеров", выручки хватит на три поколения вперед»*. В цитатах соотносятся единым пониманием нескольких различных сфер, объединенных в единый концепт, вследствие чего создается ориентационная метафора. Здесь же мы видим и коммуникативную метафору, также являющуюся одним из типов когнитивной метафоры, в частности в выражениях: *«Хотите заработать миллионы?»*, *«наугад предположить»* и финальном абзаце: *«Так вот, если сейчас в Штатах начать продавать таблетки, антивирусы и шапочки с антеннами с подписью "Средство от русских хакеров", выручки хватит на три поколения вперед»*. В этих выдержках из текста можно заметить отношения эквивалентности между смыслами. Такие типы когнитивной метафоры, как ориентационная и коммуникативная, являются основными способами передачи когнитивной метафоры, у которой основная цель – «спровоцировать» у читателя мыслительный процесс, вследствие которого становится понятна очевидная абсурдность ситуации. Для осознания иронического кода на когнитивном уровне читателю необходимо уловить семантические разногласия в тексте. М. В. Захарова приводит слова бывшего посла США в Москве М. Макфола *«наугад предположить»*: само построение фразы является комичным для политического дискурса, так как в этом виде коммуникативного взаимодействия недопустимо апеллировать к предположениям и делать выводы, опираясь не на факты, а на домыслы. Таким образом, можно говорить о том, что М. В. Захарова акцентирует внимание читателя на неоправданных обвинениях в

адрес России американскими СМИ, цитируя фразу М. Макфола, построенную на тавтологии – «*наугад предположить*»; в этом словосочетании, употребленном в рамках политического дискурса, вступают в диссонантные отношения a priori противоположные понятия – политика и домыслы.

Помимо метатаксиста, в публикации М. В. Захаровой можно выявить семантическую несовместимость, которая проявляется в заглавии к тексту и комментарию М. В. Захаровой: «*Хотите заработать миллионы? / Так вот, если сейчас в Штатах начать продавать таблетки, антивирусы и шапочки с антеннами с подписью "Средство от русских хакеров", выручки хватит на три поколения вперед*». Автор «отклоняется» от законов стиля, принятого в политическом дискурсе, используя единицы разговорного стиля речи. Заголовок содержит риторический вопрос, который подразумевает следующую за ним когнитивную метафору и готовит читателя к поиску истины и выводов, которые обнародует автор в финале публикации.

Проведенный анализ позволяет нам предположить применение «вызова» к языковому сознанию как результата описанных семантических «скандалов», возникающих, в том числе и вследствие смены языковых регистров – разговорного, публицистического и политико-трафаретного.

Ироническая модальность, адресованная и русской, и американской аудиториям, не вызвала неодобрения ни с одной из сторон. Протестной реакции с американской стороны не последовало, так как высказывания американских СМИ приводились как прямые цитаты (были взяты в кавычки), что свидетельствовало об истинности заявлений и бессмысленности их оспаривания. Российские же пользователи социальной сети поняли иронию над американскими СМИ и легковерными гражданами США, что подтверждается многочисленными откликами со значением ‘ха-ха’. Адекватное «прочтение» иронического кода адресатом происходит результате соответствующего интерпретирования культурных кодов, общих для автора и реципиентов высказывания.

Приведем пример «без цитирования» средств массовой информации. М. В. Захарова комментирует не слова, а действия, напрямую сообщая на собственном расследовании и его результатах.

Предыстория, также опубликованная политиком на странице в Facebook¹ от 17.10.2016: *«Маргарита Симоньян сообщила, что все счета телеканала Russia Today в Британии заблокированы, это окончательное решение, которое не подлежит пересмотру. Похоже, уходя из ЕС, Лондон оставил в Европе все свои обязательства по свободе слова. Как говорится, в новую жизнь без вредных привычек»*².

Осуждение принятого решения дается в виде небольшого комментария, идущего сразу за самим новостным блоком. Автор снова упрощает читателю процесс дешифрования: несмотря на отсутствие цитат (как в предыдущем примере), присутствует ссылка на личность и апеллирование к политическим фактам (выход Англии из ЕС). Употреблены речевые конструкции *«как говорится»* и *«без вредных привычек»* (устойчивое в русскоязычной среде словосочетание употреблено не случайно). Происходит переосмысление фразеологизма *«без вредных привычек»*, так как под «вредной привычкой» здесь понимается свобода слова. Следовательно, вновь присутствует «перевертыш», игра со смыслами. Только теперь уже используются фразеологизмы и устойчивые словосочетания, облекаемые в форму догадки, создаваемую с помощью слова *похоже* – маркируется сугубо личное мнение М. В. Захаровой как политика. Происходит осмысление одного действия через другое, анализ последовательности действий, в языковой форме обнаруживается обращение к когнитивной метафоре.

Спустя несколько дней (21.10.2016) М. В. Захарова опубликовала следующую запись: *«Ммммм История с закрытием счетов RT в Великобритании перестает быть томной. Она начинает попахивать и не чем-нибудь, а Би-Би-Си. А это, как в детской песенке про Братца Кролика: «Если близко лисий хвост, значит близко лиска». За дело взялась русскоязычная дочка рупора Её Величества,*

¹ Запрещен на территории РФ с 04.03.2022.

² URL: <https://www.facebook.com/maria.zakharova.167/posts/10211176132188834>

буквально за сутки «накопав» на российский телеканал ... а ничего не накопав. Так бывает: копали, копали и не накопили. Большой материал и ни о чем. Зачем? А чтобы осадочек остался. Немного напоминает историю Леонида Свиридова⁵ (ссылка на страничку в фейсбуке. Т. К.). Чтобы придумать предлог для выдворения корреспондента РИА Новости из Польши за проведённую выставку памяти Стенина, польские власти запустили слух о том, что он «не совсем журналист». И тут же, как по команде, тему подхватили все, кому не лень. Больше всех старались отдельные личности на «Эхе». Эфир за эфиром. Смешно получилось. Потому что в результате копаний выяснилось, что все эти годы Леонид Свиридов был внештатным сотрудником организации из трёх букв, но не той, на которую так намекали и там, и тут, а другой – Эха. Да-да, именно эта запись в трудовой книжке была найдена по итогам «журналистского расследования». Чувствую, как-то так будет и в этот раз. Но в любом случае, русскоязычной службе Би-Би-Си желаю удачи. Она ей сейчас понадобится, потому что раскопки – вещь такая, увлекательная и непредсказуемая»¹.

В публикации дается комментарий события без включения прямых цитат, используются риторические вопросы, разворачивается игра с читателем: употребляются фразеологизмы (*все кому не лень*), прецедентные высказывания (*перестает быть томной; начинает попахивать; осадочек остался*), аллюзии на сказочные литературные произведения (*копали, копали и не накопили; если близко лисий хвост, значит близко лиска*); нет разрыва между первой частью текста и второй; публикация не озаглавлена; через всю канву текста идет стержневая линия, близкая к детективным жанрам, содержащая интригу и неожиданное продолжение; явно вычленяется когнитивная метафора. Заканчивается публикация согласно детективным канонам – автор интригует, приоткрывает занавес, но не рассказывает, что произойдет дальше (*раскопки – вещь такая, увлекательная и непредсказуемая*). Текст насыщен размышлениями, обращениями к читателям, вводными конструкциями, намеками, что создает иронический код. В середине публикации текст захватывает читателя как текст художественного произведения, побуждая

¹ URL: <https://www.facebook.com/maria.zakharova.167/posts/10211222357344434>

адресата ознакомиться со всей публикацией и узнать развязку. Читателю предлагаются неопровержимые факты, далее автор высказывает свои предположения о сложившейся ситуации, «сталкивает» ее с аналогичной и завершает мысль открытым финалом.

Ирония одновременно включена в сам текст и выходит за грани текста. Ироническая рефлексия появляется во фразе: «*За дело взялась русскоязычная дочка рупора Ее Величества, буквально за сутки «накопав» на российский телеканал ... а ничего не накопав»*. После слов *буквально за сутки «накопав» на российский телеканал* читательское ожидание подсказывает, что далее будет следовать ссылка или цитата на текст о «раскопках», но автор прерывает ожидания категоричным отрицанием каких-либо фактов: обман читательского ожидания, антитеза, употребление разговорной лексики. Симбиоз этого приводит к комическому эффекту, в таком же стиле развивается повествование – читатель на продолжение текста смотрит уже с иронической точки зрения, предполагая подвох, скрытый смысл. Далее в тексте появляется аналогичная конструкция: «*Леонид Свиридов был внештатным сотрудником организации из трех букв, но не той, на которую так намекали и там, и тут, а другой – Эха»*.

Логико-семантически иронический код в рассматриваемом тексте формируется посредством разнообразных приемов. Прежде всего актуализируется механизм пересечения и объединения, когда автор «присваивает объединению двух значений признак, присущий только их пересечению» [Дюбуа, 1986, с. 197]. М. В. Захарова объединяет две различные по смыслу ситуации, но схожесть фактов и аналогичность обстоятельств подталкивает читателей к определенным выводам. В данном примере реализуется следующая схема метафорического процесса: И – (П) – Р, где И – исходная ситуация (*история с закрытием счетов RT в Великобритании*), Р – результат, то есть достижение иронического эффекта, который формируется через промежуточный, объединяющий смысл – П (*история с журналистом Леонидом Свиридовым*).

Отметим, что при создании такой метафоры автор «автоматически» прибегает к синекдохе, так как сталкивает различные ситуации: здесь исходный

прецедент является синекдохой для объединяющего смысла (несмотря на утверждение Р. О. Якобсона, что употребление в одном тексте синекдохи и метафоры невозможно). Соположение синекдохи и метафоры в анализируемом тексте обуславливается следующим: метафорический перенос строится на использовании двух конструкций, которые не столько контрастируют друг с другом, сколько определяют точку пересечения между исходной ситуацией и результатом. Такими конструкциями – синекдохами – служат ситуация с журналистом Леонидом Свиридовым, работающим на радио «Эхо», и закрытие счетов RT в Великобритании.

В конечном счете они сводятся к единому результату, что создает метафоричность всего текста и вызывает иронический эффект. В данном тексте вычленяется и референциальная метафора как семантическая структура, построенная на основе образов или мысленных представлений. Проанализируем логические связки. Начало *текста «накопав» на российский телеканал ... а ничего не накопав* включает метафору так, будто это синекдоха (через пересечения, опирающиеся на столкновение двух денотатов). Одновременно в высказывании смешивается истинное и ложное, что является отличительной чертой скорректированной метафоры. Помимо перечисленных риторических приемов, в тексте наличествует сравнение: *немного напоминает историю Леонида Свиридова*. Создается некий треугольник, состоящий из синекдохи, сравнения и метафоры как логического завершения текста, который дополнительно приводит к ироническому осмыслению ситуации. Прием сравнения использован и в высказывании: *А это, как в детской песенке про Братца Кролика: «Если близко лисий хвост, значит близко лиска»*. Кроме непосредственного сопоставления со сказкой Д. Харриса «Братец Лис и Братец Кролик», сопоставление обнаруживается и внутри приведенной цитаты из песни Братца Кролика. Прием грамматических связок, характерных для сравнения, можно увидеть и в конструкциях: *как-то так будет и в этот раз; попахивать и не чем-нибудь, а Би-Би-Си*. Приведенные фрагменты устанавливают между сравниваемыми

ситуациями отношения аналогии, то есть создается эквивалентность между событиями, первоначально обладающими разной степенью сходства.

М. В. Захарова использует и еще один прием – грамматическое приложение: *раскопки – вещь такая, увлекательная и непредсказуемая*, функция которого заключается в уравнивании двух частей с позиционной точки зрения и оформлении их, таким образом, в виде парадигмы.

Представляется, что мультисмысловая устроенность иронии, семасиологическими механизмами которой в данном случае являются как соединение нескольких типов риторических приемов, апеллирование к функциональной устроенности когнитивной метафоры, так и публицистически организованная структура текста (преамбула, основной тезис, антитезис, обоснования и вывод), чрезвычайно точно воздействует на референта сообщения, помогая «дешифровке» иронического кода и вызывая необходимую автору (иначе – единственно истинную) реакцию.

Интересным с лингвопрагматической точки зрения является и речевое поведение Министра иностранных дел РФ С. В. Лаврова. Так, прецедентным стало его высказывание о депутате Рады Владимире Парасюке, который сорвал флаг с посольства РФ в Киеве, построенное на обыгрывании литературного приема «говорящая фамилия»: *«Это сделал, по-моему, один из депутатов Верховной рады с какой-то говорящей фамилией. Какой-то Панасюк, то ли Поросюк – я не помню»* (Комментарий по поводу срыва украинским народным депутатом Владимиром Парасюком флага с российского посольства в Киеве, интервью РЕН ТВ 10.03.2016).

Комический эффект, в данном фрагменте политического дискурса, как и в художественной литературе, базируется на фонетическом сходстве фамилии и животного (свиньи), имеющего в русской языковой картине мира отрицательную коннотацию. Так, в «Большом толковом словаре русского языка» под редакцией С. И. Ожегова дана следующая коннотация слову «свинья» с пометой «разговорный вариант»: «О том, кто поступает низко, подло, а также (грубо) о грязном человеке, неряхе (разг.)» [Ожегов: эл. р.].

Помимо литературных аллюзий, С. В. Лавров использует и фольклорные выражения, например: *«Глядя на него (и. о. главы МИД Украины Андрея Дещицу – прим.), вспоминается хорошее выражение: не умеешь петь – не пей»*. (Комментарий по поводу оскорблений в адрес России из уст министра иностранных дел Украины Андрея Дещицы, 16.06.2014) Такое высказывание явилось ответом на неуместное и оскорбительное поведение А. Дещицы, прибывшего к российскому посольству в Украине, пострадавшего от варварских нападков местных жителей. Здесь мы видим кодирование, построенное на фразеологизме, корректно интерпретировать который сможет только носитель русской культуры. Сравнение и. о. МИД Украины с человеком, не умеющим адекватно оценивать свои возможности, дискредитирует А. Дещицу и подчеркивает абсурдность его речей.

Вообще, большинство высказываний с ироническим кодом С. В. Лаврова представляют собой комментарии какой-либо ситуации: так глава МИД РФ отреагировал на результаты американского расследования о крушении Boeing на Украине: *«Верить «на слово», как у нас говорят, – мы уже это проходили. Расследование, чтобы оно было объективным, должно быть честным и основанным на фактах. Смешно было бы прийти в американский суд и сказать: «У моего подзащитного есть стопроцентное алиби, но это государственная тайна, поэтому поверьте мне на слово»*. (Брифинг в Москве 28.07.2014). В этой цитате С. Лавров использует иронический код, переводя ситуацию в более осязаемую для читателей плоскость, минимизируя таким образом риски коммуникативного фиаско. С. В. Лавров приводит a priori комичную ситуацию, которая подчеркивает недостоверность полученных американскими службами результатов крушения Boeing.

В следующем примере лаконично отражена точка зрения С. В. Лаврова на сложившуюся ситуацию в Сирии: *«Если демократические проявления усматриваются в обстреле гранатомётами помещения партии Баас... мы с такими демократическими устремлениями согласиться не можем»* (Совместная пресс-конференция по итогам переговоров с Министром иностранных дел Республики

Казахстан Е. Х. Казыхановым, 21.11.2011). Успешное дешифрование иронического кода возможно даже без погружения в ситуацию: можно не знать, что такое «БААС», что происходит в Сирии, важно помнить о значении слова «демократия» – и тогда авторский тезис α совпадет с читательским тезисом β . Политик сталкивает два противоположенных смысла: лексическое значение слова *демократия* и обстрел партии БААС. Объединение столь различных смыслов приводит к осуждению действий на территории Сирии, предпринятых сирийскими перебежчиками и оцениваемые западными политиками как демократические проявления в народе. Вторая часть высказывания подчеркивает отрицательное отношение России к действиям Освободительной армии в Сирии. Здесь уместно вспомнить о философском подходе к пониманию иронии и привести цитату Сократа: «Обнаружить чужое “незнание” как иронический момент и подойти к высшему, истинному знанию» [Степин: эл. р.]. С. В. Лавров указывает на заблуждение западных государств по сирийскому вопросу и старается направить их «к истинному знанию» и принятию верных решений.

Слова С. В. Лаврова, произнесенные на выступлении перед студентами Дипломатической академии в Москве: *«Когда мы спрашиваем в Брюсселе, почему украинцам это (упрощение визового режима) можно, а нам нельзя – ответ очень интересный: Россия – это не Украина. Конечно, не Украина, но мы же знаем, что чиновник украинский от чиновника российского не очень отличается»* (25.02.2013).

Здесь иронический код одновременно является и кодом культурным, он образуется путем сопоставления образов украинского и российского чиновников. В русской языковой картине мира существует лингвокультурный типаж ‘русский чиновник’, подробно описанный В. И. Карасиком: «В русском языковом сознании чиновник, как правило, получает отрицательную оценку из-за коррумпированности, отсутствия здравого смысла в принимаемых решениях, высокого самомнения и готовности к безоговорочному подчинению» [Карасик, 2008, с. 51]. Для сравнения приведем определение лингвокультурного типажа ‘украинский чиновник’, выделенного Т. Сукаленко: «Лингвокультурный типаж “украинский чиновник” представляет собой оценочно маркированный образ государственного служащего,

отличительными признаками которого являются обеспечение функционирования государственного механизма, место на служебной лестнице, формальное и равнодушное отношение к людям, цинизм, низкая компетентность, малограмотность» [Сукаленко: эл. р.]. Из приведенных примеров российского и украинского исследователей видно, что в языковом сознании двух стран слово *чиновник* понимается примерно одинаково. Из этого можно сделать вывод, что С. В. Лавров умышленно использовал тот класс в социальных слоях, к которому в разных лингвокультурах сложилось одинаково-отрицательное отношение. Ироническая модальность по отношению к Украине и Европе подкрепляется самоиронией, проявляющейся в апеллировании к лингвокультурному типу «русский чиновник», коим и является сам ироник.

Комментирование ситуации, сложившейся вокруг контактов посла России в США С. И. Кисляка с представителями администрации США: *«Это все очень похоже на охоту на ведьм. Или на времена маккартизма, которые, мы думали, давно в США, как в цивилизованной стране, миновали»* (03.03.2017).

В этой фразе иронический код детерминируется эффектом неоправданных ожиданий (*мы думали*), эта же фраза указывает и на субъективность суждений, с которыми адресат может согласиться или опровергнуть их. Происходит сопоставление нескольких временных пластов, которые приводят к референциальной метафоре, построенной на основе образов или мысленных представлений. Верное декодирование иронии возможно при сопоставлении двух частей текста: перенесение читателей в минувшие времена и резкое переключение на современность, в которой, несмотря на ожидания, методы не изменились. С. В. Лавров подчеркивает «антицивилизованность» США сравнением *как в цивилизованной стране*, превращая тем самым прямую номинацию в антонимичное утверждение.

Помимо исторических отсылок, политик нередко обращается к примерам из русской литературы: *«Михаил Лермонтов со шведскими корнями и Александр Пушкин с африканскими корнями были более русскими, чем многие «чистокровки»*. (Интервью для фильма к юбилею В. В. Жириновского, 25.04.2016). В данном

высказывании комический эффект происходит благодаря противопоставлению/столкновению двух частей предложения, что свойственно ироническому коду. Также здесь вкрапляется разговорная лексика, и слово «чистокровки» взятого в кавычки, что подчеркивает презрительное отношение к людям, отрицающим многонациональность русской культуры.

Для речевых практик С. В. Лаврова характерно уклонение от прямого ответа. Приведем несколько примеров успешного «ухода» от серьезного ответа с помощью высказывания с ироническим кодом. Так, на конференции в Риме на вопрос: *«Как можно разрешить проблему Крыма?»* – С. В. Лавров ответил: *«Крым – не проблема. Крым – территория Российской Федерации»* (Конференция в Риме 02.12.2016). При анализе этого ответа можно говорить о комическом эффекте, который базируется на игре смыслов, выраженной в переносе акцентов. Дешифровать иронический смысл в данном случае под силу как носителю русскоязычной картины мира, так и иностранцу. Подобный ответ С. В. Лавров произнес и на встрече, посвященной обсуждению ситуации в Иране: *«Вы смотрите на перспективы решения иранской ядерной проблемы с оптимизмом?»* – С. В. Лавров: *«Мне не платят, чтобы я был оптимистом»* (30.03.2015).

В обоих случаях С. В. Лавров не отвечает на поставленные вопросы, но каждая фраза основана на неоспоримом факте, что не дает собеседнику продолжить дискуссию по заданной теме. Иронический код можно легко перевести на другие языки без изменения смысла: столь лаконичные и не предполагающие рассуждений ответы приводят к ироническому восприятию политической повестки у читателей или зрителей. В диалогах соотносятся единым пониманием нескольких различных сфер, объединенных в единый концепт, вследствие чего создается метафоричность; также можно заметить отношения эквивалентности между смыслами. В приведенных примерах иронический код реализуется через метафору, которая побуждает читателя к мыслительному процессу, в результате которого постановка вопроса кажется абсурдной и нивелирует серьезность вопроса.

См. также: *«Глава МИД РФ Сергей Лавров назвал внутренним делом Великобритании итоги референдума по членству в ЕС. На просьбу дать*

*комментарий высказыванию главы МИД Великобритании о том, что результат референдума якобы обрадовал российские власти, Лавров подчеркнул, что он «не получал медицинского образования». «Поэтому медицинские случаи не комментирую», – заключил глава МИД РФ (Комментарий итогов референдума по выходу Великобритании из Евросоюза, 24.06.2016). Здесь отсутствует комментарий, который ожидают получить журналисты от С. В. Лаврова, но в то же время дается оценочная характеристика действиям и высказываниям со стороны ЕС. Иронический код создаётся обыгрыванием словосочетания *медицинские случаи*, к которым С. В. Лавров относит поведение властей Великобритании.*

Или: Журналист канала RT – министру иностранных дел ФРГ: «Господин Штайнмайер, почему игнорируется точка зрения Москвы в украинском кризисе и доказательства, которыми она подкрепляет свои позиции?» Лавров – журналисту: «Вас скоро и в Германии не будут транслировать» (совместная пресс-конференция С. В. Лаврова и министра иностранных дел ФРГ Франка-Вальтера Штайнмайера, 18.11.2014). Заметим, что пресс-конференция состоялась в период закрытия RT в Аргентине и Великобритании. В обращении к журналисту главы МИД РФ происходит отсылка к недавнему решению о запрете вещания RT в Великобритании и акцентируется внимание на справедливый, но провокационный вопрос, произнесенный журналистом RT в адрес Ф.-В. Штайнмайера. Иронически код строится на отсылке к конкретной личности, оценки действия, одобрения через порицание и причинно-следственной связи.

Для высказываний С. В. Лаврова характерна метафоричность, яркая образность и сопоставление абсолютно разных явлений. При анализе следующей публикации можно говорить о комическом эффекте, который основывается на игре смыслов, выраженной в переносе акцентов: «Вальс, по определению, это хождение по кругу. Вальс поэтому не подойдет. Танго – ну, там тоже есть какие-то резкие движения. Твист у нас уже был. Поэтому – два шага вперед, один шаг назад. Тенденция абсолютно позитивная» (Интервью радиостанции «Эхо Москвы»¹ 02.03.2011). Так охарактеризовал С. В. Лавров отношения между США и РФ:

¹ Радиостанция ликвидирована 03.03.2022 в связи с обвинениями в призывах к экстремистской деятельности.

перенос политических отношений в сферу искусства, яркие метафоричные образы – способы передачи иронического кода, верное дешифрование которого отчасти будет зависеть от того, понимает ли реципиент разницу между вальсом и твистом, сможет ли провести параллели между дипломатическими отношениями между Россией и США. Иронический код осознается адресатом через декодирование когнитивной метафоры, при использовании риторических фигур происходит апеллирование к метафорическому переносу и семантической несовместимости.

Таким образом, ирония как особое когнитивно-вербальное явление, семасиологически организованная изменением смежности смыслов или форм (вплоть до их несовместимости) и имеющая многочисленные варианты репрезентации, оказывается не только языковой рамкой современного политического дискурса, но и неким культурным кодом взаимодействия властных структур и общества, при этом способ синтагматического оформления часто играет главенствующую роль, демонстрируя корреляцию иронического кода высказывания и его конечной (перлокутивной) цели.

Выводы по главе 2

1. В последние десятилетия трансформировался подход к пониманию политического дискурса: если ранее он ограничивался институциональным общением, происходящим исключительно в обществе политических деятелей, то в настоящее время политический дискурс обрамляет повседневную жизнь различных групп населения, вне зависимости от их профессии и социального статуса, тем самым *коллективное* авторство нередко заменяется авторством *персонифицированным*. В настоящий момент в российском политическом дискурсе есть несколько наиболее «ярких фигур», которые формируют политическую повестку, речевые шаблоны вопросов/ответов (вокруг которых выстраиваются новостные статьи, дискуссии, расследования и фиксируется активная ответная реакция масс) и, соответственно, которые являются некими «эталоном» субъекта современного политического дискурса. Иначе – политический дискурс сегодня одновременно и язык, как никогда «погруженный в жизнь», и контекст, и рефлексия общества по политическому поводу.

2. Современный российский политический дискурс отчетливо делится на два самостоятельных вида, у каждого из которых наблюдаются свои особенности. Базисным критерием разграничения следует считать продуктивность/репродуктивность политической деятельности в целом, что обуславливает возможность выделения *системного политического дискурса* (дискурса непосредственно политиков) и *дискурса каузальной атрибуции*, содержательно представляющего собой «пестрое полотно» рефлексии общества определенного политического действия/события/высказывания и др.

3. *Системный политический дискурс* в свою очередь делится на два подвида – *трафаретный политический дискурс* и *дискурс политической пропаганды*, – которые характеризуются различными целями, задачами, способами экспликации и реализуют разные функции, при этом объединяющим звеном оказываются первичность дискурсивных интеракций (именно здесь формируется политическая повестка и «задается» идеологическая направленность), тематический фактор и агенты/адресанты (спикеры). *Трафаретный* подвид политического дискурса направлен на коммуникацию исключительно внутри государственных

организаций: его специфика детерминирована целевой аудиторией (исключительно политические деятели), типом интеракции (официальные политические мероприятия), способом передачи информации (доклады, отчеты, письменные документы). *Дискурс политической пропаганды* связан с реализацией ключевой функции политики – установления и удержания власти в обществе, поэтому «создается» исключительно для общения с электоратом; он ориентирован на медийные ресурсы и потенциальных избирателей; его основные формы – всевозможные брифинги, интервью, публичные отчеты, прямые линии и т. п.

4. *Дискурс каузальной атрибуции*, будучи ответной реакцией и одновременно рефлексией дискурсивных практик пропаганды также включает в себя две группы (еще два подвида политического дискурса в целом): *дискурс идиомедийной рефлексии политической повестки* и *дискурс коллективной рефлексии политической повестки*, разграниченных на основании степени персонифицированности актора (который/-ые по отношению к системному политическому дискурсу, безусловно, оказываются адресатом[-ами] / клиентом [-ами]). Здесь объединяющим звеном оказывается «вторичность» дискурсивных интеракций, нередко совпадение оценочных позиций и, как следствие, схожесть лингвосемиотической и лингвопрагматической организации текстовых единиц. Специфическим признаком первого подвида оказывается авторство речевого продукта – осмысление и трансляция политических воззрений медийными лицами посредством личных YouTube-каналов или иных средств передачи информации большому количеству людей. Для второго подвида дискурса каузальной атрибуции характерна определенная фольклорность, отсутствие «закрепленных» площадок для реализации (даже хаотичность); представлен он многочисленными формами коммуникации – личными сообщениями, разными комментариями, перепиской в неофициальных группах, в социальных сетях и т. д.

5. Определенное «переструктурирование» политического пространства с выделением роли конкретного субъекта и формированием широкого «полотна» оценочной ответной реакции обусловило необходимость выбора акторов системного политического дискурса, чьи политические заявления / выступления оказываются неким «триггером» дискурса каузальной атрибуции. Критериями

данного выбора стали статистические параметры «медийной презентации» политика (количество подписчиков в различных социальных сетях; упоминаемость имени в СМИ и др.), результаты социологического опроса (основной показатель – узнаваемость речевых продуктов политиков гражданским обществом; число респондентов – более 300) и анализ рейтинга медийных изданий, основной контент которых составляют политические процессы и реалии. «Наложение» итоговых матриц стало основанием для выбора определенных дискурсивных практик и описания специфики тестовых единиц с ироническим кодом, представленных в современном российском политическом дискурсе в целом.

б. Формирование и рецепция иронического кода выстраивается на асинхронии между смыслом текста и его формой, амбивалентности формы/содержания, на *сочетании несочетаемого* путем синкретизма вербальных единиц, принадлежащих к разным уровням языка, и даже нескольких знаковых систем, что и составляет семасиологическую сущность иронии и основу ее лингвопрагматических характеристик. Выявляемая в акте коммуникации «диспропорция» вербальных/невербальных знаков предоставляет обширные средства адресату для вычленения разнообразных семантических функций – как эксплицитных, так и имплицитных, поскольку при создании иронического кода автор намеренно скрывает прагматические цели, ведь само явление иронии и есть сокрытие истины. Соответственно, иронический код представляет собой не только и не столько «свертку» истинного смысла высказывания, сколько «маскировку» автора, его образа, подлинных мыслей и т. д., что нередко дает намного больше информации об адресанте, нежели прямое, истинное обозначение фактов. Варьирование же способов выражения может зависеть от автора, ситуации, типа текста, его генристической принадлежности и многого другого, что одиночно или в совокупности «отвечает» за порождение иронической модальности. Иначе, ироническая модальность – это вербальное проявление (*локутивный акт*) внетекстовых целей/задач (*иллокутивного акта*), которые предполагает решить автор, если слушатели или читатели верно интерпретируют его речь (*перлокутивный акт*).

7. Иронический код придает ассиметричному знаку добавочный контекстуальный смысл, который и есть вторичная номинация. Когнитивное содержание знака формируется через номинативное значение и контекстуальный смысл, который образуется в итоге синтагматической словосочетаемости. Двуплановость знака языка дает возможным рассуждать о *неконгруэнтности* нескольких языковых «пластов» – содержательного и функционального: содержательный пласт проще функционального, он омонимичен и в нем меньше единиц; функциональный же полиформен и многогранен. Контекстуальное «наложение» этих двух пластов приводит к созданию нового смыслового пространства, а иронический код в данном разрезе оказывается средством порождения акцессорных значений в предложении.

8. Когнитивно-прагматический механизм создания/рецепции иронического кода в политических интеракциях оказывается аналогичным, но в силу «погруженности» всех участников коммуникации в «повестку дня» и собственных (не всегда совпадающих) пропозициональных установок ироническое высказывание может иметь совершенно иной перлокутивный эффект. Так, автор создает изначальный тезис в своей лингвосемиотической системе и одновременно «прочитывает» систему интерпретирующих шифров возможного реципиента (к ним могут относиться экстралингвистические факторы, такие как национальность, социальная роль / статус, уровень владения языком, знание прецедентных текстов и многое другое). В результате осознания шифры перекодируются и ассимилируются семиотической системой адресанта в некоем «деформированном» варианте, при этом возможна утрата ряда семантических компонентов. Важно, что при всех семиотических изменениях, «смысловой конструкт» не меняется, а лишь подвергается перекодированию. Это *процесс создания* иронического кода. После этого иронический код транслируется и «переходит» в лингвосемиотическую систему реципиента. На этом этапе важно, чтобы иронический смысл корректно «сопрягался» с экстралингвистическими знаниями адресата, которые позволяют «распознать» смыслы, заложенные в него автором. С помощью данной перекодировки выявленный иронический код опознается и в свою очередь

генерирует в сознании получателя тезис, на который тот и реагирует. Ожидания адресанта и реакция реципиента прямо пропорциональны эффективности рецепции иронического кода: если реакция слушателя совпадает с ожиданиями автора, то перлокутивный эффект иронии достигает 100%; чем больше разница между реакцией и ожиданиями, тем меньше процент эффективности. На совпадении 'ожиданий и реальности' базируется не только успешность иронического высказывания, но и сама сущность иронического кода.

9. Некорректность декодирования иронического кода – ироническое фиаско – обуславливается как «вмешательством» внешних факторов, не зависящих от коммуникантов (шумы, перебои вещания, опечатки и т. д.), «расхождением» у автора и реципиента экстралингвистических параметров (культура, религия, национальность, социальное положение и т. д.), когнитивным несоответствием (ироник строил ироническое высказывание на «столкновении» в картине мира ожиданий и реальности, но оказалось, что в картине мира адресата таких расхождений нет), так и намеренным избеганием адресатом понимания иронического кода (с целью перевести разговор на другую тему) и неправильной интерпретацией категории 'образ автора', включающей в себя три «ипостаси» (производитель речи, субъект повествования и собственно образ автора) и являющейся «посредником» в передаче социальных, культуроспецифических, аксиологических и других суждений производителя текста.

10. Многоярусность смыслов, определенное противоречие в логике высказывания, выявляемые при рефлексии иронического кода, формируют образ субъекта/объекта высказывания и отношение к нему, тем самым автор иронического высказывания становится неким манипулятором сознания своей аудитории, «вкладывающим» стереотипы относительно политических процессов/деятели (неслучайно иронический код в политическом дискурсе часто используется для дискредитации объекта), а сама ирония оказывается *языковым «посредником»* психологического воздействия на массы, что активно используется в политическом дискурсе – как в системном его виде (в первую очередь, в дискурсе

политической пропаганды), так и в дискурсе каузальной атрибуции (в большей степени – в дискурсе идиомедийной рефлексии политической повестки).

В свете описанного представляется интересным выявить основные лингвистические средства и приемы экспликации иронического кода, о чем и пойдет речь в 3-й главе.

Глава 3. ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ СПОСОБОВ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ИРОНИИ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОЯЗЫЧНОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Как было описано ранее, языковые средства экземплификации иронического кода весьма многообразны, что обусловлено не только категориальной сущностью иронии как комического приема и/или авторской манерой речепорождения, но и синтагматической организацией высказывания с ироническим кодом, где сам способ конструирования оказывается значимым для выделения эмфатического центра данного высказывания. В этой связи иронический код «передается», как правило, не отдельным языковым знаком, а неким синергетическим композитом, включающим в себя вербальные единицы, которые «механически» можно отнести к разным уровням русской языковой системы, однако получить яркий, единый, запоминающийся образ и «полноценно» дешифровать иронический код возможно лишь объединив ряд определенных языковых средств.

В ходе исследования было проанализировано более 2500 текстовых единиц, демонстрирующих иронический контекст политических интеракций, в диссертационной работе представлены наиболее яркие примеры и их описание.

3.1. Экспликация иронического кода в системном виде политического дискурса

Для последующего анализа системного вида политического дискурса необходимо очертить ореол его функционирования, где и кем он используется. Напомним, что, с нашей точки зрения, только этот вид совпадает с определением политического дискурса в целом, данного Т. А. ван Дейком: «Это дискурс политиков, реализуемый в виде правительственных документов, парламентских дебатов, партийных программ, речей политиков [Перельгут: эл. р.]», то есть это исключительно институциональный дискурс, не выходящий за рамки узкого профессионального сообщества.

В еще большей степени данное определение описывает ситуацию общения внутри трафаретного подвида политического дискурса. Закрытость и элитарность затрудняют поиски материала: личная переписка, рапорты, объяснительные и пр.

не публикуются в СМИ, не афишируются на сайтах ведомств. Однако на официальных правительственных сайтах (Администрации президента, Государственной думы, Московской городской думы, сайты министерств) представлены следующие документы: указы, распоряжения, приказы, законопроекты, стенограммы, отчеты о работе, планы работ, заключения о докладе, протоколы заседаний и т. д. Проведя анализ перечисленных видов документов, мы не обнаружили экспликации иронического кода ни в одном из них. Далее мы обратились к записям совещаний, встреч представителей властных структур, обращений президента к Федеральному Собранию и т. д. Мы просмотрели 100 видеозаписей официальных политических заседаний, однако иронический контекст присутствовал только в 10 из них. Отметим, что позволял себе иронизировать над коллегами только глава государства. Вопреки ожиданиям, мы не встретили иронии в речах В. В. Жириновского, С. В. Лаврова и М. В. Захаровой, которые являются лидерами иронического общения с медийными ресурсами. Приведем несколько примеров:

1. 26 сентября 2021 г. состоялась видеовстреча В. В. Путина с руководителями партий, прошедших в Государственную думу VIII созыва (В. В. Жириновским, Г. А. Зюгановым, С. М. Мироновым, Д. А. Медведевым и А. Г. Нечаевым). Во время ожидания подключения к встрече президента между В. В. Жириновским и С. М. Мироновым произошел диалог:

«В. В. Жириновский: им нечего сказать!»

С. М. Миронов: хорошо смеется тот, кто смеется последний.

В. В. Жириновский: последний перед арестом в камеру идет, последний!».

Во время произнесения В. В. Жириновским последней фразы в кабинет входит В. В. Путин и останавливает перепалку фразой: *«Владимир Вольфович, Вы как-то мрачновато шутите, хотя день такой, в принципе хороший»* (26.09.2021). Это пример личной, свободной беседы политиков. В самом по себе ответе В. В. Жириновского не заложено иронического смысла, фраза предполагалась как резкий выкрик в сторону соперника для завершения разговора. Однако неожиданно в диалоге появляется третий участник, который до этого момента не присутствовал,

и трансформировал заявление В. В. Жириновского. Иронический код в данном случае эксплицируется наложением фонетического средства (интонирование) на стилистические фигуры: аллюзия – президент под выражением *«хотя день такой, в принципе хороший»* дает отсылку к оглашению результатов голосования; антитеза – *«мрачновато»* VS *«хороший день»*; риторическое обращение – президент не ожидает услышать ответа от В. В. Жириновского, а произносит его фамилию с целью привлечения внимания как к своему появлению, во-первых, но и одновременно обращается к В. В. Жириновскому, дабы заставить врасплох всех присутствующих и обратить всеобщее внимание на говорившего; умолчание – президент не сказал для кого день *«в принципе хороший»* – для В. В. Путина, В. В. Жириновского или всех. Учитывая итоги выборов, день для В. В. Жириновского и Г. А. Зюганова не оправдал ожиданий, так что можно говорить экспликации многоуровневого иронического кода в одном небольшом предложении.

Интересно отметить, что во фразе В. В. Жириновского стилистических фигур, с помощью которых чаще всего формируется иронический код больше, чем в высказывании В. В. Путина, однако таковой эффект отсутствует по ряду причин: (1) интонация; (2) репутация личности автора; (3) коммуникативная цель.

2. Для анализа второго примера необходимо погрузиться в контекст ситуации и вернуться в 2010 г. 2 декабря в Цюрихе на заседании исполкома ФИФА объявили о проведении Чемпионата мира по футболу – 2018 в России. С торжественной речью выступил В. Л. Мутко, на тот момент являвшийся министром спорта и главой Российского футбольного союза. Доклад был написан частично на английском языке, частично – транскрипцией. В. Л. Мутко, вероятно, недостаточно владел английским языком и прочитал доклад с типичным русским акцентом, а его фраза: *«Лет ми спик фром май харт»* стала крылатым выражением именно благодаря характерному, можно сказать, школьному русскому акценту. Спустя 5 лет, в 2015 г. В. В. Путин, во время открытия заседания президентского совета по развитию физкультуры и спорта, подарил В. Л. Мутко самоучитель английского языка со словами: *«У Виталия Леонтьевича Мутко сегодня день рождения, хочу поздравить его с этим событием. Поскольку Виталий Леонтьевич у нас*

занимается не только нашей деятельностью, не только наш футбол возглавляет, но и по международной линии активно функционирует, хочу подарить ему самоучитель английского языка» (08.12.2015). Данный пример является, пожалуй, самым ярким проявлением иронии на закрытых политических мероприятиях с участием президента. Неожиданность такого подарка усиливает ироническое звучание, ведь если бы президент сделал такой сюрприз в год произнесения знаменитой речи В. Л. Мутко или на следующий, то это воспринималось как троллинг, но по прошествии 5 лет это стало своего рода ироничным напоминанием о давнем казусе. Перед нами креолизованный текст с ироническим кодом, «окутывающим» всё событие, и больше проявленный на экстралингвистическом уровне, нежели непосредственно в речи. В данном случае слова лишь сопровождают ироническое событие, а не создают его. Это яркая иллюстрация суггестивной функции иронии.

Однако случаются ситуации, когда ирония появляется незапланированно и проявляется не в языке, а в политических событиях. Например, 21 сентября 2021 г. в Екатеринбурге на пост главы комиссии по развитию образования, науки, физической культуры, спорта и *молодежной политики* назначили 73-летнюю Л. П. Боркову. В самом действии властей – назначении кого-то на пост главы комиссии нет никакого иронического подтекста, но при погружении в контекст ситуации ирония проявляется и на текстовом и на экстралингвистическом уровнях. Естественно, что инцидент не остался незамеченным СМИ и народом, примеры дискурса каузальной атрибуции приведем в следующем параграфе.

Случается, когда иронический код используют намеренно через какие-либо действия, например, в июне 2022 года правительством Москвы было принято решение о переименовании улицы, на которой находится Посольство США. Ранее Посольство располагалось по адресу: Большой Девятинский пер., 8. Теперь же адрес звучит так: *Площадь Донецкой Народной Республики, дом 1, строения 1-9*. Вне политического контекста иронический код отсутствует, так как в самом факте переименования улицы нет ничего необычного, но стоит погрузиться в

политические перипетии лета 2022 года и скрытый иронический код становится явным.

На дискурс политической пропаганды возложены особые функции, успешно реализовать которые политики способны лишь изменив свое речевое поведение. Этим объясняется на первый взгляд более лёгкое, раскрепощённое общение с прессой, чем между собой в рамках официальных мероприятий. Об этих функциях мы говорили ранее. Он характеризуется полемичностью, открытостью, допускаются сниженные коллоквиализмы и разговорная лексика. Политики переходят с языка «чиновников» на язык «народный» с целью интеграции с электоратом и общения «на равных». Дискурс политической пропаганды широко представлен на государственных каналах и страничках чиновников в социальных сетях. Популярность иронии в данном виде дискурса объясняется ее главными функциями, выделенными нами ранее: суггестивность, уклончивость от прямого ответа, манипулятивность общественным сознанием, диффамация оппонента (наиболее часто встречается во время дебатов) и т. д.

Наиболее ярким примером является диалог В. В. Путина с жителем села Бельго Хабаровского края, который произошел во время «Прямой линии с президентом» 2014 года:

- *Здравствуйте, Владимир Владимирович.*
- *Здравствуйте.*
- *У меня вот такой вопрос: я – автолюбитель, плачу транспортный налог, 4 тысячи, а дороги нет.*
- **смех**
- *и у нас, вот, от села до Бельго, до федеральной трассы 50 км.*
- **перебивает. Смеётся* зачем же вам машина, если нет дороги? Где вы ездите? Это провокация какая-то прям. *смех**
- *Это не провокация. Владимир Владимирович, это просто у нас такой наболевший вопрос (17.04.2014).*

Данный пример иллюстрирует острую иронию, такой эффект базируется на невербальных (смех, стремление перебить) и экстралингвистических средствах

(очень важная деталь диалога – социальные роли говорящих; если бы подобный диалог произошел между людьми, равными по социальному и финансовому статусу, проживающих в одном селе, то это была бы лёгкая, безобидная ирония). В 2016 году М. М. Касьянов во время теледебатов перед выборами в Государственную думу VII созыва, прокомментировал данный диалог: *«Вот это государственный подход к решению инфраструктурных вопросов»* (26.08.2016). Это также пример использования иронии в дискурсе политической пропаганды с целью диффамации политического соперника.

Проанализируем с лингвистической точки зрения оба примера. В первом президент использует антитезу, противопоставляя необходимость машины при отсутствии дорог; вопрошение (риторический вопрос); гипотипозу и каламбур, таким образом нивелируя проблему; литоту и мейозис, преуменьшая значимость уплачиваемого налога; поправление с целью остановить собеседника, дав понять, что проблемы нет и можно переходить к следующему вопросу; иронический перифраз и умолчание – ответа на поставленный вопрос так и не был дан. Из фонологических средств используется интонирование.

В иронии М. М. Касьянова наличествуют: утвердительная, одобрительная интонации; апосиопезис, маркируемый просодически; плока, то есть слова приобретают противоположный им смысл; цитату – на ней базируется вторая часть высказывания, без знания прецедентного высказывания отдельно взятая фраза *«вот это государственный подход к решению инфраструктурных вопросов»* не имеет иронического подтекста.

Оба примера мы обнаружили в архивах государственных телеканалов. Следующий пример – слова М. В. Захаровой:

- «– Папа, а ты за кого в 2021 году голосовал?*
- За коммунистов, сынок.*
- Ты был коммунистом?*
- Нет, я был либералом.*
- А либералы за коммунистов?*
- Нет, они категорически против коммунистов.*
- А коммунисты за либералов?*
- Нет, они категорически против либералов.*

- *А коммунисты какое место заняли?*
- *Второе.*
- *А либералы?*
- *Никакое.*
- *А зачем тогда ты за коммунистов голосовал?*
- *Это было умное голосование.*
- *А первое место кто занял?*
- *Те, кто были против умного голосования.*
- *Может, надо было тоже быть против умного голосования?*
- *Нет, сынок, надо быть принципиальным и не изменять идеалам, в которые веришь»¹.*

Данный пример иллюстрирует нетривиальную форму «облачения» иронического кода в анекдот. Мы неоднократно встречали этот приём у В. В. Путина, однако он цитирует анекдот как фольклорный жанр, а М. В. Захарова, (отметим, что это первый случай ее погружения в жанр анекдота) сама является автором. На это нам указывает дата публикации – день объявления результатов, итоги выборов и отражение уникальных явлений, характерных исключительно для выборов в Государственную думу 2021 года. Иронический код строится на экстралингвистических факторах и будет верно интерпретирован лишь подготовленными читателями, следящими за политической повесткой в целом, а не только за конкретным событием.

С точки зрения применения иронии в дискурсе политической пропаганды данный пример является очень интересным и показательным, так как объединяет тонкую, едва уловимую диффамацию протестного способа влияния на электорат («Умное голосование»)² и явное (хотя и завуалированное, так как название партии не фигурирует в тексте) возвышение победителей, к чьей партии относится М. В. Захарова. Интересен пример и с точки зрения подачи информации: благодаря обезличенности персонажей у читателя не формируется прямая ассоциация с М. В. Захаровой. На языковом уровне ирония создается при объединении нескольких стилистических фигур, все из которых в большей или меньшей степени создают эффект противопоставления: акротеза, анадиплозис, анафора, антитеза,

¹ URL: <https://www.facebook.com/maria.zakharova.167/posts/10226873938464180>. Дата публикации: 21.09.2021.

² Запрещено на территории РФ.

апострофа, вопрошение, гипотипоза, градация, каламбур, кольцо, коррекция, оксюморон, парцелляция, повтор композиционный.

Следующие примеры – выдержки из различных выступлений В. В. Жириновского. Вопреки ожиданиям в его речах ирония – не самый популярный прием передачи информации.

1. *«После начисления пенсии бывшему президенту средняя пенсия по Российской Федерации резко выросла»¹.*

2. *«Наши СМИ должны говорить правду в усечённом виде»².*

3. *«Откуда у меня "Майбах"? Из Германии»³.*

4. *«Это процесс, и мы должны участвовать. Дело не в том, победа – не победа, если политическая партия не участвует в выборах – она просто не нужна, если человек просто не участвует, то зачем он нужен. Артисты годами выходят на сцену, это их жизнь»⁴.*

5. *«Как только повышают детские пособия, так резко вырастает спрос на алкогольную продукцию. Но дети-то не пьют!»⁵.*

У всех вышеперечисленных примеров есть одна общая особенность – вторя часть предложения или целой фразы по смыслу противоречит первой. Таким образом фраза приобретает образность, индивидуальность, быстро запоминается. Наиболее часто В. В. Жириновский для создания иронии использует такие стилистические фигуры, как анаколүф, антитеза, парцелляция, коррекция и остроумие. Лишь в третьем примере помимо вышеперечисленных стилистических фигур использована гипотипоза – в ответе В. В. Жириновского на вопрос, который предполагал раскрытие финансового положения, представлено буквальное, наглядное изображение предмета; вопрос «откуда?» интерпретирован в его дословной вариации, которая предполагает ответ в какой стране/ городе был

¹ URL: https://crimea.ria.ru/20210425/O-Kryme-Rodine-i-zapakhe-Ukrainy-epichnye-frazy-Vladimira-Zhirinovskogo_-1118209516.html

² URL: <https://www.inpearls.ru/%D1%81%D0%BC%D0%B8?page=4>

³ URL: <https://www.maximonline.ru/longreads/samye-yarkie-citaty-vladimira-zhirinovskogo-id714800/>

⁴ URL: <https://xn--h1auk5a.xn--p1ai/lyudi/frazy-zhirinovskogo.html>

⁵ URL: <https://yamal.ldpr.ru/event/116424>

куплен или построен автомобиль. Таким образом В. В. Жириновский уходит от провокационного вопроса и переходит к следующему.

Результатом анализа системного вида политического дискурса стало несколько диаграмм, отражающих:

- 1) процентное соотношение экспликации иронии в трафаретном политическом дискурсе и дискурсе политической пропаганды (График 16);
- 2) количественные показатели частотности использования высказываний с ироническим кодом определенными политическими деятелями.

График 16 – Экспликация иронического кода в политическом дискурсе первичной интеракции (системный политический дискурс)

Очевидно, что в дискурсе политической пропаганды, в отличие от трафаретного дискурса, иронический контекст актуализируется гораздо чаще – в 55% текстов и скриптов выступлений. Это объясняется различными целями: в трафаретном отсутствует необходимость «заигрывания» с аудиторией, что является необходимостью в дискурсе пропаганды; нет необходимости делать свою речь яркой, образной, так как официальные доклады имеют строгую структуру и клишированность. Помимо этого, существует строгая иерархичность системы, не предполагающая каких-либо иронических высказываний в адрес коллег, у иронии отсутствует определенный адресат, а самоирония в политическом дискурсе

встречается крайне редко как в трафаретном, так и в дискурсе политической пропаганды.

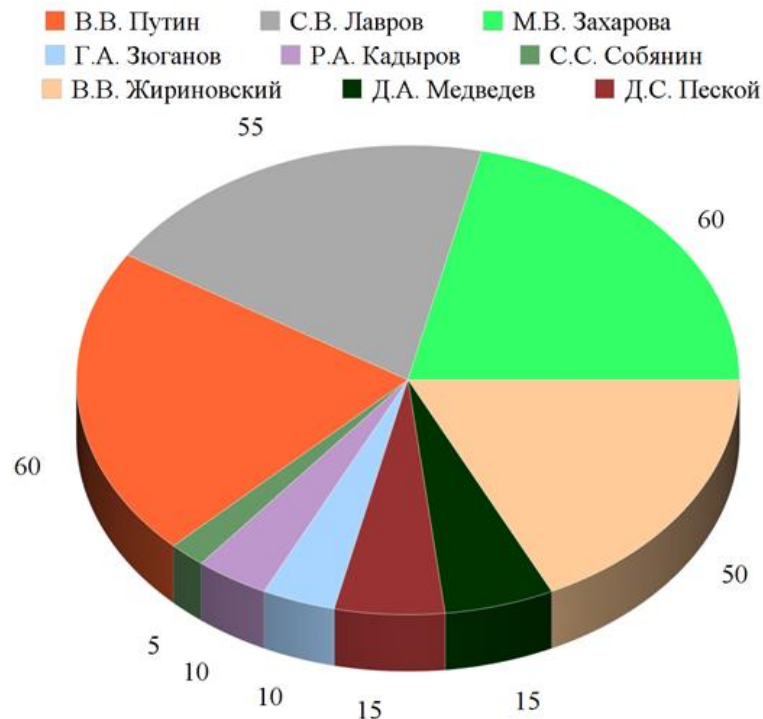

График 17 – Квантитативные показатели частотности использования высказываний с ироническим кодом определенными политическими деятелями

На графике в процентном соотношении отображено в скольких из 100 проанализированных нами текстов встречаются высказывания с ироническим кодом. Согласно результатам исследования, можно сделать вывод, что позволить себе «использование» иронии могут чиновники с высоким политическим статусом, узнаваемостью, находящиеся на своей должности довольно длительный срок и имеющие сильное политическое влияние. В современном политическом дискурсе речи с ироническим модусом свойственны В. В. Путину, С. В. Лаврову и М. В. Захаровой (стоит отметить, что в отличие от коллег М. В. Захарова позволяет себе острую иронию в социальных сетях чаще, чем на брифингах или интервью). В этой связи далее в работе мы будем обращаться в качестве примеров к цитатам В. В. Путина, С. В. Лаврова, М. В. Захаровой и В. В. Жириновского, частотность использования высказываний с ироническим кодом у которых более 50%. Д. С. Песков, Р. А. Кадыров, С. С. Собянин и Г. А. Зюганов прибегают к иронии крайне

редко, поэтому примеры их иронических выступлений являются, скорее, исключениями из правил.

Отдельно выделим личность Д. А. Медведева: при том, что ирония встречается лишь в 10 его текстах из 100, он чрезвычайно популярен в дискурсе каузальной атрибуции. Это означает, что частотность иронических высказываний в системном политическом дискурсе не имеет прямой пропорциональной зависимости с ответной реакцией СМИ и народа на выступления, заявления или действия политиков.

3.2. Экспликация иронического кода в политическом дискурсе каузальной атрибуции

Специфическим маркером политического дискурса каузальной атрибуции является особый вид текста с ироническим кодом, который мы назвали *поликодовой иронией*.

Изучив труды по данной теме, мы определили наиболее часто выделяемые типы креализованных текстов, можно сказать, классические их вариации – плакат, агитационная листовка, карикатура. Обратимся к мнению Ю. А. Антоновой, утверждавшей, что «креализованные тексты играют особую роль при реализации определенных коммуникативных стратегий и тактик: способствуют увеличению суггестивного потенциала публикации» [Антонова, 2007, с. 9]. Исследовательница подразумевает плакат или листовку, цель которых – привлечь внимание, убедить и побудить к решительным действиям.

По нашему мнению, реализация креализованных текстов в современном мире смещается с традиционной, о которой мы упоминали ранее, к «дисплейным текстам» [Костомаров, 2019, с. 61–64]. Это связано с повсеместным переходом общества из офлайн новостного пространства в онлайн. Современный креализованный текст часто воплощен в мемах, однако, несмотря на трансформацию способа и места передачи информации, функции остаются прежними – привлечение внимания и побуждение к действию. Мемы, благодаря графическому компоненту и погруженности в интернет-среду являются наиболее действенными, так как распространяются моментально

(пересылаются в чатах, публикуются на сайтах, в соцсетях и т. д.), действуют на эмоциональном уровне и приобретают множество вариаций.

С. С. Фоминых предложил следующее определение плаката: «Ориентированное на оптическое воздействие средство коммуникации, состоящее, как правило, из двух различных семиотических кодов: вербального и изобразительного» [Фоминых, 2009, с. 123], что, по нашему мнению, оно отлично подходит для дефиниции современного политического мема, с тем лишь дополнением, что мем, как правило, содержит иронический подтекст.

Мем – отклик на политические события, действия властей; «противоядие» от негативных новостей, в основе которого лежит категория комического. (Вспомним слова А. В. Дмитриева: «Юмор – пятая ветвь власти» [Дмитриев: эл. р.]). Мем – современная реализация политического юмора, который уже стал неотъемлемой частью политической коммуникации. Апеллирование к прецедентным событиям – обязательное условие для дискурса каузальной атрибуции, поэтому мем всегда имеет отсылку к известной личности, фразе или происшествию. Мем может объединять в себе несколько жанров – карикатуру, плакат, призыв, лозунг. В контексте изучения политического юмора нельзя не вспомнить работы М. М. Бахтина, посвященные смеховой культуре. Исследователь выделил основные черты карнавального смеха, которые по сей день являются базисом иронических практик в дискурсе каузальной атрибуции: всенародность, универсальность и амбивалентность [Бахтин, 1986]. Именно на эти три критерия мы опирались при анализе материала и отнесения его к ироническим коммуникативным модуляциям.

Ирония базируется на двойном кодировании, сопоставлении нескольких текстуальных стилей, цитировании, сравнении, применении прецедентных текстов, окказионализмов, пародий, что детерминирует возможность истолковывать иронию вариативно.

Функции иронии в контексте дискурса вторичной интеракции могут варьироваться в зависимости от ситуации, однако выделяются три из них, наиболее часто встречающихся. Первая – это скрытое нападение на оппонента, выражение агрессии. Ирония придает политическому тексту образность, яркость, он

становится более запоминаемым и эффективнее воздействует на аудиторию. Второй значимой функцией иронии можно считать языковое самовыражение политика/журналиста – передачу его личностного отношения к ситуации. И третья функция, наиболее часто проявляемая в интернет-мемах, – придание политической новости юмористического эффекта.

Поскольку современный политический дискурс транслируется в СМИ и социальных сетях и, соответственно, данные средства передачи информации являются неотъемлемой частью политического дискурса, то создаваемый коммуникативный портрет напрямую адресуется народным массам: «медиаресурсы становятся не только средой и средством ее существования, но и выступают как субъекты политической деятельности. Соответственно, политический дискурс XXI в. включает в состав участников новые группы носителей языка и приобретает новые формы, позволяющие актуализировать и транслировать даже такие виды политической деятельности, которые ранее не получали легитимных форм проявления» [Боженкова, 2019, с. 76–92]. Неудивительно, что ирония постепенно заполняет не только информационное пространство социальных сетей, но и, реализовываясь в мемах, становится частью развлекательного контента.

В настоящий момент мемы – один из самых популярных и распространенных интернет-феноменов. Нередко они становятся средствами политической пропаганды или, наоборот, дискредитации оппонента. Интернет-мемы могут быть выражены в различных форматах: коротких видео, картинках с подписью, текстах, лозунгах и т. д., но наибольшую популярность приобрел мем-картинка: как правило, это черный квадрат с фотографией известной личности в центре и ироничного текста.

В. А. Глухих и С. М. Елисеев отмечают, что «использование интернет-мемов в избирательных кампаниях как тенденция возникла относительно недавно и представляет собой новый тренд в современной политике» [Глухих: эл. р.]. Анализ крупнейших политических событий, в том числе и выборов (мэра Москвы в 2013 и 2018 гг., выборы президента РФ в 2018 г., выборы в Московскую городскую думу в 2019 г.) подтвердил тезис В. А. Глухих и С. М. Елисеевой о том, что мемы

являются сильным инструментом политического воздействия и играют значительную роль в формировании политического контекста.

Для дальнейшего описания необходимо подчеркнуть, что политические мемы можно рассматривать с различных аспектов: как фольклорное явление, которое выражает отклик народа на различные политические события или высказывания; как PR-кампанию политиков и их команды. В первом случае – это стихийное, неуправляемое и бесконтрольное явление, а во втором случае создание каждого мема имеет определенную цель (управление общественным сознанием, наделение конкретного политика хорошими или негативными качествами), входит в стратегию целой пиар-кампании.

Именно второй случай является идеологическим вектором создания поликодовой иронии, реализующей ряд функций.

Первая, наиболее важная функция поликодовой иронии – выражение мнения. Этому способствует простор социальных сетей: «Интернет-среды как пространства открытого общения, обсуждения и выражения мнения» [Галинская, 2013, с. 91]. Мемы часто носят остроиронический характер, люди позволяют себе писать то, что они думают на самом деле, пренебрегая этическими правилами и не боясь осуждения. Такой феномен связан с анонимностью мемов. Это тот редкий случай, когда народ перестает быть пассивным реципиентом политической информации, он может сам формировать иронически-политическое пространство, объединяясь в интернет-сообществах, комментируя статьи интернет-СМИ и распространяя мемы в социальных сетях.

В качестве примера приведем мем 2018 г., посвященный выборам Президента РФ (Рисунок 13). В меме использованы фотографии двух кандидатов (В. В. Жириновского и К. А. Собчак) с ироничной подписью *«Неужели эти двое – лучшее, что мы можем предложить???»*. Очевидно, что автор выражает ироническое отношение к кандидатам в президенты, одновременно использовав в одной короткой фразе несколько стилистических фигур. Сразу после прочтения обращаем внимание на риторический вопрос и риторическое обращение. Также в меме использован мейозис, усиливающий умаление достоинств кандидатов, он

проявлен как в нарочито неприглядных фотографиях, так и в сопроводительной подписи к ним. Помимо этого, данный мем – яркий пример наиболее часто встречающейся стилистической фигуры, использующейся в политических интернет-мемах для создания иронического кода – отвлечение, т. е. задаваемый вопрос как бы произносится от лица аудитории, в данном случае народа, и предполагает ответ от лица говорящего, здесь – Центральной избирательной комиссии РФ. Поликодовость иронии в данном примере осуществляется с помощью взаимосвязи изображения и нескольких стилистических фигур.

Рисунок 13

Второй пример выражения мнения через поликодовую иронию в медиаполитическом пространстве также связан с выборами Президента Российской Федерации (Рисунок 14). В данном примере когнитивно-языковой базой является аллюзия, антитеза, т. е. оппозиционный кандидат в президенты (П. Н. Грудинин) противопоставляется нынешнему президенту (В. В. Путину); гипотипоза – в меме наглядно продемонстрирован предмет иронии; концессию – зрителю не представлена третья картинка, изображающая возмущение П. Н. Грудинина, значит такое «преображение» его вполне устраивает; мейозис – кандидат в президенты не отстаивает свои достоинства, возможные преимущества.

Рисунок 14

В качестве еще одного примера приведем мем 2018 г., посвященный выборам Президента РФ (Рисунок 15). В меме использованы фотографии всех кандидатов, кроме В. В. Путина, В. В. Жириновского и К. А. Собчак, т. е. (слева направо) П. Н. Грудина, С. Н. Бабурина, М. А. Сурайкина, Б. Ю. Титова и Г. А. Явлинского с ироничной подписью «*Кто. Эти. Люди?*». Очевидно, что автор выражает ироническое отношение к кандидатам в президенты, одновременно используя в одной короткой фразе несколько стилистических фигур. Сразу после прочтения обращаем внимание на риторический вопрос и риторическое обращение. С помощью парцелляции автор интонационно подчеркивает несерьезность конкурентов В. В. Путина, участвующих в предвыборной гонке. Паузирование (как интонация парцеллирования) подчеркивает ироническое отношение не только к людям, изображенным на картинке, но и к предстоящим выборам, их прогнозируемым результатам. Также в меме использован мейозис, проявленный в вербальном сопровождении и усиливающий умаление достоинств кандидатов. Здесь также, как и раньше, присутствует отествование, т. е. задаваемый вопрос как бы произносится от лица многочисленной аудитории, в данном случае народа, при этом образуется фигура риторического вопроса, поскольку ответ не предполагается. Поликодовость иронии в данном примере

осуществляется с помощью взаимосвязи изображения и нескольких стилистических фигур.

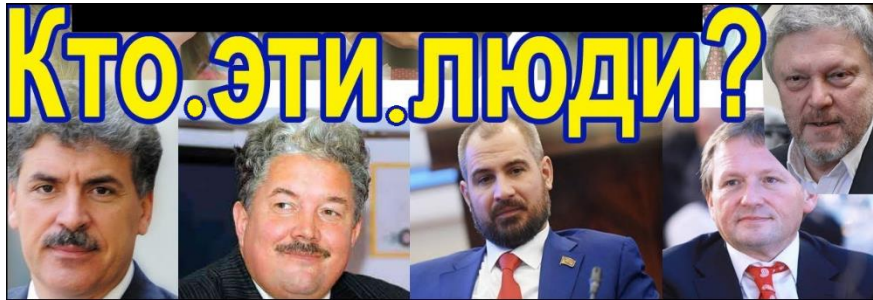

Рисунок 15

Вторая функция – выражение протеста – набирает всё большую популярность. Связано это с осложнением оформления согласованных митингов, организационными вопросами и т. д. Это способствует поиску новых платформ для высказывания мнения – более простых, но не менее действенных. Интернет – отличный вариант для выражения недовольства, а самое доступное средство – иронические мемы. В Интернете каждый может себе позволить подвергнуть осмеянию даже самых влиятельных политиков современности. Например, на Рисунке 16 объектом иронии являются результаты голосования в Госдуме, представленные в прямом эфире телеканалом «Россия 24». В меме использован скриншот таблицы, на которой указано количество голосов за каждую партию в процентном соотношении. Читатель обращает особое внимание на мем, так как в нем использованы риторическое обращение и апостроф, адресованные тому, кто в данный момент находится по ту сторону экрана, на это указывает личное местоимение «ты». Автор мема использует риторический вопрос для привлечения внимания пользователей интернета, ведь часто люди «скролят» и могут не обратить внимание на цифры, тем более не начнут их считать. Одновременно с вышперечисленными стилистическими фигурами в меме выступает сообщение, т. е. фигура, предполагающая вопрос, обращенный к аудитории и ответ от лица аудитории, пусть для себя самого, но человек мысленно скажет, что он либо не голосовал, либо проголосовал один раз. Все это создает противоречие, являющееся основой иронии.

Рисунок 16

На Рисунке 17 критическая ирония обрушилась на официальные «проправительственные» телепередачи. Д. К. Киселев в данном случае – собирательный образ всех телеведущих, транслирующих выгодную для правящей партии идеологию, представляющие все новости, события в позитивном ключе, не подвергая никакой критике. Иронический эффект создают несколько стилистических фигур. Аллюзия дает явную отсылку к прецедентным телепередачам. Гипотипоза использована для доведения ситуации до абсурда, что усиливает иронический эффект. Каламбур выражен во фразе Д. К. Киселева, одновременно с этим во второй части «полицодовой» иронии использованы остроумие, гротеск и пародия. Концессия – фигура уступки. Д. К. Киселев явно уступает президенту и пытается исправить ситуацию.

Рисунок 17

Еще один пример, иллюстрирующий вторую функцию поликодовой иронии также образован с помощью креализованного текста, соединяющий в себе прецедентный феномен – кадр из мультипликационного фильма «Том и Джерри» и риторический вопрос, содержащий аллюзию к проправительственным СМИ, включая передачу Д. К. Киселева, о которой мы упоминали выше (Рисунок 18).

**А теперь к важным
вопросам**

**Как переехать в Россию,
про которую рассказывают
по Первому каналу?**

Рисунок 18

Следующий пример (Рисунок 19) иллюстрирует ответную реакцию россиян на пакет новых санкций, введенных странами Евросоюза против России. В данном случае проводником поликодовой иронии является креализованный текст.

Невербальная составляющая мема (личность, мимика) дополняет риторические вопросы. Становится понятно, что их адресантом является В. В. Путин, а адресатами – политики западных стран. При прочтении второго риторического вопроса «а изоленты хватит?» в буквальном значении (гипотипоза) сразу несколько стилистических фигур – намек и аллюзия на общеизвестный факт. Также в данном примере поликодовая ирония базируется на параномазии, апострофе, вопрошении, гомеологии, заимословии, каламбуре, остроумии, эпиллеме и риторическом обращении.

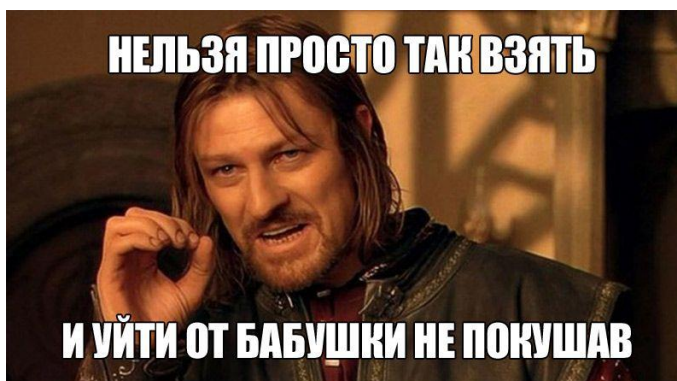
Рисунок 19

Третья функция «поликодовой» иронии – издевка, острота, осмеяние. Как писала М. Н. Пророкова: «Смех во все эпохи был мощнейшим политическим оружием» [Канашина: эл. р.]. В современном мире повсеместной цифровизации и дисплейного текста [Костомаров, 2019] консолидация иронии и одного из самых распространенных интернет-проявлений комического вполне закономерен. Такое слияние можно рассматривать как итог переосмысления политического информационного потока через призму юмора. Нередки случаи, когда объектом иронии становятся не только события, персоны, но и одиозные фразы политических деятелей, их поведение, внешний вид. Часто третья функция иронии достигается в мемах с помощью гротеска, гиперболы, сатиры, доведения ситуации до абсурда, использования прецедентных феноменов культуры. Для иллюстрации данной функции обратимся к Рисунку 20в.

«Поликодовая» ирония в данном случае проявлена с помощью креолизованного текста с элементом интертекстуальности, так как фраза заимствована из другого мема. Для погружения в контекст обратите внимание на (Рисунок 20б). Также ирония построена на отсылке к прецедентному событию: во время открытия Олимпийских игр – 2014, проходивших в Сочи. Тогда журналисты опубликовали фотографию, на которой создается впечатление, что Премьер-министр Правительства РФ Д. А. Медведев уснул (официальное подтверждение отсутствует) (Рисунок 20а).

а

б

В

Рисунок 20

В качестве еще одного примера, в котором функция высмеивания проявлена в поликодовой иронии наиболее ярко, приведем мем, посвященный истории 2016 г., произошедшей во время выборов президента США (Рисунок 21). Тогда американские СМИ обвинили Россию во вмешательстве в результаты выборов. Объектом иронии в этот раз является не политическая личность, а ситуация, произошедшая в медиаполитическом дискурсе. Способы выражения иронии – креализованный текст и прецедентное событие. На языковом уровне ирония создается с помощью консолидации нескольких стилистических фигур. Остроумие выражено в ответной реакции В. В. Путина на вопрос журналиста. Апосиопезиса, так как в меме отсутствует логически завершающая диалог фраза. Умолчание и увиливание от ответа с помощью встречного вопроса.

АМЕРИКАНСКИЙ ЖУРНАЛИСТ ЗАДАЁТ ВОПРОС

**ВОЗМОЖНО ЛИ, ЧТО В
СЛЕДУЮЩЕМ ГОДУ СОСТОЯТСЯ
ДОСРОЧНЫЕ ВЫБОРЫ ПРЕЗИДЕНТА?**

КАКОЙ СТРАНЫ?

Рисунок 21

Обратимся к Рисунку 22. Мем переносит нас в период предвыборной гонки на пост Президента РФ (2018 г.). Его можно отнести как к фольклорному творчеству, так и к пиар-кампании одного из конкурентов К. А. Собчак, в таком случае он будет ярким примером диффамации оппонента. Если в предыдущем примере взаимодействие картинки и текста усиливало иронический эффект благодаря их синонимичности, то в данном случае ирония возникает на антитезе фотографии и вербальной составляющей мема. Антонимичность фотографии и подписи создает эффект оксюморона, различения и противоположения. Объединение сразу трех стилистических фигур усиливает иронический эффект, запоминается и воздействует на ассоциативную память, то есть в дальнейшем у читателя данная картинка будет автоматически проявляться в памяти, вне зависимости от того, в каком образе он увидит К. С. Собчак. Помимо этого, поликодовая ирония основана на умолчании, умалении, плоки, аллюзии, гипотипозе, заимословии и коррекции.

Рисунок 22

Функция информирования реже остальных экстраполируется в интернет-мем из новостного, политического дискурсов. Поликодовую иронию в таком случае можно назвать исключительной; уникальна она тем, что сама передает новую информацию, а не обыгрывает уже широкоизвестную. Конечно, опираясь на мемы нельзя составить объективной и полной картины происходивших событий. Несмотря на это активные пользователи социальных сетей черпают новости из интернет-мемов и, в случае особой заинтересованности каким-либо событием, изучают его более подробно на новостных сайтах. В качестве примера приведем мем, в котором одиозная фраза о российской экономике преподносится в виде цитаты В. В. Путина. (Рисунок 23). С помощью такого приема автор снимает с себя ответственность за написанное в меме, а у читателя появляется желание к более детальному погружению в контекст. Помимо этого, в представленной поликодовой иронии наличествуют такие стилистические фигуры, как акротеза (*разрушить – построить*), аллюзия (*к новости о новых санкциях со стороны США*), коррекция (фотография смеющегося В. В. Путина усиливает иронический эффект), меозис (умаление достоинств экономики России) и остроумие.

Рисунок 23

Функция пропаганды патриотизма довольно часто вкладывается в креолизованные тексты поликодовой иронии. Как правило, такие мемы можно отнести к фольклорному жанру, создающемуся хаотично. Основу сюжета может составлять как актуальный политический контент, так и стереотипные ситуации из жизни россиян. В качестве примера второй сюжетной линии обратимся к Рисунку 24. Такой мем можно назвать сюжетным, так как в нем есть зачин, кульминация и развязка – каждому этапу соответствует вопрос, символика страны и ответ школьника. Францию и Бразилию в меме символизируют их государственные флаги и географическое расположение, тогда как Россию – ситуация, которую невозможно представить в какой-либо другой стране. На фотографии представлен гротескный образ типичной русской пенсионерки, который отражает смекалку, смелость, нестареющую душу русского народа. Усиливает эффект патриотизма ответ школьника, невербально дающий читателю понять, что Россия – не просто место на карте, Россия – она в душе каждого. Стилистические фигуры, ставшие основой для поликодовой иронии: акротеза, аллюзия, анадиплозис, анафора, антитеза, антиципация, вопрошение, геминация, гипотипоза, градация, заимословие, каламбур, остроумие, парцелляция и усугубление.

Рисунок 24

Поликодовая ирония, экзemplифицирующаяся в интернет-мемах этноспецифичными вербальными и невербальными средствами, в последние десятилетия стала существенным инструментом политики, некой «обратной связью» со стороны народа на действия властей, представляющей, скорее, хаотичные, создающиеся случайным образом иронические практики, (например, кадр из фильма «Властелин Колец» стал основой для сюжетной линией мема с Д. А. Медведевым, хотя содержание фильма, внешность актера [Шона Бина] не имеют ничего общего с событием и личностью, подвергшейся иронизированию).

Благодаря отсутствию структурности, логичности и последовательности при выборе невербальной составляющей мема, поликодовая ирония является примером свободного народного творчества, главная цель которого – выражение мнения, что является главной отличительной чертой между дискурсом коллективной рефлексии политической повестки и дискурсом идиомедийной рефлексии политической повестки.

Основные цели использования высказываний с ироническим кодом журналистами (как акторами второго подвида дискуса каузальной атрибуции) – привлечение внимания, передача информации и стремление «удержать» аудиторию. Безусловно, функция диффамации политика, передача собственного мнения, создание яркого образа, суггестивность, раскрытие творческой

индивидуальности и т. д. – всё это также реализуется в иронических высказываниях медийных лиц.

Приведем несколько наиболее ярких примеров представителей федеральных каналов, журналистов-оппозиционеров и бывших политических деятелей, ныне журналистов.

И. А. Ургант: *На должность председателя комиссии по молодежной политике Городской думы Екатеринбурга назначили 73-летнюю Любовь Боркову. Я предлагаю Любовь Боркову называть так, как ее будут называть те, чьими проблемными вопросами она будет заниматься: Любовь Павловна или ещё проще “баба Люба”. Теперь цитата: Любовь Павловна не понимает интернет, считает, что там много грязи, которая влияет на подростков, соцсетями не пользуется, TikTok ее не интересует. Вот ее высказывание: “Это вы выросли на этом” – делает она себя еще ближе к молодежи; “это вы выросли на этом, а старшее поколение приучено к другому. У меня есть на кухне радио, я включу и настраиваю на нужную волну. Очень редко смотрю телевизор”.*

Д. Ю. Хрусталёв: *какое радио она слушает?*

И. А. Ургант: *она возглавляет молодежную политику, конечно, “Радио Energy” или “Студию 21”.*

Ну да наконец-то с приходом Любой Борковой кто-то оградит от пагубного влияния таких молодежных групп как: “Отпетые мошенники”, “Линда” или “DJ Грув”. И, конечно, кто как ни она будет поднимать такие важные молодежные вопросы как: влияние погоды на суставы подростков, субкультура – это, прежде всего, культура как правильно варить супы, ни и наконец культура – это лучший и единственный способ отказаться от героина.

Д. Ю. Хрусталев: *я тут посчитал, она 1948 года. Получается, она видела похороны Сталина.*

И. А. Ургант: *не знаю, как насчет чтобы видела, но она их помнит. И будет, конечно, учитывать этот опыт в работе с молодежью, ведь, как говорится: “кто похороны Сталина видел – того клипом Моргништерна не испугать.”*

Кстати. Только что мне сказали, пришла свежая новость из Екатеринбурга, главой пенсионного фонда назначен Гном Гномыч (8-летний сын Е. В. Плющенко и Я. А. Рудковской), а министром здравоохранения Паша Терехов¹.

Основным языковым средством экспликации иронического кода является акротеиза, следовательно, сама новость является собой яркий пример иронии с точки зрения языка: противопоставляются лексемы *молодежной* и *73-летняя*. Впрочем, если бы данную новость преподносили без уточнения возраста, а только название должности и ФИО, то она бы не отличалась ни от одной подобной, но, мы допускаем, что в таком случае, она не звучала бы на федеральном канале. Далее И. А. Ургант приводит цитату чиновницы и вкрапляет в нее свои комментарии: «*“Это вы выросли на этом” – делает она себя еще ближе к молодежи*», снова пример акротеизы – *вы* и *ближе*. В данном случае местоимение «вы» дистанцирует говорящего от аудитории, а ведущий это подчеркивает комментарием, акцентирует внимание на детали. Далее происходит диалог соведущих, в котором Д. Ю. Хрусталёв задаёт вопрос, провоцирующий иронический ответ. И. А. Ургант называет две не самые популярные радиостанции: «*“Радио Energy” или “Студию 21”*», подчеркивая возраст субъекта иронии. Далее И. А. Ургант начинает «раскручивать маховик» иронического кода: «*Ну да наконец-то с приходом Любой Борковой кто-то оградит от пагубного влияния таких молодежных групп как: “Отпетые мошенники”, “Линда” или “DJ Грув”*». Ирония базируется на экстралингвистических знаниях: все перечисленные группы давно распались и не являются популярными среди молодежи. После этого ведущий строит ироничные предположения, в чем интересы пожилого человека могут пересекаться с интересами молодежи, используя при этом несколько: аллитерацию (*субкультура – супы*). Всё высказывание строится по принципу градации (от болезни суставов – вымышленной с точки зрения молодежи болезни, до употребления наркотиков – одной из самых распространённых проблем у данной категории граждан РФ); антитезы, так как первая часть высказывания всегда противоречит второй;

¹ Соцсеть Instagram признана экстремистской и запрещена на территории РФ с 21.03.2022. URL: <https://www.instagram.com/tv/CUb4iT6sH8t/>

каламбур; оксюморон – с приходом Любой Борковой кто-то оградит от пагубного влияния таких молодежных групп как: “Отпетые мошенники”, “Линда” или “DJ Грув”. Финальным ироническим аккордом стала инсценировка И. А. Ургантом срочной новости о назначении Гном Гномыча главой пенсионного фонда Екатеринбурга, таким образом закольцевав всю свою речь относительно новости о назначении Любви Борковой.

Далее проанализируем речевые практики кандидата в президенты во время выборов в 2018 г., ныне журналистки и ведущей новостного канала на YouTube К. А. Собчак.

К. А. Собчак: *«Сергей Нарышкин! Знакомьтесь, начальник службы внешней разведки, как говорят, одной из самых могущественных в мире. Находит время на что угодно, кроме разведки. На этой неделе, например, он написал огромную статью для “Российской газеты” о том, что “Российское историческое общество”, которое Нарышкин тоже возглавляет, будет участвовать в распределении бюджетных мест на исторические специальности. Хорошее дело для начальника разведки, ну, согласитесь»¹.*

В данном примере ведущая проводит краткий экскурс для зрителей о личности С. Е. Нарышкина, подчеркивая статус возглавляемого отдела: *«начальник службы внешней разведки, как говорят, одной из самых могущественных в мире»*. Далее К. А. Собчак высказывает собственную позицию относительно деятельности С. Е. Нарышкина: *«Находит время на что угодно, кроме разведки»*. Далее она раскрывает этот тезис, повествуя о всех инициативах чиновника, никак не относящихся к разведке. Завершает мысль К. А. Собчак ироническим высказыванием: *«Хорошее дело для начальника разведки, ну, согласитесь»*. Таким образом в ведущая в небольшом отрывке эфира применяет фонологические (ироническая интонация) и лексические (собственно ирония как троп) способы экспликации иронического кода.

Автором следующего высказывания также является К. А. Собчак.

¹ URL: <https://www.youtube.com/watch?v=Oli8-BcRPHg>

К. А. Собчак: *«Ну а в России потихоньку улучшается инвестиционный климат в сфере IT. Основателя и гендиректора компании Group-IB Илью Сачкова арестовали на 2 месяца по подозрению в госизмене»¹.*

В данном случае способом воплощения иронии является антитеза первоначального утверждения ведущей и самой новости. Group-IB является ведущей и одной из самых влиятельных российских компаний на инвестиционном рынке и арест генерального директора подвергает риску всю российскую IT-сферу. Отметим, что К. А. Собчак относится к оппозиционным СМИ, что объясняет большую концентрацию иронии в ее материалах, так как журналистке приходится прибегать к иронии для завуалированной передачи негативного отношения к происходящим событиям.

Далее мы проанализируем реплики М. С. Симоньян – главного редактора ведущей государственной телекомпании.

М. С. Симоньян: *«Ассанжу сегодня исполнилось 50 лет. Из них 7 он провел в крошечных, клаустрофобных комнатах посольства Эквадора. И еще два года – в тюрьме. В которой он сидит не потому, что убил кого-то. А потому, что рассказал миру о том, что такое настоящая американская демократия. Happy birthday, Julian»².*

Способ воплощения иронии в данном примере базируется на стилистической фигуре анаколуп, так как происходит нарушение и разрыв между частями высказывания: первая, с перечислением жизненных ситуаций именинника, диссонирует со второй – поздравительной.

М. С. Симоньян: *«Юлия Латынина на "Эхе" и ее методика борьбы с нелегальной миграцией в Литве. Тут даже Теодору Эйке есть чему поучиться: "Я хочу сказать литовцам, что на самом деле бороться против незаконных мигрантов очень просто. Для этого надо просто всего лишь каждого нарушителя-нелегала, перешедшего границу, посадить не в тюрьму, бога ради, просто в какое-то место, обнесенное заборчиком, давать ему булку хлеба, два литра воды и*

¹ URL: <https://www.youtube.com/watch?v=Oli8-BcRPHg>

² URL: <https://t.me/margaritasimonyan/8876>

каждого добавочного сажать туда же. Когда количество задержанных превысит 10 человек на квадратный метр, а количество еды в виде хлеба и воды останется прежним, то все, кто не может вспомнить, откуда они приехали и как их зовут, – все эти прекрасные люди сами немедленно выразят желание вернуться на родину. А новые таинственным образом перестанут поступать”, – сказала Латынина. Она добавила, что в ситуации с нелегальными мигрантами в Литве виноват исключительно Евросоюз (ЕС), который «не ищет легких путей». И тут мы увидели границы человеколюбия либеральной общественности¹.

В данном примере мы видим приём, часто используемый М. В. Захаровой, – цитирование одиозного высказывания конкурентов и его ироническое оценивание. В данном примере оно концентрируется в последнем предложении: *«И тут мы увидели границы человеколюбия либеральной общественности»*. Здесь ирония воплощается с помощью амплификации, коррекции, противоположения, риторического обращения и цитаты.

Помимо бывших политиков и журналистов государственных каналов политическую повестку освещают известные ютуб-блогеры, приведем в пример И. А. Варламова, на канале которого 2 млн 289 тыс. подписчиков.

***И. А. Варламов:** Вам не кажется, что Парламент Германии – это не конкурс красоты, что это орган, который принимает законы, который влияет на жизнь в стране и т. д. и т. д. Люди выбирают своих представителей, кто какие-то годы будет определять там дальнейшую жизнь, политику. Вам не кажется, что гораздо важнее обсуждать у кого есть мозг, а кому с мозгами не повезло. И есть ли уж и смеяться, то говорить: “Смотрите, человек без мозгов, человек с интеллектом карма в «Ашане» попал в парламент! Попал в Думу!” хи-хи, ха-ха и давайте его стебать. Я, кстати, очень жду, когда человек с мозгами станет депутатом Государственной думы. Одной. Нашей. Например. Вот это будет сенсация. Можно будет обсудить»².*

¹ URL: <https://t.me/margaritasimonyan/8989>

² URL: <https://www.youtube.com/watch?v=AaQCsedUmA8>

Автор «сконцентрировал» иронический код в последнем предложении, а вся речь до него служит подготовкой к финальному ироническому выводу. Чтобы ирония была более яркой и очевидной автор использовал несколько способов привлечения внимания: риторическое обращение («вам не кажется»); повтор лексический («Вам не кажется, что Парламент Германии»... «Вам не кажется, что гораздо важнее»); интонирование, звукоподражание («хи-хи, ха-ха»); риторическое восклицание («“Смотрите, человек без мозгов, человек с интеллектом карпа в «Ашане» попал в парламент! Попал в Думу!”»); совосклицание («и давайте его стебать»). Обращаем внимание, что иронический контекст, очевидно вербально выраженный лишь в последнем предложении, невозможно было бы воплотить без вышеперечисленных языковых средств. Сама ирония выражена с посредством парцелированных конструкций («станет депутатом Государственной думы. Одной. Нашей. Например. Вот это будет сенсация»). Выпуск, в котором была произнесена эта фраза, вышел сразу после выборов в Государственную думу РФ – 2021, следовательно, выражение И. А. Варламова является проекцией на результаты голосования, что усиливает иронический эффект.

Следующий пример иронии также из передачи И. А. Варламова.

И. А. Варламов: *«Ещё в августе 2021 года депутат от поселка Хатанга на Таймыре рассказал о пустых полках местных магазинов. По словам Михаила Иваницкого уже тогда мяса, яиц, овощей и фруктов в Хатанге не было примерно месяц, невозможно было купить «борщевой набор» – нашу главную скрепу борщевую. Его успели процитировать несколько СМИ, в том числе «Знак», «Тайга.инфо» и «НГС24». Прокуратура никакого дефицита в магазинах не обнаружила. И вот недавно Роскомнадзор потребовал от изданий, кто процитировал депутата, удалить заметки о нехватке продуктов на Таймыре. И я считаю, друзья, что Роскомнадзор прав! Абсолютно верно, я считаю! Ну потому что реально офигели эти либеральные СМИ, эти журналюги либеральные, ну что они пишут? Естественно афигенно писать “дефицит еды в Хатанге”. У вас че, где учили, вы, бумагамараки! Кто так пишет? Какой может быть дефицит в*

России, в 21-м году!? Какой могут быть проблемы на Таймыре?! Как может не быть еды?! Для того Путин как раб на галерах тянет эту лямку уже 21 год, чтобы вы такую фигню писали?! Объясняю вам как правильно над писать: “не может не радовать рост благосостояния жителей Хатанги! Еще 10 лет назад люди ходили в магазины, смотрели на цены, слюни пускали и облизывались. Сегодня любой житель Хатанги может смело купить себе всё, что пожелает. Люди не задумываясь сметают все с полок магазинов. И пустая полка – это признак растущего благосостояния и богатства местных жителей”. Вот- вот так надо писать! Никто вас не будет закрывать! Как дети малые! Приходите ко мне учиться, а я вас научу как надо правильно освещать события в России»¹.

Пример являет собой классическое построение иронического высказывания, часто встречающееся у М. В. Захаровой – безэмоциональное повествование произошедших событий, близкое к цитированию, а далее выражение собственного мнения по этому событию. Однако данный пример не только композиционно соответствует классическому воплощению иронии, но и способу ее интеграции в текст. Прежде чем приводить конкретные цитаты, обратимся к трактовке иронии, данной в Литературной энциклопедии: «Ирония – явно-притворное изображение отрицательного явления в положительном виде, чтобы путем доведения до абсурда самой возможности положительной оценки осмеять и дискредитировать данное явление, обратить внимание на тот его недостаток, который в ироническом изображении заменяется соответствующим достоинством» [Литературная энциклопедия: эл. р.] Автор, начиная со слов «*И я считаю, друзья, что Роскомнадзор прав!*» до конца текста использует слова в противоположном их значении. На это указывают интонация, экспрессивность речи, обилие риторических обращений, вопросов («*Ну потому что реально офигели эти либеральные СМИ, эти журналюги либеральные, ну что они пишут? Естественно афигенно писать “дефицит еды в Хатанге”. У вас че, где учили, вы, бумагамараки! Кто так пишет?»*). Помимо этого, автор к аллюзии, прецедентным текстам («*Для того Путин как раб на галерах тянет эту лямку уже 21 год, чтобы вы такую*

¹ URL: <https://www.youtube.com/watch?v=AaQCsedUmA8>

фигню писали?!»); И. А. Варламов преднамеренно использует занижение стилового фона посредством жаргонизмов, сниженной и разговорной лексики («*Естественно афигенно писать*»... «*реально офигели эти*»... «*журналиги либеральные*» и т. д.); Во второй части высказывания ирония передаётся через пародию на государственные СМИ: завышение стилового фона, патетическая лексика, тождественная интонация; помимо этого использованы стилистические фигуры: оксюморон («*пустая полка – это признак растущего благосостояния и богатства местных жителей*»), остроумие проявлено во всем тексте, но наиболее очевидно во фразе («*Приходите ко мне учиться, а я вас научу как надо правильно освещать события в России*»).

Мы привели примеры лишь наиболее ярких иронических практик в дискурсе каузальной атрибуции. В результате анализа мы не стали выявлять процентное соотношение частотности использования высказываний с ироническим кодом у представителей двух подвидов дискурса каузальной атрибуции, как это сделали при анализе системного вида политического дискурса. В отличие от системного, в дискурсе каузальной атрибуции авторы материалов, публикуемых в СМИ, и авторы мемов не всегда являются одними и теми же людьми, а выявить процентное соотношение среди мемов практически невозможно в силу их фольклорности, сиюминутности и явной спонтанности.

Однако мы обратили внимание на различную частотность использования иронических высказываний в дискурсивных практиках **системного вида и каузальной атрибуции (первого его подвида)**, График 18.

В Графике 18 представлено процентное соотношение высказываний/текстов с ироническим кодом на 100 проанализированных единиц. Налицо явное превалирование данного типа высказываний в дискурсе идиомедийной рефлексии политической повестки, что, с одной стороны, было предсказуемо, с другой же – свидетельствует о том, что иронический контекст в большей степени «задается» снизу, а дискурс политической пропаганды в определенной мере оказывается «вторичным» по способам и степени выражения оценочных смыслов через иронический код.

График 18 – Частотность использования иронических высказываний в дискурсивных практиках системного вида и каузальной атрибуции (первого его подвида)

Проанализировав более 2500 скриптов речей, интервью, новостных выпусков, мемов и т. д., мы пришли к выводу, что ирония, имеющая многочисленные варианты репрезентации и представленная широчайшей палитрой композиционно-языковых средств, сегодня является не только коммуникативно-ценностной рамкой современного политического дискурса, но и неким культурным кодом взаимодействия властных структур и общества.

3.3. Система лингвистических средств и способов выражения иронического кода в русскоязычных политических интеракциях

Представленный в предыдущих разделах диссертации анализ способов, приемов и механизмов создания, экспликации и рецепции иронического кода в разнохарактерных политических дискурсивных практиках дает основание для создания определенной типологии языковых средств, конвергентное соединение которых в рамках конкретной интеракции (с учетом дискурсивных и этнокультурных параметров) и является базисом рождения феномена иронии.

Язык – это иерархическая система, подразделами которой являются классы и уровни, благодаря которым возможно упорядочивать синтагматические, парадигматические отношения между элементами этой сложноорганизованной системы, то есть уровни языка – это подсистема общей языковой структуры, объединение схожих единиц и формул их группирования в категории. На этом основании классическая лингвистика определяет четыре языковых уровня: фонемный (фонема); морфемный (морфема); лексический (лексема); синтаксический (предложение). Однако поскольку ирония – это многоаспектное, сложное, многосоставное явление, она «строится» при помощи языковых знаков всех вышеперечисленных уровней и «проявляется» только в интеракции / контексте, то лингвистическим механизмом реализации иронии является именно нарушение согласованности и сочетаемости языковых единиц на различных уровнях языка.

Как было описано ранее, в основе создания иронического кода лежит противопоставление или противоречие между единицами одного уровня языка или несколькими. Так, на лексическом уровне взаимоотношение между узуальным иokkaциональным значением актуализируется в виде противоречия между прямым и переносным значением лексической единицы; на синтаксическом оно обусловлено несоответствием формы и содержания синтаксической модели (транспозиция синтаксических структур) или несовпадением «традиционно» и «ситуативно» обозначенного (обособленные конструкции), при этом противоречие между прямым и переносным, узуальным иokkaциональным смыслом чрезвычайно неоднородно, нередко имеет интертекстуальный характер и вычленяется только на больших «отрезках» высказывания. На уровне текста аналогичные противоречия имеют более сложную маркировку: ведущую роль в создании иронического кода приобретают явления реляционного плана (сам характер, тип сцепления отрезков текста несет смысловую и стилистическую нагрузку, так как от него зачастую зависит возникновение нужной ассоциации) и реализуется градуально при помощи конвергентных языковых конструкторов.

Все сказанное позволяет подвергнуть способы и средства создания/выражения иронии синкретично-лингвистическому дроблению и выделить определенный кластер языковых средств. Данный кластер, с нашей точки зрения, корректно разделить на четыре больших блока и классифицировать разнообразные вербальные единицы следующим образом: фонетико-фонологические средства, лексико-семантические средства, лексико-синтаксические средства, включающие орнаментальные языковые конструкции – стилистические фигуры, и композиционно-языковые средства и приемы экспликации иронического кода.

1. Фонетико-фонологические средства

Фонема является главным условием создания языкового материала. Несмотря на то, что она не имеет семантической нагрузки, без фонем невозможно составить речь, различать слова и создавать их. Однако в ряде случаев *способ произнесения той или иной фонемы* (пародирование или передразнивание речи какого-либо конкретного человека) оказывается базисом для создания иронического эффекта (такое возможно, если человек является носителем диалекта, дефекта, особой интонации или манеры произносить отдельные слова). Иначе – *специфические акустико-артикуляционные и фонологические характеристики* играют важнейшую роль в восприятии языковой личности и выявлении истинного смысла высказывания.

Ярким способом выражения иронии является и *интонационная энантисемия*, которая появляется в момент несоответствия прямого значения слова и интонации, с которой его произносят: например, если высказывание, в котором узуальные значения содержат похвалу, было произнесено с интонацией, присущей критическому или злорадствующему, оно моментально приобретает иронический оттенок. В этот же блок включим специальное *логическое паузирование* и фигуры *аллитерации, ассонанса и звукопись (звуковую инструментовку)*, применение которых детерминировано желанием создать противопоставление между значением лексемы и способом ее произнесения, при этом эмфатический фокус высказывания, маркирующий иронические код,

создается именно фонологическими и просодическими параметрами акта коммуникации.

Пример: *«Как слышится, так и пишется. Сегодня общалась с западными журналистами. <...> Действительно, в материале упоминается, среди прочего, «высокопоставленный сотрудник российского Посольства в Вашингтоне Михаил Кулагин». Утверждается, что наш дипломат был якобы «плотно вовлечен» в некую предвыборную операцию (!), но был досрочно отозван в августе прошлого года в Москву из-за опасений публичной огласки его деятельности. Я не сразу, но догадалась, что речь идет о Михаиле Калугине (а не Кулагине – такого сотрудника в нашем Посольстве в Вашингтоне не было), который шесть последних лет работал в российской дипмиссии в Вашингтоне, где занимал должность руководителя ЭКОНОМИЧЕСКОЙ группы. «...» В августе 2010 года приехал в Вашингтон, в августе же 2016 года и уехал – классика жанра. А про отъезды и приезды знаю так хорошо ещё и потому, что в 1993 году познакомились с его будущей женой Мария Калугина на первом курсе факультета международной информации МГИМО, а потом мы с ней вместе пришли работать в пресс-службу МИДа. Это я Miriam Elder (автор материала в BuzzFeed) для вас специально пишу – как говорят наши американские коллеги, «всё есть в социальных сетях», да и вообще – обращайтесь. –Вы хотите сказать, что в докладе нет ни одного правдивого слова? – не унималась корреспондентка. – Ну почему же! Трамп существует, – ответила я». М. В. Захарова¹.*

2. Лексическо-семантические средства

Языковые единицы этой группы, безусловно, являются семасиологической основой иронического кода, в силу чего сама группа обширна, хотя включает в себя «неоднопорядковые» элементы.

Примечательно, что вне контекста лексика, используемая автором иронического высказывания, не характеризуется иронической модальностью, поскольку ироник стремится завуалировать свое отношение к предмету

¹ URL: <https://www.facebook.com/maria.zakharova.167/posts/10212095992744773>. Социальная сеть Facebook признана экстремистской и запрещена на территории РФ с 04.03.2022.

высказывания. Лишь изредка ироник использует лексемы, за которыми закреплено ироническое значение на узувальном уровне (к их числу относятся *архаизмы, историзмы* и *возвышенная, пафосная лексика*, которые сейчас используются редко или вышли из употребления вовсе).

Кроме самых очевидных способов, таких как «самодостаточное», единичное использование в речи *синонимов, антонимов, омонимов* и *многозначных слов*, ирония часто эксплицируется посредством *жаргонизмов, профессионализмов, диалектизмов, просторечных слов, аргоизированных конструкций* и т. п. Принципиально, что даже экспрессивно окрашенные языковые средства не могут сами по себе создать иронический контекст, он появляется только в результате «наложения» различных знаковых единиц, в результате чего смысл фразы меняется на противоположный. Соответственно, активизируются «многопластовые» языковые явления, в числе которых:

– *каламбур* и *парономазия*, где происходит «перетасовка» слов и выражений, переосмысление прямого значения косвенным, что способствует проявлению иронии. Наиболее часто для создания иронии используется игра полисемичных слов или омонимов, когда одно и то же слово используется в разных контекстах под его разными значениями. Это позволяет ироннику подобрать чрезвычайно точный оттенок высказыванию. Омонимия помогает придать фразе новую трактовку, в этом случае происходит столкновение смыслов, содержащихся в одной лексеме, один из которых является логически абсурдным, а второй органичным внутри определённого контекста.

Пример: *«СМИ: "Британским министрам во время заседаний Правительства запретили пользоваться часами «Apple», произведенными одноименной американской корпорацией, из-за подозрений, что эти устройства «могут быть взломаны российскими тайными агентами». Об этом сегодня сообщила газета «Дейли телеграф»". Что там Часы "Apple". Странно, что "Дейли*

телеграф" не знает: лучшие всего "российские тайные агенты" взламывают Breguet» М. В. Захарова¹.

– **неологизмы** и **окказионализмы**, они выбиваются из ряда привычных слов, придают тексту индивидуальность, что так важно для иронии. Окказионализмы характеризуются стабильной системно-закрепленной модальностью и становятся чрезвычайно востребованными средствами передачи иронии, при этом их декодирование демонстрирует непосредственную зависимость от наличия определённых историко-филологических фоновых знаний у читателя.

Пример: *«Я так понимаю, в CNN создали отдел по "Киберюмору", чтобы новости были актуальными и смешными одновременно. Мне просто интересно, ради оправдания своей в итоге провалившейся идеологии, которую пытались воплотить в жизнь последние годы, Вашингтон готов даже крупнейший телеканал уничтожить напоследок?»*. М. В. Захарова².

Пример: *«Приземлилась в Мадриде. Включаю телефон, а там... десятки сообщений **“мариявладимировна, аправдатрамплавровурасказалсамыйглавныйсекрет?”** Ребята, вы опять американических газет начитались? Не надо их читать. Их можно использовать по-разному, но читать не надо – последнее время это уже не только вредно, но и опасно»³.*

В ряде случаев окказионализмы представляют собой авторскую расшифровку аббревиатур, значение которой «накладывается» на общеизвестное.

Пример: **«ФБР – Фсе Боремся с Россией.**

Я не понимаю, что происходит с Вашингтоном: рука Москвы во всех местах, "кремлевские хакеры", утечки секретной информации, запрет российским дипломатам приближаться к избирательным участкам «...» Но на выходных произошло до сих пор в учебниках не описанное. Вашингтон подключил к делу спецслужбы «...» Но возникает вопрос: а что может увидеть иностранный

¹ URL: <https://www.facebook.com/maria.zakharova.167/posts/10211095548654296>. Социальная сеть Facebook признана экстремистской и запрещена на территории РФ с 04.03.2022.

² URL: <https://www.facebook.com/maria.zakharova.167/posts/10212024545918647>

³ URL: <https://www.facebook.com/MIDRussia/photos/a.265191980246917/1042499995849441>. Социальная сеть Facebook признана экстремистской и запрещена на территории РФ с 04.03.2022.

дипломат на американских избирательных участках такого, что за дело взялись "мистер Смиты", и почему процедура наблюдения за выборами вообще контролируется **ФБР?!**» М. В. Захарова¹;

– **эпитеты, олицетворения, метафоры**, которые сущностно соответствуют «столкновению» прямого и переносного смысла лексемы во фразе (если представить в виде формулы, получим следующее: $C1 + C2 = C3$, где $C1$ – буквальное значение лексемы, $C2$ – значение, несоответствующее/противоположное буквальному, а $C3$ – возникающее при столкновении $C1$ и $C2$ имплицитное значение, обязательным компонентом которого является модальность, в нашем случае – ироническая)².

Пример: «Украина признала Филиппа Киркорова угрозой национальной безопасности. Как они узнали, что это наше оружие массового поражения, бьющее прицельно в сердца миллионов?»³.

Особо интересным случаем создания иронического кода высказывания является «деметафоризация», когда некое абстрактное, отвлеченное понятие трактуется в прямом значении.

Пример см. Рисунок 24.

Рисунок 24

¹ URL: <https://www.facebook.com/maria.zakharova.167/posts/10211405356959310>

² Здесь наша точка зрения коррелирует со взглядами С. И. Походня.

³ URL: <https://yandex.ru/turbo/tvzvezda.ru/s/news/20216241913-ZzBeO.html>

– **фразеологизмы и паремии.** О том, что фразеологизмы придают тексту индивидуальность, показывают эрудированность автора и дополняют текст новыми «эмоциональными очертаниями» написано много, однако мало кто из исследователей обращал внимание на то, что распад фразеологизмов приводит к острой иронии. При переходе фразеологизма из одного языкового контекста в другой приводит к смысловому переосмыслению фразеологизма, он претерпевает стилистические изменения, которые ведут к противоборству между смысловой наполненностью фразеологической единицы и контекстом высказывания целиком. Такое противоречие способствует созданию иронического смысла.

Пример: *«Надежда – наш компас земной. Верховная Рада исключила из украинской делегации ПАСЕ депутата Надежду Савченко. Мы же все хорошо помним, что требование об освобождении Савченко из российской тюрьмы основывалось на утверждении, что она является членом ПАСЕ. «...» А почему? Краска для плакатов закончилась? Деньги на постановачные акции не перечислили? Или просто все немного растерялись от киевской демократии?»*. М. В. Захарова¹;

– **аллегория и парадокс** – языковые средства, которые придают тексту рельефность, образность, характер и создают иронический код, над которой реципиент должен поразмышлять (отметим, что таким путем рождается ассоциативная ирония)². Для более точного определения обратимся к словам

Пример: *«СМИ: “Либерализацию визового режима с Украиной тормозит целый ряд стран, входящих в Евросоюз. Об этом заявил глава Европарламента Мартин Шульц. Шульц отметил, что Совет ЕС пока не может согласовать механизм отмены визового режима. Процесс, в частности, тормозят Франция, Бельгия, Италия, Германия и ряд других стран.” Логика железная: со “страной-*

¹ URL: <https://www.facebook.com/MIDRussia/photos/a.265191980246917/927397634026345>. Социальная сеть Facebook признана экстремистской и запрещена на территории РФ с 04.03.2022.

² Вспомним слова В. Г. Гака: «Асимметрия словесного знака в аспекте семной структуры слова проявляется в наличии потенциальных сем, которые соотносятся с определенными, нерелевантными свойствами предмета и являются базой для смысловых приращений и необычных сочетаний слов» [82, с. 170].

агрессором” у Украины безвизовый режим, а защитники Киева от “Российского врага” к себе украинцев пускать не хотят». М. В. Захарова¹;

– *антропонимы* (как правило, фиксирующие фигуру политического деятеля). Благодаря именам собственным в тексте появляются яркие образы, ассоциирующиеся с делами этого человека. Обычно имена собственные используют в ироническом контексте для обострения противопоставления между объектом иронии и известной личностью. В таких случаях имя собственное выбирается из той профессиональной среды, в которой позиционирует себя оппонент ироника. Однако нередки случаи, когда антропоним используется для апеллирования к языковой картине мира, ассоциативному ряду, который возникает у людей одной культуры при упоминании этого человека. В политическом дискурсе часто обращаются к поэтам, писателям, их произведениям дабы подкрепить свою позицию авторитетным мнением².

Пример: *«СМИ: “Центр стратегических коммуникация НАТО объявил российскую юмористическую передачу КВН “инструментом политической стратегической коммуникации”. Не удивлюсь, если в глубинах этой аналитики Галустян и Ревва названы информационно-стратегическими подрывниками»* М. В. Захарова³.

Пример: *«СМИ: “Обама попросит Грецию закрыть порты для российских кораблей”. И ведь это не предел! Обама, например, вполне может попросить закрыть Пушкина для голубей или доски для гвоздей. Друзья, а что ещё может попросить закрыть Обама?».* М. В. Захарова⁴;

– *акроте́за*, противопоставление на уровне лексем, самый распространенный, лёгкий и общеупотребимый способ создания иронии – использование слова или высказывания в значении, противоположном буквальному.

¹ URL: <https://www.facebook.com/MIDRussia/photos/a.265191980246917/901932199906222>. Социальная сеть Facebook признана экстремистской и запрещена на территории РФ с 04.03.2022.

² Отметим новое направление в исследованиях политического дискурса – литературную дипломатию (термин введен Э. М. Афанасьевой).

³ URL: <https://www.facebook.com/MIDRussia/photos/a.265191980246917/996751413757633>. Социальная сеть Facebook признана экстремистской и запрещена на территории РФ с 04.03.2022.

⁴ URL: <https://www.facebook.com/maria.zakharova.167/posts/10211473065331977>

Пример: «Победа Дональда Трампа на президентских выборах в США стала **неожиданным** подарком Кремлю, пишет *The New York Times*. И это одна из миллиона схожих статей, вышедших за последние сутки Западные СМИ, короли мейнстрима, даже сейчас не могут признать, что оказались плохими экспертами. Именно так – **пЛОХими** экспертами. Что их раскрученная "аналитика" – блеф. Причина провала проста – **ОТСУТСТВИЕ ОБЪЕКТИВНОСТИ**. Много лет, а последние годы агрессивно они внушали всем мантру о "плохой России" как причине всех бед. Потом настолько заговорились, что и сами в это начали верить. Конечно, в этих условиях результаты выборов в США стали для них и их аудитории **"неожиданными"**». М. В. Захарова¹

Резюмируем. В рамках политического взаимодействия все единицы, относимые нами к лексико-семантическим средствам создания (и в дальнейшем рецепции) иронического кода и «изолированно» характеризующиеся как нейтральные, при погружении в общий контекст преобразуются путем «смещения» семных компонентов, тем самым формируется иронический код, который меняет смысл текста на негативный².

3. Лексико-синтаксические средства

«Надстраиваясь» над совокупностью фонетико-фонологических и лексико-семантических средств выражения иронического кода высказывания в политических дискурсивных практиках, данная группа должна соответствовать ряду условий: (1) в конструкции должны содержаться описание обстоятельств и отношение к ним ироника; (2) тема-рематическая организация не может быть инверсионной, только прямой; (3) данное и новое должны включать в себя противопоставление, маркированное лексическими и/или просодическими элементами высказывания. Языковое воплощение этих трех условий вариативно, но на уровне синтагмы в целом оказывается возможным выделение уже не

¹ URL: <https://www.facebook.com/maria.zakharova.167/posts/10211433125133497>. Социальная сеть Facebook признана экстремистской и запрещена на территории РФ с 04.03.2022.

² Отметим, что С. И. Походня описывает обратную ситуацию, когда благоприятный контекст накладывается на семантически отрицательное слово. Это явление исследовательница назвала «praise by blame» (похвала порицанием), такой приём также можно встретить в иронических высказываниях политического дискурса, но гораздо реже.

собственно семантических компонентов, а их логических оснований, представляющих вербализацию позиций истинности/ложности и их столкновение.

Благодаря свободному порядку слов в русском языке каждое предложение может быть организован уникально – согласно видению автора. В этой связи Т. Н. Сильман писала: «Именно через структуру предложения, его объем, способы его распространения и членения, а также через характер и способы сочетания предложений друг с другом, через своеобразие переходов от одного предложения к другому, от одного абзаца к другому, осуществляется единое движение мысли художника, находит свое выражение присущий именно ему характер этого движения» [Кожина: эл. р.]. Такая «авторизация» правил конструирования синтаксических единиц, с одной стороны, создает специфику политического дискурса каузальной атрибуции (не случайно мы назвали его первый подвид дискурсом идиомедийной рефлексии политической повестки), с другой же – детерминирует наиболее частотные способы синтаксической организации высказываний с ироническим модусом, где на первое место выходят различные стилистические фигуры как особые синтагматико-экспрессивные языковые средства. В их числе отметим следующие:

– **антитезу**, которая, будучи определенным синтагматическим «расширением» акротезы, является основным средством экспликации иронического кода, так как в самом ее понятии заложен принцип противопоставления и оппозиции.

Пример: *«Повелители слов. Всех, кроме своих. Финский журналист, который пришёл в МИД России в поисках политической подоплеки темы “чеченских геев”, передумал ехать в Чечню. Об этом он и его редакция написали в соцсетях. Помните, я спросила его: “Не боитесь?” И он ответил вопросом на вопрос “а надо?”, подразумевая безопасность. Хотя я имела в виду совсем другое: не боится ли он оторваться от своего виртуального мира и поработать “на земле”. «...» Начальник международной редакции Уле Элина Равантти заявила: “Одна из главных целей поездок журналистов – свободно встречаться с разными людьми, важными с точки зрения репортажа. Этой цели трудно*

достичь, если чиновники участвуют в составлении программы". Вот это очень смешно. Это реально очень, очень, очень смешно! Во-первых, в Чечню самостоятельно финский журналист и не собирался до нашего приглашения. Видимо, "с точки зрения репортажа", этого не требовалось. Во-вторых, за поиском ответов на свои вопросы он пришёл именно к официальным властям, так ещё и тем, которые занимаются "высокой политикой" – он пришёл во внешнеполитическое ведомство! А когда МИД России предложил ему вместо политизации темы поработать "на земле", редакция сразу начала говорить о неуместности вовлечения властей» М. В. Захарова¹;

– *различные виды повторов*, с помощью которых автор интенсифицирует воздействие на адресата благодаря противоречивости между нейтральным, эвентуальным и формирующимся экспрессивно-окрашенным значением. Повтор позволяет сохранить форму слова или словосочетания, но, «окружая» его различными смыслами, автор играет с новыми значениями слова / словосочетания и меняет к ним отношение читателя.

Пример: *«В качестве иллюстрации к заявлению об "отсутствии перемирия в Донбассе и нападений про-российских боевиков на украинские позиции" МИД Украины использовал фотографию из Афганистана, сделанную американскими морпехами в 2011 году. На замечания пользователей последовал гениальный ответ: "Если это ошибка, мы ее исправим. Но это не отменяет фактов. Россия осуществляет агрессию в отношении Украины и не выполняет Минские договоренности". Волшебно! Фотография из Афганистана 2011 года не меняет фактов нарушения Россией Минских договоренностей. И так во всём изо дня в день: враньё, враньё. Уже за руку ловишь – и всё равно врут» М. В. Захарова²;*

– *синтаксический параллелизм и перечислительные ряды*, суть которых заключается в поочередной постановке грамматически единообразных единиц, что

¹ URL: <https://www.facebook.com/maria.zakharova.167/posts/10213626402364057>. Социальная сеть Facebook признана экстремистской и запрещена на территории РФ с 04.03.2022.

² URL: <https://www.facebook.com/maria.zakharova.167/posts/10211271268927193>. Социальная сеть Facebook признана экстремистской и запрещена на территории РФ с 04.03.2022.

в определенной мере коррелирует с функциями повторов, а также помогает сделать фразу ритмичной, резкой и семантически неоднородной.

Пример: *«Каждый день читаю новости из Вашингтона: новые санкции в отношении России, поставка ПЗРК сирийским головорезам, совершенно бессмысленные, но вредоносные действия по всем направлениям внешней политики. Бог сотворил мир за 7 дней. У администрации Обамы на 2 дня больше, чтобы его разрушить»* М. В. Захарова¹;

– *градацию*, которая представляет собой стилистическую фигуру, проявляющуюся в намеренном распределении слов по нарастающему эмоциональному напряжению относительного какой-то темы и потому встречается в текстах политического дискурса довольно часто.

Пример: *«СМИ: "Глава британского МИД Борис Джонсон считает, что противники войны в Сирии должны устроить демонстрацию у посольства России в Лондоне. "Безусловно, я бы хотел видеть демонстрации тех, кто выступает против войны, у российского посольства. «Но где же коалиция «Останови войну»?», – сказал Б. Джонсон, выступая во вторник в британском парламенте". Видимо, Борис Джонсон перешёл от слов к делу и применил оружие, которым грозил России, – стыд. Нам действительно за него стыдно»*. М. В. Захарова²;

риторические вопросы, использование которых базируется на «переакцентуации» синтаксических структур – выделении нехарактерных для них референтных значений и факультативных смыслов. Синхронное применение прямого, то есть структурно-вопросительного, и переносного, то есть контекстуально-эмоционального (при этом неоспоримого!), значений добавляет речи многоплановость, конфликтность, на стыке которых рождается иронический код³.

¹ URL: <https://www.facebook.com/maria.zakharova.167/posts/10212089795829854>

² URL: <https://www.facebook.com/maria.zakharova.167/posts/10211108750584336>

³ Неслучайно И. В. Арнольд определила риторические вопросы как особые синтаксические структуры, в которых вопросительная интонация применяется для реализации нехарактерной для нее денотативной функции, а в центре внимания оказывается коннотация высказывания, помогающая автору передать свое мнение относительно представляемого предмета [Арнольд, 2002].

Пример: «*“Если Россия ждет от нас уважения и сотрудничества, то и мы ожидаем такого же отношения”*», – заявил руководитель национального МИДа. Господин Ващиковский отметил важность возвращения обломков самолета для польской стороны. «...». ***Польша ждёт от России взаимности в вопросе "уважения и сотрудничества"? Россия должна вернуть обломки самолёта? Россия должна снять с Польши экономические санкции? И всё? Это весь список? Или это весь список на 16 ноября 2016 года? Г-н Ващиковский, проблема в том, что предъявляемый к России список каждый год меняется. Мы все время что-то Польше должны, и каждый раз что-то новое. Я напомню Вам, что когда не было обломков и санкций, да и вообще не было никаких реальных проблем для "уважения и сотрудничества", все равно возникали некие "непреодолимые исторические разногласия", которые мешали Варшаве выстраивать добрососедские отношения с Россией. «...»***

Уважение и сотрудничество – вещи хорошие. Но, в данном случае, их никто не "ждёт". Потому что сами они не появятся. Нужно работать. И мы готовы. «...»

Кстати, а зачем польские власти требуют обломки самолёта? С какой целью? Единственной или их несколько? Согласитесь, вопрос закономерный, учитывая, что в Польше следствие то завершается, то снова возобновляется в зависимости от политической конъюнктуры. И не надо скрывать от польской общественности тот факт, что обломки всегда были и есть доступны для польских следователей, прокуроров и т. д.» М. В. Захарова¹;

– ***риторические обращения и восклицания***, схематически похожие на риторические вопросы: по формальным признакам они утвердительные, но включают в себя смысл, противоположный буквальному (как правило, в результате актуализации подтекстного антифразиса).

Пример: «***Yes! СМИ: "Служба безопасности Украины запретила на пять лет въезд в страну гражданке РФ Наталье Порывай, известной как певица***

¹ URL: <https://www.facebook.com/MIDRussia/photos/a.265191980246917/896209333811842>. Социальная сеть Facebook признана экстремистской и запрещена на территории РФ с 04.03.2022.

Наташа Королёва, которая в декабре собиралась выступить в Киеве с концертом. "Да, запретили въезд на пять лет", – сказали агентству "Интерфакс-Украина" в пресс-центре СБУ. В СБУ пока не уточнили формулировку основания для запрета въезда". Гоголь вовремя умер, надо честно признаться. PS Но ничего. У Олега Ляшко опыт пения патриотических песен в Луганске есть – не пропадут».
М. В. Захарова¹.

*Пример: «**О, Боже! Да за что же они так со своим же Госсекретарём!!!***

Он ведь только вчера в зале СБ ООН пытался всех убедить, что конвои в Алеппо – российских рук дело. И меньше чем через сутки Пентагон стреляет ему в спину: "Американские военные не располагают фактами о причастности России к удару по гуманитарному конвою в районе Алеппо, но считают её ответственной за этот удар", – заявил в четверг глава Комитета начальников штабов (КНШ) ВС США генерал Джозеф Данфорд. «...». Вот так тупо и безжалостно они подставили Госдеп и показали высоту полёта американских силовиков» М. В. Захарова²;

– *парцелляцию*, где механизм создания иронического кода обуславливается двухкомпонентностью их конструкции. Паузированное (или графически оформленное) отчленение парцеллянта прагматически маркирует оценку говорящего относительно какой-либо ситуации и способствует тем самым формированию иронического подтекста. Важно, что парцеллированные конструкции увеличивают экспрессивность высказывания, которая пропадает, если их объединить в одно предложение.

*Пример: «То, что сделал Алишер Усманов, записав видеообращение к Алексею Навальному, будут изучать в ВУЗах и колледжах специалисты по риторике и пиару. Великий же и могучий имеет для таких случаев четкую и далеко не новаторскую классификацию – "положить на". И Усманов "положил на Навального" так, что ни одному юристу или политехнологу тут делать нечего. **Один раз и навсегда.***

¹ URL: <https://www.facebook.com/maria.zakharova.167/posts/10211222549429236>

² URL: <https://www.facebook.com/maria.zakharova.167/posts/10210934088417891>. Социальная сеть Facebook признана экстремистской и запрещена на территории РФ с 04.03.2022.

Каждое слово как стопудовый камень. И все "положены на". "Тьфу не тебя" – и нет больше никого. Круто. Потому что по-мужски» М. В. Захарова¹.

Очевидно, что орнаментальный характер стилистических фигур не только усиливает семантический потенциал включенных лексических средств, но и создает ту самую «украшательность», которая важна для создания иронического контекста и его рефлексии адресатом. Вместе с тем можно выделить и другие лексико-синтаксические средства, маркирующие иронический модус интеракции и демонстрирующие аксиологические позиции автора текста:

– *вводные/вставные конструкции*, с помощью которых автор выражает своё субъективное мнение, дает оценку событию или личности, при этом иронический код может актуализироваться как в самой вводной конструкции, так и в её несовместимости с остальным текстом. Нередко такие синтагматические средства, демонстрируя оценочную характеристику, вступают в конфликт с прямым (буквальным) смыслом высказывания, порой доводят его до абсурда и, как следствие, появляется иронический контекст.

Пример: *«Ряд западных СМИ (France Press, BBC и немецкие издания) сегодня опубликовали следующую информацию: "Представитель немецкого МИД Мартин Шефер заявил, что М. Захарова "распространяет информацию, которая объективно ложна" и назвал этот шаг недружественным»*.

Напомню, о чем идет речь. «...» А. Меркель якобы уговорила В. Путина поддержать в качестве кандидата от Болгарии на пост Генерального секретаря ООН К. Георгиеву вместо выдвинутой ранее Софией И. Боковой. Замечу, что эта информация стала главной новостью в Болгарии и перепевалась на все лады. Я взяла паузу, несколько раз всё перепроверила и опубликовала согласованный ответ, основанный исключительно на фактах. «...» «Мы видели публикации в болгарской прессе о том, что Россия якобы вовлечена в подобные игры по смене кандидатов, а руководство Болгарии планирует поменять свое решение и переназначить кандидата под давлением неких внешних игроков. Иначе как попыткой втянуть нашу страну в какие-то закулисные игры их назвать нельзя».

¹ URL: <https://www.facebook.com/maria.zakharova.167/posts/10213452932107409>

Ни одного слова, не соответствующего действительности, в этом комментарии нет.

*И у меня есть неопровержимое доказательство того, что Мартин Шефер, обвиняя меня в распространении лживой информации, **мягко скажем**, говорит неправду. Сегодня состоялся телефонный разговор С. Лаврова и Ф.-В. Штайнмайера. Если бы, **по мнению Берлина**, Канцлер ФРГ была оклеветана российской стороной, этот вопрос непременно был бы поднят в ходе разговора министров. Мало того, он бы с этого начался. В ходе общения эта тема даже не поднималась.*

*«...» На момент распространения в Болгарии обозначенной дезы, **как я понимаю**, Мартина Шефера в этих публикациях, рассказывающих о некой договоренности между А. Меркель и В. Путиным по смене болгарского кандидата, все устраивало» М. В. Захарова¹;*

*– **предложения с императивной модальностью.** Бесспорно, само по себе повелительное наклонение не является языковым средством экспликации иронического кода, это традиционный директивный тип речи. Однако контекстуально нередко возникает противоречие между императивной формой выражения и его семасиологической сущностью.*

*Пример: «CNN не может себе этого позволить, потому что редакция находится в Соединенных Штатах Америки и никогда их туда не отправит, потому что тогда они должны будут рассказать правду... **Я вам даю, лично вам даю разрешение, разрешаю, можно сказать, повелеваю вам** взять интервью у представителя Донбасса, который находится в этом здании и является вашим коллегой, журналистом. **Начните с него, поговорите с ним.***

Вам же никогда не разрешат этот материал показать, вы же знаете это лучше меня. И никогда эти материалы не появятся на CNN, потому что вокруг штаб-квартиры тогда начнут ходить кругами заказные демонстранты и вас начнут отменять точно так же, как всех других, кто показывает правду. Еще раз

¹ URL: <https://www.facebook.com/maria.zakharova.167/posts/10210845140114239>. Социальная сеть Facebook признана экстремистской и запрещена на территории РФ с 04.03.2022.

говоря, какое вам нужно разрешение, чтобы взять интервью у человека, который приехал с Донбасса? Никакого не нужно разрешения. Я вам разрешила, он тоже – поговорите с ним, он вам расскажет правду»¹;

– **цитаты и косвенная речь**, включение которых направлено на демонстрацию истинности высказывания, при этом «столкновение» с позицией автора свидетельствует о ложности сообщаемого факта. Важно отметить, что при использовании цитаты в качестве средства выражения иронии её не подвергают никаким изменениям, в этом случае ирония возникает из-за взаимодействия между исходным смыслом цитаты, заложенным её автором и новым контекстом, который ей придает ироник и все его читатели. Есть и другой способ использования цитаты для создания иронии – её разрушение, полное или частичное переосмысление, то есть ирония строится на взаимодействии четырех аспектов: собственного смысла цитаты, его измененного значения, исходного контекста и приобретенного после актуализации ироником².

Пример: *«Сегодня The Guardian попросила прокомментировать заявление Директора британской MI-5 Эндрю Паркера о том, что он видит в России угрозу стабильности Великобритании. В первом за всю 107-летнюю историю королевской контрразведки интервью глава службы заявил The Guardian, что Москва «использует весь свой модельный ряд госорганов и полномочий для продвижения за рубеж своей внешней политики все более и более агрессивными способами». Паркер обвинил Россию в использовании «пропаганды, шпионажа, диверсий и кибератак», а также подчеркнул, что таким образом она работает сегодня «по всей Европе и в Великобритании». Задачу MI-5 он видит в противодействии этой деятельности.*

Я ответила The Guardian, что к главе MI-5, заявившему об "использовании Москвой всего модельного ряда для продвижения своей внешней политики, угрожающей стабильности его страны" у меня есть уточняющийся вопрос:

¹ URL: <https://www.politnavigator.net/povelevayu-vam-zakharova-ne-sderzhala-ehmocijj-v-obshhenii-s-amerikanskim-zhurnalistom.html>

² Цитата также способна активизировать ассоциации, поскольку может стать «стартом» иронического смысла, которого в цитате первоначально не было. В этом случае цитирование следует трактовать как составляющую часть композиционно-языковых приема (группа 4).

"Считает ли он назначение Бориса Джонсона на пост главы внешнеполитического ведомства Великобритании делом рук Кремля?"» М. В. Захарова¹.

Использование последнего средства в письменной речи формирует особую совокупность маркеров иронии – *графические знаки (кавычки, многоточие, смайлы)*, которые мы также отнесли к группе лексико-синтаксических средств, поскольку они реализуются на уровне синтагмы и придают высказыванию иное, нередко противоположное «звучание». Так, в случае многоточия читатель мысленно повторяет интонацию автора, где стоит данный знак, делает большую паузу и фокусируется на следующем фрагменте, где, как правило представлен либо неожиданный смысловой поворот, либо рассуждения над предметом иронии. Увидев кавычки, читатель понимает, что (1) слова принадлежат не иронику, а его оппоненту или единомышленнику, после цитирования следует авторский анализ фразы, актуализирующий ложность высказывания, (2) кавычки могут маркировать обратный смысл, тем самым иронический код оказывается «на поверхности». Восклицательные и вопросительные знаки (сейчас мы не говорим о риторических вопросах и восклицаниях) демонстрируют использование интонационных конструкций, не соответствующих плану содержания, что обуславливает асинхронию языкового знака на синтаксическом уровне. Смайлы и эмодзи способствуют «орализации» высказывания и изменению смыслового пространства текста путем совмещения различных семиотических систем.

Пример: *«СМИ: «Союз УЕФА попросил украинскую команду прикрыть расположенный на форме к матчам чемпионата Европы лозунг «Героям слава!». Об этом сообщили в пресс-службе УЕФА. Отмечается, что делегат УЕФА будет перед каждым матчем проверять, виден ли лозунг» Замазка, клей, изолента? Или 🗂» М. В. Захарова².*

¹ URL: <https://www.facebook.com/maria.zakharova.167/posts/10211346441966472>. Социальная сеть Facebook признана экстремистской и запрещена на территории РФ с 04.03.2022.

² URL: <https://www.facebook.com/maria.zakharova.167/posts/10226278212211396>. Социальная сеть Facebook признана экстремистской и запрещена на территории РФ с 04.03.2022.

Пример: «... Генеральный секретарь НАТО Й. Столтенберг регулярно делает заявления о том, что «Россия отказывается от диалога с альянсом», «...». Мы тут же комментируем: мы не закрылись, а дальше излагаем нашу позицию. И следом он начинает повторять, что «Россия закрылась от диалога», «не взаимодействует», «мы не слышим ответа» «...» На уровне руководства МИД РФ неоднократно комментировали ситуацию вокруг диалога России и НАТО. «...» Что касается приглашения Генсека альянса Й. Столтенберга на Московскую конференцию по международной безопасности, то российской стороной получен ответ. Как Вы думаете, каков он? Каждый день мы слышим заявления Й. Столтенберга, что он «очень хочет взаимодействовать с нашей страной», «мяч на стороне России», «Россия отказывается от диалога». Но на наше приглашение принять участие в Московской конференции по международной безопасности российской стороной получен ответ с отказом от посещения указанного мероприятия. Что может лучше свидетельствовать об истинных намерениях НАТО и его Генсека?» **Эй, НАТО, выньте 🖐 из 🗨**» М. В. Захарова¹.

Описанная группа лексико-синтаксических средств является очевидным показателем иронического модуса политических дискурсивных практик, однако разнохарактерность политического взаимодействия обуславливает возможность вычленения и более сложных вербальных явлений, которые не могут быть отнесены к данной и ранее охарактеризованным группам языковых средств экспликации иронического кода.

4. Композиционно-языковые средства и приемы

Как было доказано в главе 2, любое нарушение этапов создания / рецепции иронического кода (см. схему 4) обуславливает ироническое фиаско: в лучшем случае ирония не будет «прочитана», в худшем же приведет к открытому конфликту между ироником и объектом иронии. Соответственно, чрезвычайно важно при рефлексии высказывания с ироническим модусом быть в курсе исторических и геополитических событий, «повестки дня», языковой картины

¹ URL: <https://www.facebook.com/MIDRussia/posts/3490481214384628>. Социальная сеть Facebook признана экстремистской и запрещена на территории РФ с 04.03.2022.

мира как автора и адресата, их религиозных устоев, культурных и аксиологических воззрений и т. д. В этой связи базисом создания иронического кода и опорными компонентами его рецепции оказываются сложные текстовые явления, в числе которых:

– *завышение / занижение или смешение стилистического (-их) регистра (-ов)*. И одно, и другое явление связано с включением в коммуникативный акт определенных лексических единиц, относимых к разным стилистическим пластам или их одновременным использованием (например, жаргонизмов и патетической лексики и т. д.). Несмотря на то что в основе данного приема лежит употребление отдельных вербальных знаков, уместность или нарочитая «несуразность» выбранной лексемы и, как следствие, иронический контекст фиксируется только на уровне текста в целом.

Пример: *«По информации Daily Mail (выпуск выходного дня The Mail On Sunday), Министр иностранных дел Великобритании Борис Джонсон «пришёл в ярость» из-за того, что официальному представителю МИД России Марии Захаровой было отправлено приглашение посетить торжественный вечер в палате общин. Газета целую полосу посвятила этой животрепещущей теме. Представляю, что было бы, если бы я поехала 🐱 **Неленые** они, конечно: Лондон давно стал **прибежищем всякой нечисти, вроде недобитых террористов, беглых олигархов и проворовавшихся чиновников.** А тут отправленное приглашение возмутило. Демократия, одним словом.*

Объявляю конкурс карикатуры на тему "Борис Джонсон пришёл в ярость из-за направления приглашения Марии Захаровой на торжественный вечер в палату общин". Победителю – приз. Работы оставляйте под этим постом» М. В. Захарова¹;

– *иронический перифраз*, который может актуализироваться в своем «классическом» варианте – описательное название предмета или объекта, основанное на его характерных качествах (и тогда, вероятно, может быть включен в группу лексико-семантических средств наряду с эпитетами, олицетворением и

¹ URL: <https://www.facebook.com/maria.zakharova.167/posts/10212291518472794>. Социальная сеть Facebook признана экстремистской и запрещена на территории РФ с 04.03.2022.

метафорой), но нередко в политическом дискурсе построен на изменении устойчивых словосочетаний и неожиданном их завершении.

Пример: *«Американские официальные лица «анонимно пробрифинговали» свои СМИ о том, что в качестве ответной меры Россия закрыла американскую школу в Москве. Это ложь. Видимо, Белый дом совсем обезумел и начал придумывать санкции против своих же собственных детей. И не надо писать, что «Москва опровергла... или Москва не будет...». Напишите как есть: "Телеканал CNN и другие западные СМИ снова со ссылкой на американские официальные источники распространили недостоверную информацию». Обычно, у Деда мороза просят что-нибудь принести. В этом году я попрошу его кого-нибудь унести»* М. В. Захарова¹.

Пример: *«“Мы нуждаемся в США как мировом жандарме, нам необходимо глобальное лидерство США”, – сказал Расмуссен в интервью американскому телеканалу Sky News. Напомню, этот человек возглавлял НАТО. Откуда такая рабская психология, спросите вы? Таких подбирают в руководство международных организаций, подконтрольных Вашингтону, и продвигают в политических элитах Европы. Как далеки эти люди с маленькой буквы, мечтающие о мировой жандармерии, от демократии. Не уверена, что они в принципе о ней знают».* М. В. Захарова²;

– *собираТЕЛЬНЫЙ иронический образ*, который не только представляет собой определенное расширение иронического перифраза путем комбинирования многих языковых единиц, но и является мощным средством воздействия на реципиента, позволяющим исключить некоторые коммуникативные риски, поскольку адресату воспринять некий абстрактный образ бывает гораздо проще, нежели погружаться в историю вопроса для корректного дешифрования иронии.

Пример: *«Новости 21 века: “Вице-президент США Джозеф Байден предупредил украинские власти о необходимости выполнять обещанные*

¹ URL: <https://www.facebook.com/maria.zakharova.167/posts/10211978358603993>. Социальная сеть Facebook признана экстремистской и запрещена на территории РФ с 04.03.2022.

² URL: <https://www.facebook.com/maria.zakharova.167/posts/10211361138093866>. Социальная сеть Facebook признана экстремистской и запрещена на территории РФ с 04.03.2022.

экономические и политические реформы или стать свидетелем того, как ЕС отказывается от санкций в отношении РФ, сообщает агентство «Рейтер». «Мы знаем, что если они дадут повод ЕС, сейчас есть, как минимум, пять стран, которые хотят сказать “Мы хотим выйти из санкций против Москвы”, – сказал Байден, выступая в Совете по международным отношениям в Нью-Йорке”.

В переводе это звучит так: “Братья украинцы! Надо еще поднатужиться. Забудьте о смысле, не думайте о последствиях. Ваша цель – продление антироссийских санкций! Повторяйте это трижды в день, и счастья наших детей станет утешением для ваших” М. В. Захарова¹;

– *пародия* и *гротеск*. Ранее мы относили пародию и гротеск к самостоятельным компонентам парадигмы комического, но с оговоркой, что они могут служить средствами создания иронии, тогда как ирония никогда не является средством создания гротеска или пародии. Ирония, реализованная посредством пародии, опирается на интертекстуальность и может быть корректно прочитана только подготовленным человеком, у которого возникнут корректные ассоциации, заложенные автором пародийной иронии. Схема построения иронии на основе пародии не отличается от многих вышеперечисленных – она базируется на контрасте между начальным и переосмысленным текстом, при этом на фокус внимания перемежается – центральная тема пародийной иронии редко (почти никогда) не совпадает с той, которая была в пародируемом тексте.

Пример: «Беспощадный Борис Джонсон. Просто порвал всех с утра. Представляю: – Сергей Викторович, беда. У британцев против нас новое оружие появилось – стыд. В Сколково пока ничего такого не изобрели. – Сергей Кужугетович, попробуйте давать солдатам коктейль из формотерола, триамцинолона, преднизолола и преднизолона. Комплексное средство помогает избавиться от стыда и нарастить мышечную массу. Испробовано на американских теннисистках» М. В. Захарова²;

¹ URL: <https://www.facebook.com/maria.zakharova.167/posts/10210929538264140>

² URL: <https://www.facebook.com/maria.zakharova.167/posts/10211012156129535>. Социальная сеть Facebook признана экстремистской и запрещена на территории РФ с 04.03.2022.

– *ассоциации и прецедентные языковые конструкты*. При анализе текстов мы обратили внимание на то, что ирония, вызывающая ассоциации, запоминается быстрее и дольше удерживается в памяти. Средства её вербального представления разнообразны: это может быть упоминание о какой-то личности, обращение к прецедентному тексту, апеллирование к имени собственному и др. Ассоциативность и прецедентность сложным образом сочетают контекстуальность и интертекстуальность¹, поэтому рефлексия иронического кода, с одной стороны, нередко оказывается «отсроченной», с другой же – именно такой способ репрезентации иронического модуса создает афористические высказывания, которыми сегодня «пестрит» политический дискурс.

Пример: *«Недружественные акции в отношении России также не прекращаются. Завели пренеприличный обычай. По любому поводу цеплять Россию. Какой-то новый вид спорта – кто громче что-то скажет. Мы ведем себя максимально сдержанно. Даже скромно. Иногда вообще не отвечаем даже на откровенное хамство. Мы хотим иметь хорошие отношения с международными партнерами. Но нас в последнее время любят цеплять. **Вокруг Шерхана крутятся мелкие Табаки, подвывают. Все, как у Киплинга. Киплинг – великий писатель**»* В. В. Путин².

Пример: *«Вот когда Саманта Пауэр что-то говорит, то хочется плакать от страха за будущее мира – оно в руках, которые подчиняются именно таким головам. Очередная блестящая цитата – Постпред США при ООН, не найдя никакой иной аргументации, сравнила действия России в Сирии с варварскими. «...» Но Вы, Саманта, не останавливайтесь: чем больше Вы говорите, тем меньше работы у «кремлевской пропаганды». А теперь серьезно. Причин этой **«Саманты Барбары», в которую американцы Превращают Совбез, две. «...»*** М. В. Захарова³.

¹ См. в этой связи высказывание Э. Геллнер: «Нестабильность и стремительные изменения как в сфере познания, так и в самом обществе, лишили человека прежнего надежного представления о самом себе. Похоже, что в современном мире идентичность наиболее условна и задействует аппарат иронии больше, чем когда-либо прежде» [47, с. 247].

² URL: <https://www.kp.ru/daily/27268.4/4401849/>

³ URL: <https://www.facebook.com/maria.zakharova.167/posts/10210969396780578>. Социальная сеть Facebook признана экстремистской и запрещена на территории РФ с 04.03.2022.

Таким образом, можно утверждать, что все описанные языковые средства создания иронии (фонетико-фонологические, лексико-семантические, лексико-синтаксические) становятся актуальными только в составе определенного сверхфразового единства, и их адекватное декодирование возможно лишь при учете множества пресуппозиционных установок и экстралингвистических факторов. Соблюдение данных требований и умелое оперирования внетекстовыми знаниями, включающими культуроспецифические и аксиологические компоненты, приводит к тому, что иронический код становится более «выпуклым», а сама ирония оказывается не только и не столько языковым явлением, сколько философским феноменом, отражающим как когнитивно-прагматическое отношение автора к ситуации, так и особую мировоззренческую позицию.

Совокупность выявленных (и описанных в главе 2 и главе 3) средств, способов и приемов экзemplификации иронического кода в разножанровых дискурсивных политических интеракциях можно представить в виде следующей схемы (см. Схему 5).

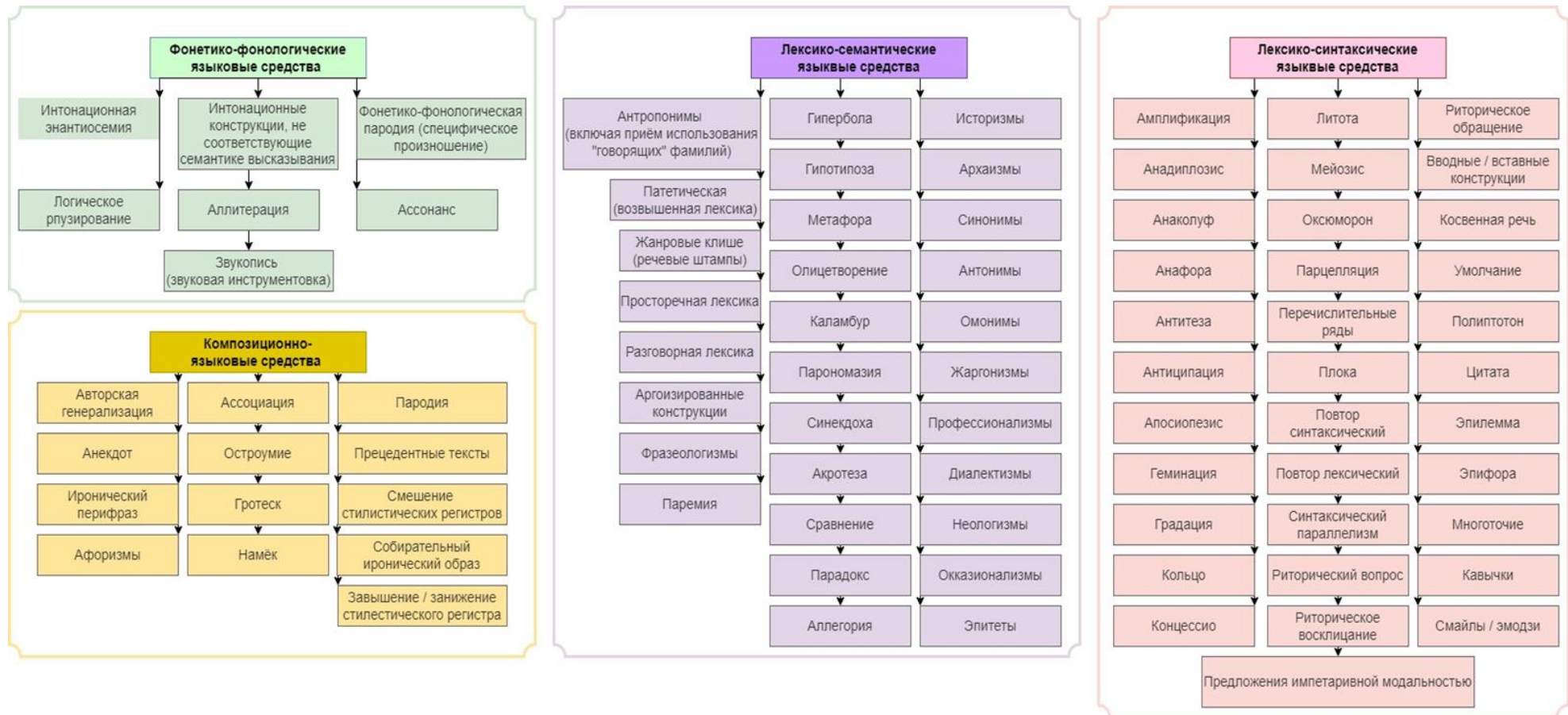

Схема 5 – Языковые средства создания иронического кода

Квантитативный анализ предложенной системы лингвистических средств и способов экспликации иронического кода в политических дискурсивных практиках позволил выявить частотность отдельных вербальных компонентов, и корреляцию разных групп языковых явлений в целом и графически представить полученные результаты в виде двух диаграмм (Графики 19, 20).

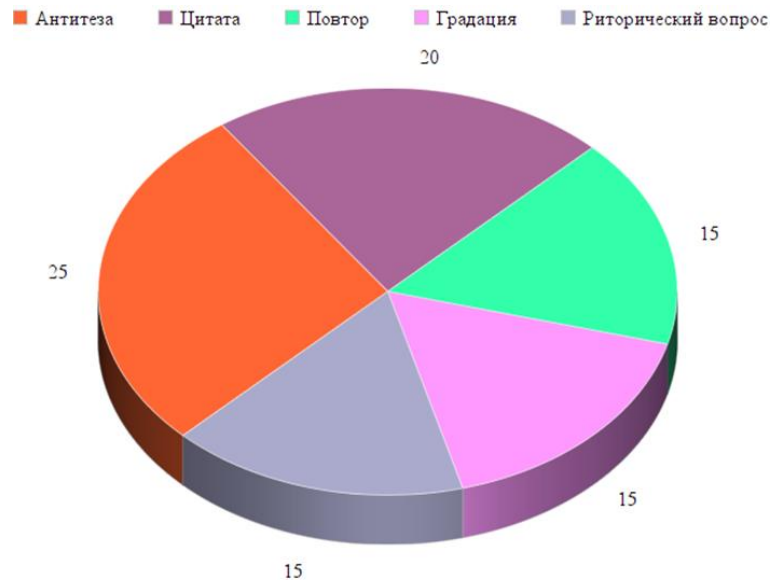

График 19 – Частотность использования отдельных вербальных компонентов

График 20 – Корреляция использования различных групп языковых средств создания иронии в политическом дискурсе

Частотность использования различных языковых средств при создании иронического кода в политическом дискурсе (на 100 речевых единиц) мы представляем в виде Графика 19 наиболее часто встречающихся в политическом дискурсе.

Опираясь на полученные данные, мы можем утверждать, что наиболее эффективными способами создания иронического кода являются языковые средства, относимые к лексико-синтаксической группе (антитеза, аллюзия, риторический вопрос, градация, повтор (синтаксический/ композиционный) и цитирование), однако их «полноценная дешифровка» обусловлена композиционно-языковой структурой текста в целом.

Выводы по главе 3

1. Анализ текстовых единиц, репрезентирующих специфику системного политического дискурса, убеждает, что в силу строгой иерархичности, институциональности, протокольности, присущей трафаретному виду системного политического дискурса в значительной степени, ирония практически не встречается. Однако анализ дискурса политической пропаганды демонстрирует противоположное отношение к иронии у тех же политиков, которые при общении в рамках трафаретного вида политического дискурса практически не прибегали к ее использованию. При «переходе» политика в среду общения с журналистами количество вербальных практик с включением иронического кода резко увеличивается. Это связано с необходимостью преобразовывать свои мысли и речь в систему, понятную реципиентам, что влечет за собой смену регистров: с официально-делового общения политики переходят в более свободный разговорный жанр.

2. Анализ текстовых единиц, репрезентирующих специфику дискурса каузальной атрибуции, демонстрирует обилие речевых (и полисемиотических) конструкций с включением иронического кода, что детерминируется несколькими факторами. Во-первых, ирония позволяет выразить неодобрение имплицитно, во-вторых, иронический код передает эмоции автора, в-третьих, в рамках

политического дискурса каузальной атрибуции отсутствует понятие «иерархии» и, как следствие, пропадает необходимость придерживаться официально-делового стиля коммуникации.

3. Языковые средства экзemplификации иронического кода весьма многообразны, что обусловлено не только категориальной сущностью иронии как комического приема и/или авторской манерой речепорождения, но и синтагматической организацией высказывания с ироническим кодом (где сам способ конструирования оказывается значимым для выделения эмфатического центра данного высказывания) и возможностью конвергентного соединения отдельных вербальных знаков в рамках конкретной интеракции, что с учетом дискурсивных и этнокультурных параметров является базисом рождения феномена иронии.

4. Кластер языковых средств, эксплицирующих иронический модус высказываний в рамках политического дискурса, включает в себя четыре блока, объединяющих различные языковые явления, имеющие корреляцию с уровневым строением русской языковой системы. Так, группа фонетико-фонологических средств представлена *интонационной энантиосемией, интонационными конструкциями, не соответствующими семантике высказывания, фонетико-фонологической пародией (специфическим произношением), логическим паузированием, аллитерацией, ассонансом, звукописью (звуковой инструментровкой)*; группа лексико-семантических средства объединяет *антропонимы (включая прием использования 'говорящих' фамилий), гиперболу, архаизмы, патетическую (возвышенную) лексику, гипотипозу, историзмы, метафору, синонимы, жанровые клише (речевые штампы), антонимы, омонимы, жаргонизмы, профессионализмы, диалектизмы, разговорную лексику, просторечную лексику, аргоизированные конструкции, неологизмы, эпитеты, окказионализмы, олицетворения, каламбуры, параномазию, синекдоху, акротезу, сравнения, парадокс, аллегория, фразеологизмы, паремию*; группа лексико-синтаксических средств включает *амплификацию, анадиплозис, анаколуф, анафору, антитезу, антиципацию, апосиопезис, геминацию, градацию, кольцо,*

концессии, литоту, мейозис, оксюморон, парцелляцию, перечислительные ряды, плоку, повтор композиционный, повтор лексический, синтаксический параллелизм, предложения с императивной модальностью, риторический вопрос, риторическое восклицание, риторическое обращение, вводные / вставные конструкции, косвенную речь, умолчание, полипитон, цитату, эпилемму, эпифору, многоточие, кавычки, смайлы/эмоджи; группа композиционно-языковых средств и приемов экспликации иронического кода представлена авторской генерализацией, анекдотом, ироническим перифразом, афоризмами, ассоциацией, остроумием, гротеском, намёком, пародией, прецедентными текстами, завышением / занижением стилистического регистра, смешением стилистических регистров, собирательным ироническим образом.

5. Особым явлением современного политического дискурса является *поликодовая ирония*, экземплифицирующаяся в интернет-мемах (современном типе коммуникации) этноспецифичными вербальными и невербальными конституентами и являющаяся существенным инструментом политики (в силу реализации функции некой «обратной связи» со стороны народа на действия властей). Умелое оперирование автора и адресата внетекстовыми знаниями, включающими культуроспецифические и ценностно-этические компоненты, приводит к тому, что иронический код становится более «выпуклым», а сама ирония оказывается не только и не столько языковым явлением, сколько аксиологическим феноменом, отражающим как когнитивно-прагматическое отношение автора к ситуации, так и особую мировоззренческую позицию.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Настоящая диссертация, содержанием которой явилось исследование доминантных вербальных способов экспликации иронии в русскоязычном политическом дискурсе, представляет собой опыт комплексного лингвокультурологического анализа системы знаковых конститuentов, репрезентирующих процесс и механизмы создания и рецепции иронического кода в разнохарактерных российских политических интеракциях.

В нашем исследовании мы предприняли попытку обобщения всех представленных трактовок феномена иронии, на основании чего сделали вывод, что с лингвистической точки зрения ирония – это способ передачи оценки, формирующийся на присоединении к узуальному смыслу высказывания или его составных элементов, контекстно детерминированных имплицитных смыслов, созданных на асимметричности языкового знака. Ирония есть особое явление, созданное при помощи языковых единиц, относящихся к разным ярусам системы, и проявляющееся зачастую исключительно на уровне сверхфразового единства (и интерпретируемым с учетом контекста). Ирония базируется на двойном кодировании, сопоставлении нескольких текстуальных стилей, цитировании, сравнении, применении прецедентных текстов, окказионализмов, пародий, что дает основание истолковывать вариативно высказывание с ироническим модусом. Ирония рождается из шутки и переходит в парадокс. С помощью иронии ставятся под сомнение давно устоявшиеся принципы, правила и нормы. Ирония меняет весь современный аксиологический контекст. Вероятно, именно в этом заключаются и феномен иронии, и научный интерес к ее описанию.

Было выявлено, что успешный процесс обмена ценностными установками посредством иронии в политическом дискурсе сопряжен со сложным, многоуровневым процессом. Эффективная коммуникация возможна лишь при корректном декодировании иронии, включающим в себя адекватное (хотя бы частично) совпадение семиотической системы автора и реципиента.

Основываясь на понимании дискурса в целом как «комплексного коммуникативно-прагматического поликодового явления, развитие которого

направлено на порождение, распространение и обмен категориальными сущностями социальной системы, починающегося закономерностям лингвокультурной ситуации и функционирующего в соответствии с когнитивными, психологическими, идеологическими и проч. установками универсума» [Атанова, 2020, с. 180], мы констатировали особенности политического типа дискурса – его неоднородность, разноориентированность, с одной стороны, и апеллирование к лингвокультурным константам общества – с другой. В ходе проведенного анализа мы атрибутировали политический дискурс как институционально-персональный, так как, несмотря на то что политическое взаимодействие представляет собой отдельный социальный институт, роль персоны в формировании политической повестки все более возрастает. Таким образом, можно категоризировать политический дискурс как институционально-персонализированное публичное поведение, основными концептами которого являются «политика», «власть», а основополагающей задачей – повышение уровня легитимности коммуникативного акта.

С учетом представленного толкования и согласно поставленной цели исследования была создана двухуровневая модель политической коммуникации, согласно которой каждый вид политического дискурса имеет свои особенные черты, функции, цели коммуникации, однако все они взаимообусловлены и не могут существовать в отрыве друг от друга: первичной интеракции / системный политический дискурс – трафаретный и политической пропаганды; вторичной интеракции / дискурс каузальной атрибуции – дискурс идеомедийной рефлексии политической повестки и дискурс коллективной рефлексии политической повестки.

Поэтапное, последовательное изучение политических дискурсивных практик по представленной модели потребовало диахронического экскурса, предполагающего изучение культурно-исторических и экономико-политических факторов; систематизацию формальных, прагматических и аксиологических конститuentов политических интеракций; фиксации внимания на специфичности знаковых (в широком смысле) кодов, эксплицирующих политическую повестку.

В итоге проделанной работы мы пришли к выводу, что объединение столь различных явлений, как институциональность и «выход в СМИ», элитарность и народность, официальный стиль речи и разговорно-сниженная лексика и т. д., обусловлено ориентированностью политического дискурса на внутреннюю (политические деятели) и внешнюю (общение с электоратом) среды. От целевой аудитории зависит и выбор языковых средств автора: при ориентированности на акторов первичной интеракции языковые средства представлены в большей степени языковыми клише, юридическими терминами (явление иронии практически полностью отсутствует); в то время как в дискурсе каузальной атрибуции преобладают метафоры, аллюзии, фразеологизмы и прочие языковые средства создания иронического кода и, соответственно, образного, запоминающегося текста.

Таким образом, политический дискурс, представляя собой ярко выраженную эмоциогенную среду, оказывается «сверхчувствительной компонентой» современной российской логосферы, где новые формы коммуникативного взаимодействия, транслирующиеся в иные дискурсивные интеракции, не только создаются, но и, что важнее, отрабатываются и закрепляются в качестве эталонных моделей. При этом соотношение информации (нередко негативной) и ее позитивной языковой категоризации обеспечивается определенными идиостилистическими средствами, вызывающими необходимый автору эмоциональный отклик.

Стоит отметить, что, несмотря на различную вербальную (равно как и невербальную) реализацию содержания речи, принцип шифрования и дешифрования иронического кода не подвергается изменениям. Для корректного дешифрования смысла иронического кода, заложенного автором с опорой на его представления о картине мира реципиента, необходимо, чтобы получатель обладал теми экстралингвистическими знаниями, необходимыми для понимания имплицитных смыслов высказывания. Иными словами, необходимо, чтобы тезис α , заложенный ироником, и тезис β (ирония, воспринимаемая реципиентом) совпали. В противном случае может возникнуть коммуникативная неудача.

Выведенная нами схема процесса создания – передачи – осознания иронического кода является универсальной и актуальна не только в рамках изучения иронии в политическом дискурсе, но и при анализе любого текста, содержащего скрытый смысл.

Переходный характер иронии, иллокутивная косвенность и нетипичность ее модели детерминирует высочайшую степень экспрессии в свернутой «упаковке», актуализирует процесс эмотивно-интеллектуального воздействия и тем самым обеспечивают успешную реализацию прагматической цели. Будучи в своей основе, как правило, стилистической фигурой с вполне определенной синтаксической структурой, она в то же время является, как и классические тропы (метафора, метонимия и др.), формой эмотивно-художественного мышления, содержащей многоплановое приращение смысла в акте ценностно-идеологического освоения действительности. Более того, при идиомаркированной (авторской) экспликации данного языкового знака акцентуируются явления реляционного плана: сам характер, тип сцепления отрезков текста несет значимую семасиологическую и стилистическую нагрузку – мир, понимаемый через сопоставление / расширение неких разнородных понятий, а priori многослоен. Конвергентность категориальных признаков иронии многократно повышает интерпретационно-воздействующий потенциал высказывания и тем самым обеспечивает специфическую институциональность политической практики.

Таким образом, ирония, представляя собой универсальное явление полифункционального характера, обладающее неограниченными возможностями реализации интенционального вектора высказывания, оказывается, как способом выражения отношения к миру (зависимым от ментальных особенностей определенного этноса), так и способом отражения этого мира, что позволяет рассматривать ее (иронию) в качестве лингвокультурного спецификатора современного политического дискурса.

Проведение комплексного анализа прагматического содержания и эмотивного побуждения иронии посредством метода критического осмысления акта коммуникации позволили описать лингвопрагматический

инструментарий текстов политического дискурса, который демонстрирует широкий кластер как вербальных средств, представленных на фонетико-фонологическом (*ассонанс, аллитерация, звукопись* и др.), лексико-семантическом (*жанровые клише, олицетворение, эпитеты* и др.), лексическо-синтаксическом (*антитеза, риторический вопрос, цитата* и др.) уровнях, так и композиционно-языковых приемов (*авторская генерализация, пародия, прецедентные тексты* и др.) и поликодовых текстов (*мемы, публикации в социальных сетях, сопровождающиеся визуальным рядом,* и др.). Было установлено, что тип политического дискурса определяет речевое поведение политика и выбор знаковых (в широком смысле) средств передачи информации.

Сопоставительный анализ речей политиков, журналистов, электората позволил выявить наиболее часто используемые средства выражения иронического кода, в результате чего была предложена таксономия языковых маркеров иронии и охарактеризованы наиболее эффективные лингвокогнитивные механизмы дешифрования иронического кода высказывания.

Дальнейшие перспективы исследования видятся в компаративном описании «успешных» иронических конструкций и их «противоположностей», приводивших к коммуникативным неудачам. В этой связи представляется интересным и изучение вербальных компонентов речевых конструкций «ответной реакции оппонентов на высказывания с ироническим кодом», поскольку вектор такого исследования будет направлен на анализ не только собственно языковых конструкторов, но и когнитивных механизмов «осмысления» иронического кода и вторичной реакции на иронический модус коммуникативной интеракции.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Александрова, А. В. Дискурс иронии в социокультурном контексте / А. В. Александрова // Дискурс Пи. – 2009. – № 8. – С. 8–10.
2. Антонова, Ю. А. Коммуникативные стратегии и тактики в современном газетном дискурсе (отклики на террористический акт) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Антонова Юлия Анатольевна. – Екатеринбург, 2007. – 24 с.
3. Апресян, Ю. Д. Избранные труды. Т. I Лексическая семантика / Ю. Д. Апресян. – М. : Языки русской культуры, 1995. – 472 с.
4. Аристотель. Риторика. Т. 1 / Аристотель. – М. : Литрес, 2017. – 204 с.
5. Аристотель. Сочинения : в 4 томах / Аристотель. – 4-е изд. – М. : Мысль, 1983. – 779 с.
6. Арутюнова, Н. Д. Язык и мир человека / Н. Д. Арутюнова. – М. : Языки русской культуры, 1999. – 896 с.
7. Арутюнова, Н. Д. Истина. Добро. Красота: взаимодействие концептов / Н. Д. Арутюнова // Логический анализ языка. Языки эстетики: концептуальные поля прекрасного и безобразного. – М. : Индрик, 2004. – С. 5–29.
8. Арутюнова, Н. Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт / Н. Д. Арутюнова. – М. : Наука, 1988. – 341 с.
9. Архангельская, Ю. В. Оказиональное варьирование фразеологизмов как способ выражения в дискурсе Л. Н. Толстого / Ю. В. Архангельская // Гуманитарные ведомости ТГПУ им. Л. Н. Толстого. – 2012. – № 3. – С. 33–39.
10. Атанова, Д. В. Лингвокультурные доминанты религиозных дискурсивных практик (на материале текстов православия и протестантизма) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Атанова Дарья Владимировна. – Курск, 2020. – 222 с.
11. Афанасьева, Э. М. Арзамасское имя: ритуально-мифологические основы эстетической шутки / Э. М. Афанасьева // Сибирский филологический журнал. – 2007. – № 3. – С. 9–17.
12. Афанасьева, Э. М. Литературная дипломатия в политическом дискурсе 2014–2020 годов / Э. М. Афанасьева // Семиотико-семасиологическое измерение политического дискурса : коллективная монография. – М. : ИРЯ им. А. С. Пушкина, 2020. – С. 209–232.
13. Ахманова, О. С. Словарь лингвистических терминов / О. С. Ахманова. – М. : Едиториал, 1969. – 608 с.
14. Багдасарян, М. А. Языковые средства выражения иронии в современном французском языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.00.00 / М. А. Багдасарян. – М., 1969. – 26 с.
15. Баранов, А. Н. Введение в прикладную лингвистику / А. Н. Баранов. – М. : Едиториал, 2001. – 360 с.
16. Бахтин, М. М. Вопросы литературы и эстетики / М. М. Бахтин. – М. : Художественная литература, 1975. – 502 с.
17. Бахтин, М. М. Эстетика словесного творчества / М. М. Бахтин. – М. : Искусство, 1986. – 445 с.
18. Бахтин, М. М. К методологии литературоведения / М. М. Бахтин // Контекст 1977. Литературно-теоретические исследования. – М. : Наука, 1975. – С. 203–213.
19. Безгодков, Д. Н. Ирония в сократическом методе: механизм и относительная ценность / Д. Н. Безгодков // Общество: философия, история, культура. – 2015. – № 6. – С. 57–61.
20. Биченко, С. Г. Романтическая ирония в философии / С. Г. Биченко // Энциклопедия гуманитарных наук. – 2012. – № 2. – С. 319–322.
21. Богоявленская, Ю. В. Политическая лингвистика: обзор сопоставительных исследований / Ю. В. Богоявленская // Сопоставительная лингвистика. – 2016. – № 5. – С. 286–296.

22. Боженкова, Н. А. Ирония как философская категория и языковое средство: к постановке проблемы / Н. А. Боженкова, О. В. Борко // Известия Юго-Западного государственного университета. – 2016. – № 2 (19). – С. 7–12.
23. Боженкова, Н. А. Вербальные способы отражения лингвокультурных традиций социума (на материале русского, английского и немецкого языков) / Н. А. Боженкова // Известия Юго-Западного государственного университета. – 2012. – № 5. – С. 269–274.
24. Боженкова, Н. А. Когнитивная метафоры в русскоязычной и англоязычной культурах, как способность человека концептуализировать знания о мире / Н. А. Боженкова. // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. – 2012. – № 2. – С. 14–17.
25. Боженкова, Н. А. Социокультурная составляющая современной логосферы: к постановке проблемы / Н. А. Боженкова. // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. – 2012. – № 3 (42). – С. 225–231.
26. Боженкова, Н. А. Стилистические фигуры и типологические аспекты исследования : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Боженкова Наталья Александровна. – М., 1998. – 258 с.
27. Боженкова, Р. К. Понимание текста в аспекте лингвокультурологии / Р. К. Боженкова. – Raleigh : Lulu Press, Inc, 2015. – 445 с.
28. Боженкова, Н. А. Современный олитический дискурс: вербальная экземплификация тактико-стратегических предпочтений / Н. А. Боженкова, Р. К. Боженкова, А. М. Боженкова // Вестник РУДН. Серия: Русский и иностранные языки и методика их преподавания. – М. : РУДН. – 2017. – Т. 15, № 3. – С. 255–284.
29. Боженкова, Н. А. Российская политическая логосфера: новые текстовые реалии / Н. А. Боженкова, Т. И. Каличкина, А. П. Пантелеева // Семиотико-семасиологическое измерение политического дискурса : коллективная монография. – М. : ИРЯ им. А.С. Пушкина. – 2020. С. 108–120.
30. Боженкова, Н. А. Поликодовая ирония в современном медиаполитическом пространстве / Н. А. Боженкова, Т. И. Каличкина // Вопросы современной лингвистики и изучения иностранных языков в эпоху искусственного интеллекта: сборник научных трудов Международного научного форума, посвящённого Всемирному дню науки за мир и развитие. – М. : РУДН, 2020. – С. 137–143.
31. Боженкова, Н. А. Ирония и парцелляция как актуальные формы отражения действительности в политическом дискурсе / Н. А. Боженкова, Т. И. Каличкина, А. П. Пантелеева // Русский язык в современном научном и образовательном пространстве: сборник тезисов Международной научной конференции, посвященной 90-летию профессора С. А. Хаврониной. – М. : РУДН, 2020. – С. 9–12.
32. Боженкова, Н. А. Русский политический дискурс в фокусе лингвоэкологии / Н. А. Боженкова, П. А. Катышев, С. В. Ионова [и др.] // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2019. – Т. 18, № 3. – С. 76–92.
33. Боженкова, Н. А. Лингвокультурологический аспект понимания речи / Н. А. Боженкова, Н. П. Шульгина // Известия Юго-Западного государственного университета. серия: лингвистика и педагогика. – Курск : ЮЗГУ, 2018. – С. 6–13.
34. Боров, Ю. Б. Комическое / Ю. Б. Боров. – М. : Искусство, 1970. – 269 с.
35. Боров, Ю. Б. Эстетика : учебник. / Ю. Б. Боров. – М. : Высшая школа экономики, 2002. – 511 с.
36. Борискина, О. О. Теория языковой категоризации: национальное языковое сознание сквозь призму криптокласса / О. О. Борискина. – Воронеж : Гос. университет, 2003. – 211 с.

37. Бранес, М. П. Стилистика текста. Теоретический курс : учебник / М. П. Бранес. – М. : Прогресс-Традиция, ИНФРА-М, 2004. – 416 с.
38. Булатова, Э. В. Особенности смысловой структуры политических предвыборных PR-публикация / Э. В. Булатова // Российский человек в контексте радикальных изменений современном мире. – Екатеринбург : Гуманитарный университет, 2019. – С. 326–334.
39. Бычков, В. В. Эстетика / В. В. Бычков. – М. : Гардарики, 2004. – 556 с.
40. Валгина, Н. С. Теория текст / Н. С. Валгина. – М. : Логос, 2003. – 173 с.
41. Варзонин, Ю. Н. Коммуникативные акты с установкой на иронию : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Ю. Н. Варзонин. – Тверь, 1994. – 148 с.
42. Вепрева И. Т. Аксиологическая составляющая политической метафоры / И. Т. Вепрева // Аксиологические аспекты современных филологических исследований. – Екатеринбург : Ажур, 2019. – С. 17–19.
43. Водак, Р. Критическая лингвистика и критический анализ дискурса / Р. Водак // Политическая лингвистика. – 2011. – № 4 (38). – С. 286–291.
44. Водак, Р. Специальный язык и жаргон: о типе текста «партийная программа» / Р. Водак // Язык. Дискурс. Политика. – Волгоград, 1998. – С. 22–46.
45. Вольф, Е. М. Функциональная семантика оценки / Е. М. Вольф. – М. : Эдиториал УРСС, 2002. – 278 с.
46. Воробьева, К. А. Лингвокультурологические источники иронии / К. А. Воробьева // Вестник ЮУрГУ. – 2007. – №1. – С. 72–74.
47. Галинская, Т. Н. Контент-аналитическое исследование медийного образа русского политика (на материале комментариев интернет-пользователей о В. Немцове) / Т. Н. Галинская // Политическая лингвистика. – 2013. – №4. – С. 91–98
48. Гегель, Г. В. Ф. Сочинения : в 14 томах. Т. 10 / Г. В. Ф. Гегель. – М. ; Л. : Гос. издательство, 1932. – 380 с.
49. Гегель, Г. В. Ф. Работы разных лет. Ирония. Т. 1 / Г. В. Ф. Гегель. – М. : Мысль, 1972–1973. – 630 с.
50. Гегель, Г. В. Ф. Курс Эстетики или наука изящного. Часть 3. Т. 1 / Г. В. Ф. Гегель. – СПб. : В. Поляков, 1847–1860. – 332 с.
51. Геллнер, Э. Разум и культура. Историческая роль рациональности и рационализма / Э. Геллнер. – М. : Московская школа политических исследований, 2003. – 252 с.
52. Глазова, Н. А. Тропы как средство создания комического эффекта / Н. А. Глазова // Риторика. Лингвистика. – 2016. – № 12. – С. 24–30.
53. Гнездилова, Л. Б. Ирония и намёк как способы уклонения коммуниканта от прямого ответа / Л. Б. Гнездилова // Вестник ИГЛУ. – 2014. – №2. – С. 86–90.
54. Голев, Н. Д. Обыденные политические интернет-комментарии в зеркале конфликта интерпретаций / Н. Д., Голев Л. Г. Ким // Социально-когнитивное функционирование языка. – Кемерово : КемГУ, 2017. – С. 19–34.
55. Голуб, И. Б. Стилистика современного русского языка / И. Б. Голуб. – М. : Высшая школа, 1986. – 336 с.
56. Гомлешко Б. А. Языковые средства выражения иронии в художественных текстах Джона Голсуорси: лингвопрагматический аспект: на материале языка романа «Сага о Форсайтах» : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Гомлешко Бэлла Аслановна. – Майкоп, 2008. – 163 с.
57. Губский, Е. Ф. Философский энциклопедический словарь / Е. Ф. Губский. – М. : ИНФРА, 1999. – 576 с.

58. Гудков, Д. Б. Политические неологизмы в русском интернет-пространстве / Д. Б. Гудков // *Язык и речь в интернете: личность, общество, коммуникация, культура*. – М. : РУДН, 2018. – С. 290–297.
59. Гурьева, С. С. Иронические сигналы / С. С. Гурьева // *Материалы ежегодной научной конференции преподавателей и студентов МГЛУ. Часть 2*. – М. : МГЛУ, 2001. – С. 156–159.
60. Давыдов, М. В. Звуковые парадоксы английского языка и их функциональная специфика / М. В. Давыдов. – М. : МГУ, 1984. – 204 с.
61. Денисов, С. Ф. Философско-антропологическая специфика иронии / С. Ф. Денисов // *Омский научный вестник*. – 2016. – №12. – С. 97–100.
62. Дземидок, Б. О комическом / Б. Дземидок – М. : Прогресс, 1974. – 223 с.
63. Дюбуа, Ж. Общая риторика группы μ . / Ж. Дюбуа – М. : Прогресс, 1986. – 392 с.
64. Ельчанинов, В. А. «Ирония истории» как аспект исторического бытия и метод исторического познания / В. А. Ельчанинов, И. В. Черданцева // *Известия алтайского государственного университета*. – 2007. – № 56. – С. 67–75.
65. Ермакова, О. П. Виды объективации текстовой иронии / О. П. Ермакова // *Славистика: синхрония и диахрония: сб. науч. статей к 70-летию И. С. Улуханова*. – Смоленск : Смоленская обл. тип. им. В. И. Смирнова, 2006. – С. 284–291.
66. Жаров, В. Е. Прагматический аспект стилистических средств выражения иронии в синтагматике: на материале пьес франкоязычных авторов 80–90 гг. XX века : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.05 / Жаров Валерий Евгеньевич. – М., 1997 – 16 с.
67. Желтухина, М. Р. Особенности медиатизации современного политического дискурса / М. Р. Желтухина, И. П. Спорова // *Диалог культур. Культура диалога: цифровые коммуникации*. – М. : Языки народов мира, 2022. – С. 120–124.
68. Ивин, А. А. Основания логики оценок / А. А. Ивин. – М. : Московский университет, 1970. – 230 с.
69. Ильевич, Л. Ф. Философский энциклопедический словарь / Л. Ф. Ильевич. – М. : Советская энциклопедия, 1993. – 600 с.
70. Ионова, С. В. Новые формулы политического языка для выражения оценки / С. В. Ионова, М. А. Грачёв // *Русский язык за рубежом*. – М. : Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина, 2019. – С. 19–25.
71. Каменская, Ю. В. Ирония как компонент идиостиля А. П. Чехова : дис. канд. филол. наук : 10.02.19 / Каменская Юлия Валерьевна. – Саратов, 2001. – 156 с.
72. Каменская, Ю. В. Концептуализация социальной сферы в диалектной картине мира / Ю. В. Каменская // *Личность – Язык – Культура: материалы IV Всероссийской научно-практической конференции*. – Саратов: Наука, 2011. – С. 19–24.
73. Карасик, В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик. – Волгоград: Перемена, 2002. – 477 с.
74. Карасик, В. И. Лингвокультурный типаж «русский чиновник» / В. И. Карасик // *Авторитетность и коммуникация. Серия: Аспекты языка и коммуникации*. – 2008. – № 4. – С. 38–51.
75. Катенева, И. Г. Манипулятивный потенциал иронии в газетно-публицистическом дискурсе (на материале «Новой газеты») / И. Г. Катенева // *Вестник НГУ. Серия: история, филология*. – 2008. – № 2. – С. 37–43.
76. Кирюхин, Ю. А. Ирония как предмет эстетического осмысления (история разработки понятия) / Ю. А. Кирюхин // *Вестник МГУКИ*. – 2011. – № 2 (40). – С. 87–90.

77. Киселева, Р. А. Стилистические функции авторских неологизмов в современной английской комической и сатирической прозе / Р. А. Киселева // Ученые записки Ленинградского пед. ин-та иностр. яз.: Вопросы теории англ. и рус. языков. – Вологда, 1970. – Т. 471. – С. 43–53.
78. Кишина (Новгородова), Е. В. Речевые приёмы формирования имиджа политика в социальных сетях / Е. В. Кишина (Новгородова) // Коммуникация в интернете: мультиформатность и мультифункциональность. – Архангельск: Консультационное информационно-рекламное агентство, 2021. – С. 158–168.
79. Кожевников, В. М. Литературный энциклопедический словарь / В. М. Кожевников, П. А. Николаев. – М.: Советская энциклопедия, 1987. – 752 с.
80. Кожина, М. Н. Стилистика русского языка / М. Н. Кожина. – М.: Просвещение, 1993. – 188 с.
81. Козинцев, А. Г. Об истоках антиповедения, смеха и юмора / А. Г. Козинцев // Смех: истоки и функции. – СПб.: Наука, 2002. – С. 5–43.
82. Комарницкая, Л. А. Иронический образ в современном искусстве / Л. А. Комарницкая // Вестник Харьковской государственной академии дизайна и искусств. – 2016. – № 2. – С. 23–30.
83. Костомаров, В. Г. О дисплейных текстах / В. Г. Костомаров // Русский язык за рубежом. – М.: Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина, 2019. – № 1 (272). – С. 61–64.
84. Котюрова, И. А. Лингвокогнитивный аспект иронических высказываний в современной немецкой публицистике: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Котюрова Ирина Аврамовна. – СПб., 2010. – 23 с.
85. Котюрова, М. П. Стилистика научной речи: учебное пособие для студ. учреждений высшего профессионального образования / М. П. Котюрова. – М.: Академия, 2012. – 240 с.
86. Котюрова, М. П. Лингвистическое выражение связности научной речи: автореф. дис. канд. филол. наук: 10.02.01 / Котюрова Мария Павловна. – Саратов, 1974. – 15 с.
87. Кретов, А. А. Два принципа устройства мироздания и языка / А. А. Кретов // Грамматика III тысячелетия в контексте современного знания: XXVIII Распоповские чтения. – Воронеж: Воронежский государственный педагогический университет, 2010. – С. 17–26.
88. Кубрякова, О. С. О термине «дискурс» и стоящей за ним структуре знания / О. С. Кубрякова // Язык. Личность. Текст: сборник статей к 70-летию Т. М. Николаевой. – М.: Языки славянских культур, 2005. – С. 976.
89. Кузьмичева, А. А. Динамический компонент высказывания как супрасегментное средство реализации иронии в немецкой речи / А. А. Кузьмичева // Вестник НГЛУ. – 2011. – №15. – С. 50–56.
90. Лазарева, М. Е. Языковые средства выражения иронии на материале норвежских публицистических текстов: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Лазарева Мария Евгеньевна. – М., 2005. – 198 с.
91. Лащенко, С. К. Заклятие смехом. Опыт истолкования языческих ритуальных традиций восточных славян / С. К. Лащенко. – М.: Ладомир, 2006. – 320 с.
92. Липс, Т. Эстетика / Т. Липс. – М.: Просвещение, 2006. – 368 с.
93. Лосев, А. Ф. Имя: избранные работы, переводы, беседы, исследования, архивные материалы / А. Ф. Лосев. – СПб.: Алетейя, 1997. – 616 с.
94. Лосев, А. Ф. Ирония античная и романтическая / А. Ф. Лосев. – М.: Искусство, 1996. – 387 с.
95. Лосев, А. Ф. История античной эстетики. Софисты. Сократ, Платон / А. Ф. Лосев. – М.: Искусство, 1969. – 715 с.

96. Лотман, Ю. М. Внутри мыслящих миров. Человек. Текст. Семиосфера. История / Ю. М. Лотман. – М. : Языки русской культуры, 1999. – 464 с.
97. Луначарский, А. В. О смехе // Собрание сочинений : в 8 томах. Эстетика, литературная критика. Статьи, доклады, речи (1928–1933) / А. В. Луначарский. – М. : Худож. лит., 1967. – 654 с.
98. Мартъянова, Е. В. Коммуникативно-прагматическое содержание и средства иронии (на материале немецкого языка) / Е. В. Мартъянова // Вестник ТГУ. – 2007. – №7 (51). – С. 71–75.
99. Мельник, Н. В. Проблема легитимизации в обыденной политической коммуникации / Н. В. Мельник, К. А. Артёмова // Актуальные вопросы филологии и методики преподавания филологических дисциплин. – Кемерово : КемГУ, 2021. – С. 7–13.
100. Мельчук / И. А. Русский язык в модели «Смысл ↔ Текст» / И. А. Мельчук. – М. : Вена, 1995. – 682 с.
101. Мусийчук, М. В. Коммуникативный механизм юмора через призму иронии как приема остроумия / М. В. Мусийчук // Гуманитарные науки в Сибири. – 2009. – № 1. – С. 68–72.
102. Мухина, Ю. Н. Моделирование когнитивных контекстов вербальной иронии (на материале русского и английского языков) / Ю. Н. Мухина // Известия Саратовского университета. Сер. Филология. Журналистика. – 2012. – № 4. – С. 21–25.
103. Мухина, Ю. Н. Средства репрезентации иронии в художественном тексте (на материале русского и английского языков) : автореф. дис. канд. филол. наук : 10.02.19 / Мухина Юлия Николаевна – Саратов, 2006. – 21 с.
104. Мюкке, Д. К. О природе иронии / Д. К. Мюкке. – Норфолк : Тейлор и Фрэнсис, 2021. – 138 с.
105. Осадчий, М. А. Тактики ухода от правовых рисков в политической и бизнес коммуникации / М. А. Осадчий // Современные проблемы науки и образования. – 2011. – № 6.
106. Осиновская, И. А. Ироническое странничество. Ироник как сатир и бог / И. А. Осиновская. – М. : Современник, 2007. – 563 с.
107. Палкевич О. Я. Языковой портрет феномена иронии на материалах современного немецкого языка : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Палкевич Ольга Язеповна. – М., 2001. – 156 с.
108. Панина, М. А. Комическое и языковые средства его выражения : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Панина Маргарита Анатольевна . – 1996. – 144 с.
109. Паршин, П. Б. Теоретические перевороты и методологический мятеж в лингвистике XX века / П. Б. Паршин // Вопросы языкознания. – 1996. № 2. – С. 19–42.
110. Паршин, П. Б. Лингвистические методы в концептуальной реконструкции / П. Б. Паршин // Системные исследования. Методологические проблемы. – М. : Наука, 1987. – С. 398–425.
111. Петрова, О. Г. Типы иронии в художественном тексте: концептуальная и контекстуальная ирония / О. Г. Петрова // Известия Саратовского университета. – 2011. – № 3. – С. 25–30.
112. Пивоев, В. Т. Ирония как феномен культуры / В. Т. Пивоев. – Петрозаводск : ПетрГУ, 2000. – 104 с.
113. Платон. Собрание сочинений : в 4 томах. Т. 3 / Платон. – М. : Государство, 1994. – 337 с.
114. Полуяхтова, И. К. Романтическая ирония в итальянской поэзии XIX века / И. К. Полуяхтова // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. – 2012. – №1 (2). – С. 205–207.
115. Пospelов, Г. Н. Теория литературы / Г. Н. Пospelов. – М. : Учпедгиз, 1940. – 264 с.
116. Потёмина, М. С. Полифункциональность иронии / М. С. Потёмина // Вестник Российского государственного университета им. И. Канта. – 2010. – № 8. – С. 134–137.
117. Походня, С. И. Языковые виды и средства реализации иронии / С. И. Походня. – Киев : Наукова думка, 1989. – 128 с.

118. Прокофьев, Г. Л. Ирония как прагматический компонент высказывания (на материале английского языка) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Прокофьев Геннадий Леонидович. – Киев, 1988. – 29 с.
119. Розенталь, Д. Э. Практическая стилистика русского языка / Д. Э. Розенталь. – М. : Оникс, 2001. – 381 с.
120. Рорти, Р. Случайность, ирония и солидарность / Р. Рорти. – М. : Русское феноменологическое о-во, 1996. – 279 с.
121. Рюмина, М. Т. Эстетика смеха: смех как виртуальная реальность / М. Т. Рюмина. – М. : Либроком, 2010. – 320 с.
122. Салихова, Н. К. Языковая природа и функциональная характеристика стилистического приема иронии : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Салихова Назирахон Каримовна. – М., 1976. – 24 с.
123. Сапрыкина, Е. Ю. Сатира и шутка в стихотворениях Джузеппе Джустини / Е. Ю. Сапрыкина. – М. : Наука, 1991. – 384 с.
124. Семенов, И. А. Ирония как категория культуры / И. А. Семенов // Аналитика культурологии. – 2007. – № 2 (8). – С. 19–22.
125. Серебряков, А. А. Философская ирония И. Канта в семантическом пространстве романтической новеллы / А. А. Серебряков // Известия ВГПУ. – 2008. – № 10. – С. 152–156.
126. Серкова, В. А. Ирония в философском мышлении : дис. ... канд. филос. наук : 09.00.01 / Серкова Вера Анатольевна. – СПб., 1989. – 207 с.
127. Сильман, Т. И. Проблемы синтаксической стилистики (на материале немецкой прозы) / Т. И. Сильман – Л. : Просвещение, 1967. – 152 с.
128. Сковородников, А. П. Энциклопедический словарь-справочник. Выразительные средства русского языка и речевые ошибки и недочеты / А. П. Сковородников. – М. : Флинта, 2011. – 480 с.
129. Слепцова, М. А. Ирония как косвенный речевой акт отрицательной оценки : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.05 / Слепцова Мария Александровна. – СПб., 2008. – 18 с.
130. Смирнова, С. И. Реализация иронии в констатирующих текстах «описание» и «повествование» (на материале русскоязычного текста поэмы Н. В. Гоголя «Мертвые души» и англоязычного текста романа Ч. Диккенса «Домби и сын» : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Смирнова Светлана Игоревна. – Улан-Удэ, 2014. – 212 с.
131. Степанов, Ю. С. Альтернативный мир, Дискурс, Факт и принцип Причинности / Ю. С. Степанов // Язык и наука конца XX века. – М. : РГГУ, 1995. – С. 35–73.
132. Стернин, И. А. Общественные процессы и развитие современного русского языка. Очерк изменений в русском языке конца XX века / И. А. Стернин. – Воронеж, 2004. – 93 с.
133. Стригунов, И. А. Ирония в структуре мировоззрения: постановка проблемы / И. А. Стригунов // Диалектика форм уровней общественного сознания. – Барнаул : АГУ, 1988. – С. 118–132.
134. Манн, Т. Собрание сочинений : в 10 томах. Т. 9 / Т. Манн. – М. : Художественная литература, 1954. – 700 с.
135. Хабибьярова, Э. М. Ирония в произведениях М. Булгакова 1920–30-х годов : дис. ... канд. филол. наук : 10.01.01 / Хабибьярова Эльвира Милисовна. – Бирск, 2011. – 199 с.
136. Христофорова, О. Б. Функции смеха в ритуале: смех как знак / О. Б. Христофорова // Смех: истоки и функции. – СПб. : Наука, 2002. – С. 75–82.
137. Черданцева, И. В. Ирония как способ формирования толерантности / И. В. Черданцева // Известия Алтайского государственного университета. – 2014. – № 2. – С. 279–282.

138. Чернышова, Т. В. Стилистический анализ как основа лингвистической экспертизы конфликтного текста / Т. В. Чернышова // Юрислингвистика-2: русский язык в его естественном и юридическом бытии : межвузовский сборник научных трудов. – 2000. – № 22. – С. 236–244.
139. Фоминых, С. С. Политический плакат ГДР как тип текста / С. С. Фоминых // Вестник Челябинского государственного университета. Филология. Искусствоведение. – 2009. – № 31. – С. 130–133.
140. Фомичева, Ж. Е. Иноstileвые включения как средство создания иронии / Ж. Е. Фомичева // Германистика. – СПб. : Образование, 1992. – С. 139–149.
141. Хроленко, А. Т. Основы лингвокультурологии : учебное пособие / А. Т. Хроленко. – 3-е изд. – М. : Флинта: Наука, 2006. – 184 с.
142. Шаклейн, В. М. Лингвокультурная ситуация и исследование текста / В. М. Шаклейн. – М. : ОЛРС, 1997. – 180 с.
143. Шатуновский, И. Б. Ирония и её виды / И. Б. Шатуновский // Логический анализ языка. Языковые механизмы комизма. – М. : Индрик, 2007. – С. 340–372.
144. Шатуновский, И. Б. Семантика предложения и нерелевантные слова / И. Б. Шатуновский. – М. : Языки русской культуры, 1996. – 404 с.
145. Шаховский, В. И. Лингвистическая теория эмоций : монография / В. И. Шаховский. – М. : Гнозис, 2008. – 416 с.
146. Шейгал, Е. И. Семиотика политического дискурса / Е. И. Шейгал. – Волгоград : Перемена, 2000. – 431 с.
147. Шилихина, К. М. Лексическая сочетаемость как источник вербальной иронии / К. М. Шилихина // Вестник ВГУ. Серия: лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2010. – № 2. – С. 64–69.
148. Шлегель, Ф. Об изучении греческой поэзии. Т. 1 / Ф. Шлегель. – М. : Наука, 1983. – 190 с.
149. Шлегель, Ф. Эстетика. Философия. Критика / Ф. Шлегель. – М. : Искусство, 1983. – 448 с.
150. Шмелев, Д. Н. Экспрессивно-ироническое выражение отрицания и отрицательной оценки в современном русском языке / Д. Н. Шмелев // Вопросы языкознания. – 1956. – № 6. – С. 64–75.
151. Янкелевич, В. Ирония. Прощение / В. Янкелевич. – М. : Республика, 2004. – 334 с.
152. Attardo, S. Linguistic. The eories of Humor / S. Attardo. – Berlin : Mouton de Gruyter, 1994. – 426 p.
153. Gans, E. Signs of Paradox / Eric Gans. – Oxford University Press, 1997. – Pp. 13–74.
154. Groeben, N. Selbstkontrolle als kognitive Strategien / N. Groeben, B. Scheele, B. Scheele. – 1981. – №1. – 113 p.
155. Shoentjes, P. Recherche de l'ironie et ironie de la "Recherche" / P. Shoentjes. – Gent, 1993. – 48 p.
156. Raskin, V. Semantic Mechanisms of Humor / V. Raskin. – Boston : D. Reidel, 1985. – 285 p.
157. Wuster, D. The Art of Satire / D. Wuster. – Washington, 1982. – 201 p.
- ЭЛЕКТРОННЫЕ ИСТОЧНИКИ**
158. Klex.ru. Архив книг. – URL: <http://www.klex.ru/3a4> (дата обращения 27.10.2019). – Текст : электронный.
159. Klex.ru. Книжный архив. – URL: <http://www.klex.ru/job> (дата обращения 27.10.2019). – Текст : электронный.
160. Адинаева, Ю. М. Влияние сатирического творчества Н. В. Гоголя на сатиру М. А. Булгакова / Ю. М. Адинаева. – URL: <https://www.bibliofond.ru/view.aspx?id=18394> (дата обращения 20.01.2020). – Текст : электронный.

161. Бадминова, Н. П. Языковые средства выражения иронии в современной испанской художественной прозе (на материале произведений Эдуардо Мендосы) / Н. П. Бадминова. – URL: https://dspace.spbu.ru/bitstream/11701/12584/1/Badminova_N_VKR.pdf свободный (дата обращения 13.05.2021). – Текст : электронный.
162. Бандурина, Н. С. Особенности интерпретации феномена комического в историко-литературном и философском контексте / Н. С. Бандурина // Вестник Ивановского государственного энергетического университета. – 2011. – № 3. – С. 68–73. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-interpretatsii-fenomena-komicheskogo-v-istoriko-literaturnom-i-filosofskom-kontekste> (дата обращения 30.08.2019). – Текст : электронный.
163. Бачуринская, Н. А. Зима... крестьянин, торжествуя – перевод Пушкина на язык эгофутуристов / Н. А. Бачуринская. – URL: <https://antrio.ru/zima-krestyanin-torzhestvuyperevod-pushkina-na-yazyk-ehgofuturistov> (дата обращения 08.10.2020). – Текст : электронный.
164. Бахтин, М. М. Эстетика словесного творчества. Часть III / М. М. Бахтин. – Текст : электронный. – URL: <http://fedy-diary.ru/library-pages/m-m-baxtin-estetika-slovesnogo-tvorchestva-chast-i/m-m-baxtin-estetika-slovesnogo-tvorchestva-chast-iii> (дата обращения 27.10.2019).
165. Бергсон, А. Смех / А. Бергсон. – URL: http://krotov.info/library/02_b/er/gson_smech.htm (дата обращения 29.12.2020) – Текст : электронный.
166. Безелянский, Ю. Н. Знаменитые писатели Запада. 55 портретов / Ю. Н. Безелянский. – URL: <https://biography.wikireading.ru/120949> (дата обращения: 17.03.2019).
167. Большая советская энциклопедия : в 30 томах. – 3-е изд.. – М. : Советская энциклопедия, 1969. – URL: <https://www.booksite.ru/fulltext/1/001/008/130/index.htm> (дата обращения 03.07.2022). – Текст : электронный.
168. Большой энциклопедический словарь. – URL: <http://bigslovar.ru> (дата обращения 16.09.2021). – Текст : электронный.
169. Глухих, В. А. Интернет-мемы как инструменты публичной политики / В. А. Глухих, С. М. Елисеева. – URL: <https://discourse.elpub.ru/jour/article/view/130/169> (дата обращения 12.04.2022). – Текст : электронный.
170. Горяинова, О. И. Культура повседневности в контексте методологии культурологического познания / О. И. Горяинова // Культурологический журнал. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kultura-povsednevnosti-v-kontekste-metodologii-kulturologicheskogo-poznaniya/viewer> (дата обращения 06.11.2021). – Текст : электронный.
171. Голуб, И. Б. Стилистика русского языка / И. Б. Голуб. – URL: <https://www.litmir.me/br/?b=191105&p=25> (дата обращения 13.05.2019). – Текст : электронный.
172. Гуманитарные технологии. – URL: <http://gtmarket.ru/> (дата обращения: 19.11.2019). Режим доступа: свободный. – Текст : электронный. –
173. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка В. И. Даль. – URL: <https://slovardalja.net/word.php?wordid=11774> (дата обращения 21.11.2020). – Текст : электронный.
174. Джамалова, М. К. Лингвистическая ирония в произведениях Татьяны Толстой / М. К. Джамалова, Д. Г. Абдулкеримова. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/lingvisticheskaya-ironiya-v-proizvedeniyah-tatyany-tolstoy> (дата обращения 14.09.2021). – Текст : электронный.
175. Дмитриев, А. В. Социология юмора: Очерки / А. В. Дмитриев. – URL: <http://www.philosophy1.narod.ru/www/html/iphras/library/wlaugh.html> (дата обращения 12.01.2021).

176. Дробышева, Е. Э. Роль иронии в аксиосфере культуры постмодерна : дис. ... канд. филос. наук : 09.00.13 / Дробышева Елена Эдуардовна. – Владивосток, 2004. 207 с. – URL: <http://www.dslib.net/religio-vedenie/rol-ironii-v-aksiosfere-kultury-postmoderna.html> (дата обращения 26.10.2021). – Текст : электронный.
177. Ермакова, П. О. Ирония и её роль в жизни языка / П. О. Ермакова. – URL: https://thelib.ru/books/olga_pavlovna_ermakova/ironiya_i_ee_rol_v_zhizni_yazyka_uchebnoe_posobie-read-3.html (дата обращения 15.03.2022). – Текст : электронный.
178. Ивойлова, Н. Ю. Об особенностях композиции современной христианской проповеди / Н. Ю. Ивойлова // Ярославский педагогический вестник. – 2002. – № 3 (32). – URL: <http://vestnik.uspu.org> (дата обращения: 16.09.2020) – Текст : электронный
179. Канашина, С. В. Роль интернет-мемов в процессе политических выборов / С. В. Канашина. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-internet-memov-v-v-protsesse-politicheskikh-vyborov> (дата обращения: 27.10.2019). – Текст : электронный.
180. Карасик, В. И. Языковая матрица культуры / В. И. Карасик. – URL: <http://www.twirpx.com/file/1056376/> (дата обращения: 07.03.2019). – Текст : электронный.
181. Кирюхин, Ю. А. Ирония как актуальная форма комического / Ю. А. Кирюхин. – URL: https://new-disser.ru/_avtoreferats/01005066373.pdf (дата обращения 13.05.2021). – Текст : электронный.
182. Клименко, Т. Н. Типы и текстообразующие функции иронических контекстов (на материале романов-антиутопий) / Т. Н. Клименко – URL: <https://www.dissercat.com/content/tipy-i-tekstoobrazuyushchie-funktsii-ironicheskikh-kontekstov-na-materiale-romanov-antiutopi> свободный (дата обращения 18.08.2021). – Текст : электронный.
183. Кожина, М. Н. Стилистические ресурсы русского языка как предмет исследования лингвистической стилистики. Общие сведения / М. Н. Кожина. – URL: <http://syrrik.narod.ru/kozhina.htm> (дата обращения 15.01.2019). – Текст : электронный.
184. Коновалов, С. М. О сатире / С. М. Коновалов. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-satire/viewer> (дата обращения 03.10.2020). – Текст : электронный.
185. Крылов, И. А. Басня «Зеркало и обезьяна» / И. А. Крылов – URL: <https://www.tikitoki.ru/fable/basnja-ivana-krylova-zerkalo-i-obezjana> (дата обращения 10.12.2019). – Текст : электронный.
186. Кубрякова, Е. С. Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века / Е. С. Кубрякова. – URL: <https://studopedia.info/3-27526.html> (дата обращения 17.03.2020). – Текст : электронный.
187. Курочкин, В. «Нет, положительно, роман...» / В. Курочкин. – URL: <https://libverse.ru/kyrochkin/net-polozhitelno-roman.html> (дата обращения 19.04.2020). – Текст : электронный.
188. Кузьмина, Н. С. Языковые средства реализации юмора и проблема сохранения их комического эффекта при переводе / Н. С. Кузьмина. – URL: <https://infourok.ru/yazykovye-sredstva-realizacii-yumora-i-problema-sohraneniya-ih-komicheskogo-effekta-pri-perevode-4194491.html> (дата обращения 06.08.2020). – Текст : электронный.
189. Кьеркегор, С. О понятии иронии / С. Кьеркегор. – URL: <https://predanie.ru/book/219873-oponyatii-ironii> (дата обращения 26.10.2019). – Текст : электронный.
190. Литературная энциклопедия. – URL: https://gufo.me/dict/literary_encyclopedia/ Ирония (дата обращения 26.10.2019). – Текст : электронный.

191. Лосев, А. Ф. Сократ и специфика прекрасного / А. Ф. Лосев. – URL: <https://koppel.pro/guest/sokrat-i-specifika-prekrasnogo-9174> (дата обращения: 26.10.2019). – Текст : электронный.
192. Материалы II Всероссийской научной конференции школьников и студентов. – URL: <http://kurskstu.ru/structura/up/flmk/main/structura/tpkl/sborniki.php> (дата обращения 15.09.2019). – Текст : электронный.
193. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – URL: <http://ozhegov.info/slovar/?q=ирония> (дата обращения: 30.09.2019). – Текст : электронный.
194. Перельгут, Н. М. О структуре понятия «политический дискурс» / Н. М. Перельгут, Е. Б. Сухоцкая – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-strukture-ponyatiya-politicheskij-diskurs> (дата обращения: 27.10.2019). – Текст : электронный.
195. Побережная, В. В. Приемы создания комического эффекта в серии повестей-сказок Екатерины Матюшкиной и Екатерины Оковитой / В. В. Побережная. – URL: <https://is.gd/dAvSR4> (дата обращения: 27.10.2019). – Текст : электронный.
196. Потebня, А. А. Теоретическая поэтика. Из записок по теории словесности / А. А. Потebня. – URL: <https://studfile.net/preview/460750/page:27> (дата обращения 14.09.2020). – Текст : электронный.
197. Походня, С. И. Языковые средства выражения иронии в англоязычной художественной прозе (на материале английской и американской художественной литературы конца XIX–XX веков) / С. И. Походня – URL: <http://www.dslib.net/germanskie-jazyki/jazykovye-sredstva-vyrazhenija-ironii-v-anglojazychnoj-hudozhestvennoj-proze.html> (дата обращения: 29.11.2020). – Текст : электронный.
198. Пропп, В. Я. – URL: <http://www.klex.ru/job> (дата обращения: 06.03.2019). – Текст : электронный.
199. Пушкин, А. С. Евгений Онегин / А. С. Пушкин. – URL: <https://ilibrary.ru/text/436/p.2/index.html> (дата обращения 23.12.2019). – Текст : электронный.
200. Пушкин, В. Л. Стихи / В. Л. Пушкин. – URL: <http://litena.ru/books/item/f00/s00/z0000035/st026.shtml> (дата обращения 17.12.2020). – Текст : электронный.
201. Розенталь, Д. Э. Словарь-справочник лингвистических терминов / Д. Э. Розенталь, М. А. Теленкова. – URL: <https://bookree.org/reader?file=1515086&pg=92> (дата обращения 20.11.2020). – Текст : электронный.
202. Санников, В. З. Русский язык в зеркале языковой игры / В. З. Санников. – URL: <https://r8.rbook.top/book/18841662/download> (дата обращения: 24.02.2019). – Текст : электронный.
203. Сафаров, Э. А. Конфликт и характер в драматургии Н. Везирова / Э. А. Сафаров. – URL: <http://www.dslib.net/literatura-mira/konflikt-i-harakter-v-dramaturgii-n-vezirova.html> (дата обращения 28.11.2020). – Текст : электронный.
204. Сергиенко, А. В. Языковые возможности реализации иронии как разновидности импликации в художественных текстах / А. В. Сергиенко. – URL: https://viewer.rusneb.ru/000199_000009_000143638?page=11&rotate=0&theme=white (дата обращения 08.12.2019). – Текст : электронный.
205. Свифт, Дж. Скромное предложение / Дж. Свифт. – URL: <https://diletant.media/articles/36411740/>. – Текст : электронный.
206. Смирнов, С. И. Глава I. Категория иронии и теория текста / С. И. Смирнов. – URL: <https://psihdocs.ru/glava-i-kategoriya-ironii-i-teoriya-teksta.html> (дата обращения 27.05.2020). – Текст : электронный.

207. Смирнова, С. И. Средство создания мнимых референтов в описательных текстах романа Ч. Диккенса «Домби и сын» / С. И. Смирнова. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sredstva-sozdaniya-mnimyh-referentov-v-opisatelnyh-tekstah-romana-ch-dikkensa-dombi-i-syn> (дата обращения 17.12.2019). – Текст : электронный.
208. Соколова, А. Д. Ирония в тексте оригинала и перевода / А. Д. Соколова. – URL: <https://getu.me/36kb7> (дата обращения: 08.01.2022). – Текст : электронный.
209. Новая философская энциклопедия : в 4 томах / Институт философии РАН; Национальный общественно-научный фонд. – URL: <https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASHb46c3f1b9b4001500488b4> (дата обращения 18.03.2019). – Текст : электронный.
210. Сукаленко, Т. – URL: http://www.usarb.md/limbaj_context/volumes/v6/art/sukalenko. (дата обращения: 02.04.2019). – Текст : электронный.
211. Ушаков, Д. Н. Толковый словарь онлайн / Д. Н. Ушаков. – URL: <http://ushakovdictionary.ru/word.php?wordid=21495> (дата обращения: 30.09.2019). – Текст : электронный.
212. Ушакова, А. П. Синтаксические фразеологизмы с семантикой иронического неодобрения в современном русском языке / А. П. Ушакова. – URL: https://yspu.org/images/f/ff/Автореферат_АП_Ушакова.pdf (дата обращения 15.08.2020). – Текст : электронный.
213. Тарасов, В. С. Новейший философский словарь / В. С. Тарасов. – URL: <http://www.slovopedia.com/6/207/770965.html> (дата обращения 14.12.2019). – Текст : электронный.
214. Толковый словарь русского языка С. И. Ожегова, Н. Ю. Шведовой. – URL: <http://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=28106> (дата обращения 30.09.2019). – Текст : электронный.
215. Шевцова, В. А. Лингвопрагматический анализ политического дискурса, В. А. Шевцова. – URL: <https://elib.bsu.by/bitstream/123456789/242525/1/60-63.pdf> (дата обращения 21.12.2020). – Текст : электронный.

Приложение А
(обязательное).

Основные источники исследования

1. Аналитический журнал «Alter idea». – URL: <http://alter-idea.info> – Режим доступа: свободный. – Текст: электронный.
2. Новостной портал «Газета.ру». – URL: <https://www.gazeta.ru>. – Режим доступа: свободный. – Текст: электронный.
3. Новостной портал «Интерфакс». – URL: <http://www.interfax.ru>. – Режим доступа: свободный. – Текст: электронный.
4. Газета «Комсомольская правда». – URL: <https://www.kp.ru>. – Режим доступа: свободный. – Текст: электронный.
5. МИД РФ. – URL: <http://www.mid.ru/ru/home>. – Режим доступа: свободный. – Текст: электронный.
6. Телеканал «НТВ». – URL: <http://www.ntv.ru>. – Режим доступа: свободный. – Текст: электронный.
7. Телеканал «Первый канал». – URL: <http://www.1tv.ru>. – Режим доступа: свободный. – Текст: электронный.
8. Телеканал «РЕН ТВ». – URL: <http://ren.tv>. – Режим доступа: свободный. – Текст: электронный.
9. Новостной портал «РИА Новости». – URL: <https://ria.ru>. – Режим доступа: свободный. – Текст: электронный.
10. Новостной портал «ТААС». – URL: <http://tass.ru>. – Режим доступа: свободный. – Текст: электронный.
11. Телеканал «Звезда». – URL: <https://tvzvezda.ru>. – Режим доступа: свободный. – Текст: электронный.
12. Информационное агентство «EER». – URL: <https://eer.ru>. – Режим доступа: свободный. – Текст: электронный.
13. Новостной портал «Euronews». – URL: <http://ru.euronews.com>. – Режим доступа: свободный. – Текст: электронный.
14. Новостной портал «Rns». – URL: <https://rns.online>. – Режим доступа: свободный. – Текст: электронный.
15. Телеканал «RT на русском». – URL: <https://russian.rt.com>. – Режим доступа: свободный. – Текст: электронный.
16. Новостной портал «Ru.delfi». – URL: <http://ru.delfi.lt>. – Режим доступа: свободный. – Текст: электронный.
17. Президент России. – URL: <http://www.kremlin.ru>. – Режим доступа: свободный. – Текст: электронный.
18. Государственная Дума. – URL: <http://duma.gov.ru>. – Режим доступа: свободный. – Текст: электронный.
19. Партия «ЛДПР». – URL: <https://ldpr.ru>. – Режим доступа: свободный. – Текст: электронный.
20. Партия «Единая Россия». – URL: <https://er.ru>. – Режим доступа: свободный. – Текст: электронный.
21. Партия «КПРФ». – URL: <https://kprf.ru/?ref=xranks>. – Режим доступа: свободный. – Текст: электронный.
22. Видеохостинг «YouTube». – URL: <https://www.youtube.com>. – Режим доступа: свободный. – Текст: электронный.
23. Социальная сеть «ВКонтакте». – URL: <https://vk.com/feed>. – Режим доступа: свободный. – Текст: электронный.

24. Социальная сеть «Facebook»¹. – URL: <http://www.facebook.com.vn>. – Режим доступа: свободный. – Текст: электронный.
25. Социальная сеть «Instagram»². – URL: <http://www.instagram.com>. – Режим доступа: свободный. – Текст: электронный.
26. Информационно-развлекательное сообщество «Пикабу». – URL: <https://pikabu.ru>. – Режим доступа: свободный. – Текст: электронный.
27. Телеканал «Россия-1». – URL: <https://vgtkrk.ru/russiatv>. – Режим доступа: свободный. – Текст: электронный.
28. Новостной порта «Российская газета». – URL: <https://rg.ru>. – Режим доступа: свободный. – Текст: электронный.
29. Телеканал «РБК». – URL: <https://www.rbc.ru>. – Режим доступа: свободный. – Текст: электронный.
30. Телеканал «Вести.ру». – URL: <https://www.vesti.ru>. – Режим доступа: свободный. – Текст: электронный.
31. Мессенджер «Telegram». – URL: <https://web.telegram.org>. – Режим доступа: свободный. – Текст: электронный.
32. Правительство России. – URL: <http://government.ru>. – Режим доступа: свободный. – Текст: электронный.
33. Новостной портал «LEnta.ru» <https://lenta.ru>. – Режим доступа: свободный. – Текст: электронный.
34. Новостной портал «МК.RU». – URL: <https://www.mk.ru>. – Режим доступа: свободный. – Текст: электронный.
35. Новостной портал «Известия». – URL: <https://iz.ru>. – Режим доступа: свободный. – Текст: электронный.
36. Новостной портал «Аргументы и Факты». – URL: <https://aif.ru>. – Режим доступа: свободный. – Текст: электронный.
37. Новостной портал «Коммерсант». – URL: <https://www.kommersant.ru>. – Режим доступа: свободный. – Текст: электронный.
38. Телеканал «Спутник». – URL: <https://sputniknews.com>. – Режим доступа: свободный. – Текст: электронный.
39. Новостной портал «Life». – URL: <https://life.ru>. – Режим доступа: свободный. – Текст: электронный.
40. Газета «Ведомости». – URL: <https://www.vedomosti.ru>. – Режим доступа: свободный. – Текст: электронный.
41. Телеканал «Москва-24». – URL: <https://www.m24.ru>. – Режим доступа: свободный. – Текст: электронный.
42. Телеканал «360». – URL: <https://360tv.ru>. – Режим доступа: свободный. – Текст: электронный.
43. Новостной портал «News.ru». – URL: <https://news.ru>. – Режим доступа: свободный. – Текст: электронный.
44. Новостной портал «Вечерняя Москва». – URL: <https://vm.ru>. – Режим доступа: свободный. – Текст: электронный.
45. Газета «Новая газета». – URL: <https://novayagazeta.ru>. – Режим доступа: свободный. – Текст: электронный.
46. Новостной портал «NGS». – URL: <https://ngs.ru>. – Режим доступа: свободный. – Текст: электронный.

¹ Социальная сеть «Facebook» признана экстремистской и запрещена на территории РФ с 04.03.2022.

² Социальная сеть «Instagram» признана экстремистской и запрещена на территории РФ с 04.03.2022.

47. Газета «Парламентская газета». – URL: <https://www.pnp.ru>. – Режим доступа: свободный. – Текст: электронный.
48. Телеканал «5». – URL: <https://www.5-tv.ru>. – Режим доступа: свободный. – Текст: электронный.
49. Московская городская дума. – URL: <https://duma.mos.ru/ru>. – Режим доступа: свободный. – Текст: электронный.
50. Телеканал «Общественное телевидение России». – URL: <https://otr-online.ru>. – Режим доступа: свободный. – Текст: электронный.

Приложение Б
(справочное).
Интервью с М. В. Захаровой

Интервью с М. В. Захаровой.

– **Мария Владимировна, насколько важна самоирония в жизни?**

– Конечно, важна, но самоирония не должна переходить в самоуничижение, она должна оставаться именно самоиронией. Ироничное отношение к себе и соотнесение себя с какими-то истинными величинами позволяют, с одной стороны, развиваться и работать над собой, а с другой, – оставаться самим собой.

– **Как Вы считаете, отлично ли отношение к иронии в разных культурах?**

– Безусловно, это вопрос разного менталитета и традиций, особенностей, жизненных укладов, отношения к жизни, оценки жизненных ситуаций, способов выражения мнений и чувств.

– **Можно ли говорить о различной степени градации иронии в Ваших речах, в зависимости от национальности аудитории, которая находится перед Вами?**

– Не национальность, а регион, скорее. Я бы сказала так: важны возраст и состав аудитории. Что касается подготовки к встрече – ты всегда смотришь: заявленную тему, и кто те люди, с которыми ты встречаешься, чем они занимаются и так далее.

Также не упускаем из виду эмоциональную заряженность аудитории, а это подразумевает большое количество компонентов, которые вносят соответствующие коррективы, в том числе и в подачу информации, и в твое общение с людьми.

– **Как Вы считаете, ирония имеет гендерные различия?**

– В моем понимании есть люди, которые обладают чувством юмора, понимают, что такое «самоирония», готовы позволять другим шутить над собой и сами шутить над собой или над другими. А есть люди, которые в принципе этого не понимают и воспринимают это в штыки или с обидой. Даже если человек владеет иронией, самоиронией, юмором, сарказмом, то нужно предполагать, что его партнеры могут быть напрочь этого лишены. Такие вещи нужно просчитывать.

Однако я могу сказать, что много раз являлась свидетелем того, как, разговаривая с абсолютно разными партнерами, с людьми из разных уголков планеты, благодаря легкой иронии, основанной на знаниях исторических реалий и большом профессиональном опыте, Министр иностранных дел Сергей Викторович Лавров мог совершенно иначе смоделировать беседу, расположить собеседника.

Конечно, гендерные различия существуют. Например, женщины «играют смущение», а мужчины «изображают браваду».

– **В моей диссертации происходит сопоставление политического дискурса России и политического дискурса тюркоязычных стран. Мы обнаружили, что в Турции Министр иностранных дел Мевлют Чавушоглу позволял себе хотя бы немного, но иронии, а женская часть политических деятелей сводила употребление иронии на «нет», то есть минимизировала совершенно.**

– Мне кажется, в каждом обществе существуют свои нюансы и неписанные правила выступлений, ведения полемики, общения в публичном пространстве, в Турции – так, в Японии – по-другому, в Великобритании третьим способом. Мы не должны навязывать друг другу насильственную унификацию. Это, говоря дипломатично, контрпродуктивно. Это разбивает естественные уклады, не на пользу развитию, а именно создает дополнительные трудности, сложности преодоления настоящих анахронизмов. Все должно идти естественным путем.

– **Мы затронули термины иронии и сарказма, а Вы как-то для себя разграничиваете эти два понятия?**

– Сарказм жёстче, сильнее иронии. Ирония мягче, у меня нет таблицы, на которой я бы соотносила эти вещи. Есть понятие «уместный» и «неуместный». Очень важно понимать: ты

никогда не будешь мил и приятен для всех. Насколько бы ни была ювелирна шутка, сарказм никогда не сможет стопроцентно попасть в аудиторию. Всегда найдутся люди, которые скажут, что это для них неприемлемо. По ситуации, по форме, по смыслу. Найдутся люди, которые будут видеть в этом ровно противоположный смысл. Вы можете даже просто произнести весь алфавит, и это уже у кого-то вызовет раздражение и неприятие. Кто-то услышит в сочетании звуков неприличные слова, кто-то не поймет, зачем Вы это делаете, для кого-то это будет потерянное время. Уже даже в этом действии люди начнут искать какие-то поводы для критики, потому что во многом люди судят предвзято и субъективно, всегда есть вещи, которые человек заранее для себя решил в отношении той или иной персоналии.

Чувство юмора у всех разное и есть предвзятость, и есть много других факторов. На какие-то мои посты кто-то пишет «lol», кликают смайлики «finger zap», а для кого-то это «Что Вы себе позволяете», кто-то пишет: «А что Вы имели в виду?».

– **Допустима ли ирония в политическом дискурсе?**

– Конечно. Сейчас известно понятие «троллинг». Раньше такого не было, по крайней мере публично. Это особый жанр, особое направление работы или особая примета времени, то, что раньше люди не могли себе позволить, сейчас является распространенной формой. Министры иностранных дел, главы государств позволяют себе какие-то вещи, которые раньше казались бы просто недопустимыми, сегодня это норма.

– **Когда мы изучали Вашу страничку в социальной сети Facebook, мы обратили внимание на частое обращение к Умберто Эко и русским пословицам, поговоркам.**

– Я нахожу много близких мне мыслей, идей в романе Умберто Эко «Имя Розы». Многие считают, что серьезные вещи должны быть лишены иронии, то есть тут настолько серьезно, что не до иронии. Я считаю, что каждый принимает это решение самостоятельно. На мой взгляд без улыбки невозможно жить.

– **Кто Вам наиболее близок по манере разговора, манере подачи информации?**

– Мне по-настоящему близок, конечно, стиль Лаврова, потому что вижу его манеру общения за закрытыми дверями и публичную. Для меня это понятно, в большинстве случаев, действительно тонко, правильно, к месту. Вы спросили, кто для меня наиболее близок, а близок – значит понятен. Понятно то, что я вижу и знаю.

Очень люблю **Александра Ширвиндта-старшего**. Всегда поражало, как человек может сочетать вещи несочетаемые, внешнюю неэмоциональность, статику, не работать ни мимикой, ни жестами, но при этом выдавать искрометные фразы и шутки. В детстве мне это очень нравилось. Меня всегда это поражало: а его коллеги были очень эмоциональны, а он оставался лаконичным. **Юрий Никулин** – потрясающий рассказчик. В нем была эмоциональность, но тоже достаточно сдержанная, с какой-то неожиданной развязкой. Это всегда было интересно, весело и при этом очень умно. Во многом то, о чем говорили с иронией эти люди, было намного серьезней чем то, что претендовало на пафос (<https://www.pushkin.institute/news/detail.php?ID=15045>).

Приложение Г (справочное). Скриншоты публикаций М.В. Захаровой в Facebook с графическими символами и реакциями читателей

Мария Захарова обновила статус.

1 октября 2016 г. · 🌐

СМИ: "Глава британского внешнеполитического ведомства Борис Джонсон заявил: "Самое мощное оружие, которое может использовать Запад против России, — это стыд".

Беспощадный Борис Джонсон. Просто порвал всех с утра. Представляю диалог:

- Сергей Викторович, беда. У британцев против нас новое оружие появилось - стыд. В Сколково пока ничего такого не изобрели.
- Сергей Кужугетович, попробуйте давать солдатам коктейль из формотерола, триамцинолона, преднизолола и преднизолона. Комплексное средство помогает избавиться от стыда и нарастить мышечную массу. Испробовано на американских теннисистках.

Daria Bolotina и ещё 8,5 тыс.

Комментарии: 1,7 тыс. Поделились: 911

Мария Захарова ✓

1 ноября 2016 г. · 🌐

Сегодня The Guardian попросила прокомментировать заявление Директора британской MI-5 Эндрю Паркера о том, что он видит в России угрозу стабильности Великобритании. В первом за всю 107-летнюю историю королевской контрразведки интервью глава службы заявил The Guardian, что Москва «использует весь свой модельный ряд госорганов и полномочий для продвижения за рубеж своей внешней политики все более и более агрессивными способами». Паркер обвинил Россию в использовании «пропаганды, шпионажа, диверсий и кибератак», а также подчеркнул, что таким образом она работает сегодня «по всей Европе и в Великобритании». Задачу MI-5 он видит в противодействии этой деятельности.

Я ответила The Guardian, что к главе MI-5, заявившему об "использовании Москвой всего модельного ряда для продвижения своей внешней политики, угрожающей стабильности его страны" у меня есть уточняющийся вопрос: "Считает ли он назначение Бориса Джонсона на пост главы внешнеполитического ведомства Великобритании делом рук Кремля?".

2,8 тыс.

Комментарии: 504 Поделились: 133

Нравится

Комментировать

Поделиться

Мария Захарова ✓

3 января 2017 г. · 🌐

СМИ: "Телеканал «CNN» использовал в качестве иллюстрации к новости о российских хакерах кадр из популярной видеоигры Fallout 4. Вице-президент компании-издателя «Bethesda» по связям с общественностью Пит Хайнс в Твиттере предположил, что следующим шагом будет опознание игроков, помогавших русским взламывать сервера через эту игру".

Я так понимаю, в CNN создали отдел по "Кибер юмору", чтобы новости были актуальным и смешными одновременно. Мне просто интересно, ради оправдания своей в итоге провалившейся идеологии, которую пытались воплотить в жизнь последние годы, Вашингтон готов даже крупнейший телеканал уничтожить напоследок?

👍😂 4,2 тыс.

Комментарии: 614 Поделились: 202

Мария Захарова обновила статус.

3 ноября 2016 г. · 🌐

"Мы нуждаемся в США как мировом жандарме, нам необходимо решительное глобальное лидерство США", - сказал Расмуссен в интервью американскому телеканалу Sky News.

Напомню, этот человек возглавлял НАТО. Откуда такая рабская психология, спросите вы? Таких подбирают в руководство международных организаций, подконтрольных Вашингтону, и продвигают в политических элитах Европы. Как далеки эти люди с маленькой буквы, мечтающие о мировой жандармерии, от демократии. Не уверена, что они в принципе о ней знают.

👍😂 3,3 тыс.

Комментарии: 519 Поделились: 250

Мария Захарова ✓

5 июня 2017 г. · 🌐

Повелители слов. Всех, кроме своих.

Финский журналист, который пришёл в МИД России в поисках политической подоплеки темы "чеченских геев", передумал ехать в Чечню. Об этом он и его редакция написали в соцсетях.

Помните, я спросила его: "Не боитесь?"

И он ответил вопросом на вопрос "а надо?", подразумевая безопасность. Хотя я имела в виду совсем другое: не боится ли он оторваться от своего виртуального мира и поработать "на земле". Ведь страшнее всего признаться самому себе, если ты журналист, в односторонности мышления, ангажированности, заведомо ложной подаче информации. Честно говоря, я была о нем лучшего мнения. Со мной он общался преисполненный решимости и творческого задора. И я ему верю - он действительно хотел и был готов поехать. Но ему запретила редакция, а он и сдался. Кто запретил редакции - думаю, пока это останется секретом. Но факт остаётся фактом: финский журналист отозвал своё решение ехать в Чечню, ссылаясь на решение редакции. Не знаю, как это квалифицируется в Финляндии, по-русски это называется "струсить".

Финны мотивировали своё решение нежеланием идти на поводу у властей. Начальник международной редакции Уле Элина Равантти заявила: "Одна из главных целей поездок журналистов – свободно встречаться с разными людьми, важными с точки зрения репортажа. Этой цели трудно достичь, если чиновники участвуют в составлении программы". Вот это очень смешно. Это реально очень, очень, очень смешно! Во-первых, в Чечню самостоятельно финский журналист и не собирался до нашего приглашения. Видимо, "с точки зрения репортажа", этого не требовалось. Во-вторых, за поиском ответов на свои вопросы он пришёл именно к официальным властям, так ещё и тем, которые занимаются "высокой политикой" - он пришёл во внешнеполитическое ведомство! А когда МИД России предложил ему вместо политизации темы поработать "на земле", редакция сразу начала говорить о неуместности вовлечения властей. Парадоксально, но факт.

Одним словом, ловля покемонов западными журналистами продолжается. Но я уверена, когда-нибудь им станет безразлично выдавать это за журналистику и они вернуться к настоящей беспристрастной работе.

👍🤔❤️ 4,7 тыс.

Комментарии: 1,2 тыс. Поделитесь: 307

Мария Захарова обновила статус.

7 ноября 2016 г. · 🌐

ФБР - Все Боремся с Россией

Я не понимаю, что происходит с Вашингтоном: рука Москвы во всех местах, "кремлевские хакеры", утечки секретной информации, запрет российским дипломатам приближаться к избирательным участкам. Дошло до открытого запугивания сотрудников дипломатических учреждений. Так, Госдепартамент нотой рекомендовал российским представителям "самостоятельно не подходить к избирательным участкам", а власти некоторых штатов пошли ещё дальше и пригрозили уголовным преследованием. То есть даже посмотреть на процедуру голосования нельзя.

Но на выходных произошло до сих пор в учебниках не описанное. Вашингтон подключил к делу спецслужбы.

В последние дни имели место факты прямого давления на российские загранучреждения в США со стороны ФБР, агенты которого с нескрываемой угрозой дали понять, что американскими выборами нам лучше не интересоваться. Причем в Хьюстоне, чтобы сделать такое «предупреждение», была устроена целая спецоперация в стиле голливудских боевиков с блокированием на дороге автомобиля сотрудника нашего Генерального консульства. Остановили машину и начали "внушать", что на голосование нельзя не только смотреть, о нем нельзя даже думать. Именно так: зачем вы думаете о наших выборах 🤔 Передовые ребята - их уже и думать научили по разрешению.

Случай этот не единичный.

Наше Посольство в Вашингтоне сделало соответствующее представление Госдепартаменту. Но возникает вопрос: а что может увидеть иностранный дипломат на американских избирательных участках такого, что за дело взялись "мистер Смита", и почему процедура наблюдения за выборами вообще контролируется ФБР?!

👍🤔🤔 4,2 тыс.

Комментарии: 947 Поделились: 476

Мария Захарова ✓

10 февраля 2017 г. · 🌐

Хотите заработать миллионы?

СМИ: "Многие известные журналисты в США, пользующиеся электронной почтой компании «Google», получили за последнее время от этой компании уведомления о том, что на их пароли и почтовые ящики покушаются некие "хакеры, пользующиеся поддержкой государства". Само государство при этом не называется, но вашингтонская газета "Политико", опубликовавшая сегодня статью на эту тему, дает понять, что под подозрением находится прежде всего Россия. "Некоторые журналисты, получающие предупреждения, по их словам, подозревают, что хакеры могут быть россиянами, ищущими компрометирующие записки по электронной почте, которые можно было бы использовать, чтобы выставить журналистов в неловком свете", - пишет издание. Оно также приводит мнение бывшего посла США в Москве Майкла Макфола, который сам журналистом не является, но активно выступает с комментариями в социальных сетях в качестве политолога и тоже получал предупреждения от «Google». "С учетом моего прошлого следует наугад предположить, что это русские""

Так вот, если сейчас в Штатах начать продавать таблетки, антивирусы и шапочки с антеннами с подписью "Средство от русских хакеров", выручки хватит на три поколения вперед.

👍🤔 Вы и ещё 2,9 тыс.

Комментарии: 437 Поделились: 135

Мария Захарова обновила статус.

10 октября 2016 г. · 🌐

СМИ: "Британским министрам во время заседаний Правительства запретили пользоваться часами «Apple», произведенными одноименной американской корпорацией, из-за подозрений, что эти устройства «могут быть взломаны российскими тайными агентами». Об этом сегодня сообщила газета «Дейли телеграф»".

Что там Часы "Apple". Странно, что "Дейли телеграф" не знает: лучше всего "российские тайные агенты" взламывают Breguet.

4 тыс.

Комментарии: 549 Поделились: 253

Мария Захарова ✓

11 января 2017 г. · 🌐

Как слышится, так и пишется

Сегодня общалась с западными журналистами. Основной вопрос - нетленка BuzzFeed о «попытках» России повлиять на президентскую кампанию в США.

Своё отношение к умопомрачительной ереси высказала в полном объёме. Этот нечеловеческий бред просто невыносим.

- Но ведь там называются конкретные фамилии?! - прозвучал сотый вопрос на тему.

Действительно, в материале упоминается, среди прочего, «высокопоставленный сотрудник российского Посольства в Вашингтоне Михаил Кулагин». Утверждается, что наш дипломат был якобы «плотно вовлечен» в некую предвыборную операцию (!), но был досрочно отозван в августе прошлого года в Москву из-за опасений публичной огласки его деятельности.

Я не сразу, но догадалась, что речь идет о [Михаил Калугин](#) (а не Кулагине - такого сотрудника в нашем Посольстве в Вашингтоне не было), который шесть последних лет работал в российской дипмиссии в Вашингтоне, где занимал должность руководителя ЭКОНОМИЧЕСКОЙ группы. В функции Михаила, которого знаю лично, входило регулярное общение с представителями деловых и экспертных кругов в Вашингтоне и других городах Америки, выступления с интервью и лекциями о российско-американских экономических отношениях.

В августе 2016 года Михаил Калугин в обычном режиме завершил свою командировку, о чем мы все знали за полгода - это все отражено в кадровых документах о ротации. Но важно другое - многие из его американских коллег (а его действительно знали очень многие) были в курсе отъезда ещё в начале прошлого года. В августе 2010 года приехал в Вашингтон, в августе же 2016 года и уехал - классика жанра.

А про отъезды и приезды знаю так хорошо ещё и потому, что в 1993 году познакомились с его будущей женой [Мария Калугина](#) на первом курсе факультета международной информации МГИМО, а потом мы с ней вместе пришли работать в пресс-службу МИДа. Это я [Miriam Elder](#) для вас специально пишу - как говорят наши американские коллеги, "всё есть в социальных сетях", да и вообще - обращайтесь.

- Вы хотите сказать, что в докладе нет ни одного правдивого слова? - не унималась корреспондентка.

- Ну почему же! Трамп существует, - ответила я.

4 тыс.

Комментарии: 472 Поделились: 192

Мария Захарова ✓

11 июня 2021 г. · 🌐

СМИ: «Союз УЕФА попросил украинскую команду прикрыть расположенный на форме к матчам чемпионата Европы лозунг «Героям слава!». Об этом сообщили в пресс-службе УЕФА. Отмечается, что делегат УЕФА будет перед каждым матчем проверять, виден ли лозунг»

Замаска, клей, изолента? Или ✂️

2,2 тыс.

Комментарии: 1,6 тыс. Поделились: 60

Нравится

Комментировать

Поделиться

Мария Захарова ✓

11 октября 2016 г. · 🌐

СМИ: "Глава британского МИД Борис Джонсон считает, что противники войны в Сирии должны устроить демонстрацию у посольства России в Лондоне .

"Безусловно, я бы хотел видеть демонстрации тех, кто выступает против войны, у российского посольства. Но где же коалиция "Останови войну"?", - сказал Б.Джонсон, выступая во вторник в британском парламенте"

Видимо, Борис Джонсон перешёл от слов к делу и применил оружие , которым грозил России, - стыд. Нам действительно за него стыдно.

2,2 тыс.

Комментарии: 673 Поделились: 129

Мария Захарова обновила статус.

13 ноября 2016 г. · 🌐

СМИ: "Обама попросит Грецию закрыть порты для российских кораблей"

И ведь это не предел! Обама, например, вполне может попросить закрыть Пушкина для голубей или доски для гвоздей.

Друзья, а что ещё может попросить закрыть Обама?

[#обамапопроситзакрыть](#)

4,7 тыс.

Комментарии: 1,5 тыс. Поделились: 343

Russian Foreign Ministry - МИД России ✓

16 марта 2017 г. · 🌐

#Мнение М.Захаровой - <http://bit.ly/2mJhPo7>

СМИ: "Центр стратегических коммуникаций #НАТО объявил российскую юмористическую передачу #КВН "инструментом политической стратегической коммуникации".

Не удивлюсь, если в глубинах этой аналитики #Галустян и #Ревва названы информационно-стратегическими подрывниками.

КВН best
NATO

👍👎❤️ 169

Комментарии: 12 Поделились: 32

Мария Захарова ✓

18 мая 2017 г. · 🌐

То, что сделал Алишер Усманов, записав видеообращение к Алексею Навальному, будут изучать в ВУЗах и колледжах специалисты по риторике и пиару. Великий же и могучий имеет для таких случаев четкую и далеко не новаторскую классификацию - "положить на". И Усманов "положил на Навального" так, что ни одному юристу или политтехнологу тут делать нечего. Один раз и навсегда. Каждое слово как стопудовый камень. И все "положены на". "Тьфу не тебя" - и нет больше никого. Круто, потому что по-мужски.

👍👎❤️ 6,7 тыс.

Комментарии: 3,1 тыс. Поделились: 777

Мария Захарова ✓

21 сентября 2021 г. · 🌐

- Папа, а ты за кого в 2021 году голосовал?
- За коммунистов, сынок.
- Ты был коммунистом?
- Нет, я был либералом.
- А либералы за коммунистов?
- Нет, они категорически против коммунистов.
- А коммунисты за либералов?
- Нет, они категорически против либералов.
- А коммунисты какое место заняли?
- Второе.
- А либералы?
- Никакое.
- А зачем тогда ты за коммунистов голосовал?
- Это было умное голосование.
- А первое место кто занял?
- Те, кто были против умного голосования.
- Может, надо было тоже быть против умного голосования?
- Нет, сынок, надо быть принципиальным и не изменять идеалам, в которые веришь.

5 тыс.

Комментарии: 1,6 тыс. Поделились: 265

Мария Захарова обновила статус.

21 октября 2016 г. · 🌐

Yes!

СМИ: "Служба безопасности Украины запретила на пять лет въезд в страну гражданке РФ Наталье Порывай, известной как певица Наташа Королёва, которая в декабре собиралась выступить в Киеве с концертом. "Да, запретили въезд на пять лет", - сказали агентству "Интерфакс-Украина" в пресс-центре СБУ. В СБУ пока не уточнили формулировку основания для запрета въезда."

Гоголь вовремя умер, надо честно признаться.

PS Но ничего. У Олега Ляшко опыт пения патриотических песен в Луганске есть - не пропадут.

https://m.youtube.com/watch?feature=player_embedded...

Вы и ещё 2,8 тыс.

Комментарии: 798 Поделились: 164

Мария Захарова обновила статус.

21 октября 2016 г. · 🌐

Ммммм История с закрытием счетов RT в Великобритании перестаёт быть томной. Она начинает пахнуть и не чем-нибудь, а Би-Би-Си. А это, как в детской песенке про Братца Кролика: "Если близко лисий хвост, значит близко лиска".

За дело взялась русскоязычная дочка рупора Её Величества, буквально за сутки "накопав" на российский телеканал ... а ничего не накопав. Так бывает: копали, копали и не накопили. Большой материал и ни о чем. Зачем? А чтобы осадочек остался.

Немного напоминает историю [Леонид Свиридов](#) Чтобы придумать предлог для выдворения корреспондента РИА Новости из Польши за проведённую выставку памяти Стенина, польские власти запустили слух о том, что он "не совсем журналист". И тут же, как по команде, тему подхватили все, кому не лень. Больше всех старались отдельные личности на "Эхе". Эфир за эфиром. Смешно получилось. Потому что в результате копаний выяснилось, что все эти годы Леонид Свиридов был внештатным сотрудником организации из трёх букв, но не той, на которую так намекали и там, и тут, а другой - Эха. Да-да, именно эта запись в трудовой книжке была найдена по итогам "журналистского расследования". Чувствую, как-то так будет и в этот раз. Но в любом случае, русскоязычной службе Би-Би-Си желаю удачи. Она ей сейчас понадобится, потому что раскопки - вещь такая, увлекательная и непредсказуемая

2,1 тыс.

Комментарии: 131 Поделились: 94

Мария Захарова ✓

22 сентября 2016 г. · 🌐

Новости 21 века: "Вице-президент США Джозеф Байден предупредил украинские власти о необходимости выполнять обещанные экономические и политические реформы или стать свидетелем того, как ЕС отказывается от санкций в отношении РФ, сообщает агентство «Рейтер». «Мы знаем, что если они дадут повод ЕС, сейчас есть, как минимум, пять стран, которые хотят сказать «Мы хотим выйти из санкций против Москвы», — сказал Байден, выступая в Совете по международным отношениям в Нью-Йорке".

В переводе это звучит так: "Братья украинцы! Надо еще поднатужиться. Забудьте о смысле, не думайте о последствиях. Ваша цель - продление антироссийских санкций! Повторяйте это трижды в день, и счастья наших детей станет утешением для ваших".

3,4 тыс.

Комментарии: 559 Поделились: 272

Мария Захарова ✓

22 сентября 2016 г. · 🌐

...

О, Боже! Да за что же они так со своим же Госсекретарём!!! Он ведь только вчера в зале СБ ООН пытался всех убедить, что конвои в Алеппо - российских рук дело. И меньше чем через сутки Пентагон стреляет ему в спину: "Американские военные не располагают фактами о причастности России к удару по гуманитарному конвою в районе Алеппо, но считают ее ответственной за этот удар, заявил в четверг глава Комитета начальников штабов (КНШ) ВС США генерал Джозеф Данфорд. «У меня нет фактов. Мы знаем, что два российских самолета находились в то время в этом районе. И я считаю, что они могли это сделать. Но нам также известно, что там находились и самолеты сирийского режима. Я не могу однозначно сказать, что это была Россия. Но это были либо русские, либо режим», — сказал Данфорд на слушаниях в сенате. По мнению Данфорда, «Россия несет ответственность» за этот удар. «Я просто не знаю, чьи именно самолеты сбросили бомбы», — сказал он".

Вот так тупо и безжалостно они подставили Госдеп и показали высоту полета американских силовиков.

3,5 тыс.

Комментарии: 498 Поделились: 283

Мария Захарова ✓

1 ч · 🌐

...

Джонсон заявил, что Путин не начал бы спецоперацию, «если бы был женщиной». Вот это у Бориса Джонсона фантазии с испариной. Чем они там семёркой занимались-то?

478

Комментарии: 229 Поделились: 14

Нравится

Комментировать

Поделиться

Мария Захарова ✓

30 декабря 2016 г. · 🌐

...

Американские официальные лица "анонимно пробрифинговали" свои СМИ о том, что в качестве ответной меры Россия закрыла американскую школу в Москве. Это ложь. Видимо, Белый дом совсем обезумел и начал придумывать санкции против своих же собственных детей.

И не надо писать, что "Москва опровергла... или Москва не будет...". Напишите как есть: "Телеканал CNN и другие западные СМИ снова со ссылкой на американские официальные источники распространили недостоверную информацию"

Обычно, у Деда мороза просят что-нибудь принести. В этом году я попрошу его кого-нибудь унести.

8,8 тыс.

Комментарии: 1 тыс. Поделились: 873

Нравится

Комментировать

Поделиться

Мария Захарова ✓

29 января 2017 г. · 🌐

По информации Daily Mail (выпуск выходного дня The Mail On Sunday), Министр иностранных дел Великобритании Борис Джонсон «пришёл в ярость» из-за того, что официальному представителю МИД России Марии Захаровой было отправлено приглашение посетить торжественный вечер в палате общин. Газета целую полосу посвятила этой животрепещущей теме. Представляю, что было бы, если бы я поехала 🤔. Нелепые они, конечно: Лондон давно стал прибежищем всякой нечисти, вроде недобитых террористов, беглых олигархов и проворовавшихся чиновников. А тут отправленное приглашение возмутило. Демократия, одним словом.

Объявляю конкурс карикатуры на тему "Борис Джонсон пришёл в ярость из-за направления приглашения Марии Захаровой на торжественный вечер в палату общин". Победителю - приз.

Работы оставляйте под этим постом.

Russian Foreign Ministry - МИД России ✓

25 ноября 2016 г. · 🌐

#Opinion by Maria Zakharova: ...Consider the cast-iron logic: Ukraine has a visa-free arrangement with the "aggressor country," but those who are defending Kiev from the "Russian enemy" don't want to let Ukrainians in. Full text here - <http://bit.ly/2goMhTu>

#Мнение М.Захаровой - <http://bit.ly/2glRkk8>

СМИ: "Либерализацию визового режима с Украиной тормозит целый ряд стран, входящих в Евросоюз. Об этом заявил глава Европарламента Мартин Шульц.

Шульц отметил, что Совет ЕС пока не может согласовать механизм отмены визового режима. Процесс, в частности, тормозят Франция, Бельгия, Италия, Германия и ряд других стран".

Логика железная: со "страной-агрессором" у Украины безвизовый режим, а защитники Киева от "российского врага" к себе украинцев пускать не хотят.

👍👎❤️ 108

Комментарии: 6 Поделились: 21

Мария Захарова обновила статус.

26 сентября 2016 г. · 🌐

Вот когда Саманта Пауэр что-то говорит, то хочется плакать от страха за будущее мира - оно в руках, которые подчиняются именно таким головам.

Очередная блестящая цитата - Постпред США при ООН, не найдя никакой иной аргументации, сравнила действия России в Сирии с варварскими.

Я понимаю, что она сделала это для образности и в связи с отсутствием каких-либо фактов. Но даже если так. Ведь нужно же хоть сколько-нибудь знать мировую историю.

1. Если рассуждать в историческом контексте, к варварам принадлежали и кельтские и славянские племена. Поэтому Саманта Пауэр не права, не причислив себя к ним.

2. Если говорить об исторических параллелях, то Саманта Пауэр не права второй раз, потому что варвар - это тот, кто не принадлежит империи. Хотя... Учитывая, что империя сегодня лишь одна, и это не Россия...

3. С точки зрения образности Саманта Пауэр не права третий раз, потому что ничего более варварского, чем Ирак и Ливия в исполнении Вашингтона мир в новейшей истории не видел.

Но Вы, Саманта, не останавливайтесь: чем больше Вы говорите, тем меньше работы у "кремлевской пропаганды".

А теперь серьезно. Причин этой "Саманты Барбары", в которую американцы превращают Совбез, две.

Первая. Вашингтон не может выполнить взятые на себя обязательства по отделению террористов и "умеренных".

Вторая. Вашингтону нужно отвлечь внимание от расследования своих ударов по Дейр-эз-Зору.

4,5 тыс.

Комментарии: 923 Поделились: 390

Нравится

Комментировать

Поделиться